

Марина Цветаева Письма к А. Тесковой

Марина
Цветаева

Письма
к А. Тесковой

Марина Цветаева

ПИСЬМА
К АННЕ ТЕСКОВОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЕРСТЫ»
ИЕРУСАЛИМ • 1982

ACADEMIA
издательство
Чехословацкой Академии наук
Прага 1969

Переиздано
обществом друзей
Марины Цветаевой

Катарзис
Марины
Цветаевой

В течении многих лет В. В. Морковин был связан с русской литературной жизнью в Праге: он выступал здесь как поэт и беллетрист, принимал участие в дебатах литературных кружков, последние же годы посвятил собиранию материалов по истории литературы, в особенности той, которая в свое время развивалась на его глазах. Ему удалось разыскать, опубликовать или подготовить к печати много неизвестных или забытых фактов и документов, касающихся литературы как русской, так и чешской.

В молодости он имел возможность лично встречаться с крупнейшей русской поэтессой — Мариной Ивановной Цветаевой как в Праге, так и, позднее, в Париже. В память этого знакомства он стал систематически собирать сведения о ее творчестве и человеческом облике. Одним из результатов его деятельности является, между прочим, и предлагаемое собрание писем Марины Цветаевой к ее чешскому другу — Анне Тесковой.

Письма эти выходят впервые, причем — на русском языке, чтобы сохранить их подлинное звучание. Но русский язык был нашим издательством также оставлен из-за желания опубликовать их на языке мирового значения, как того заслуживает всемирная уже известность имени Марины Цветаевой и все возрастающий интерес к ней повсеместно, в особенности же на ее родине, которую мы имели в виду в первую очередь.

Однако, так как предлагаемые письма имеют чрезвычайное значение и для объяснения духовной связи Цветаевой с Чехословакией, мы верим, что со временем выйдут и чешский перевод этих писем, а В. В. Морковин опишет пребывание поэтессы в нашей стране.

Жизнь Марины Цветаевой (1892—1941) достаточно подробно освещена в информативном предисловии В. Н. Орлова к советскому

изданию ее «Избранных произведений» (М.—Л., 1965 г.). Поэтому напомним лишь, что пражская эмиграция поэтессы продолжалась с начала августа 1922 г. до конца октября 1925 г.

Отрезок времени, в котором обе женщины встречались (лично они познакомились в конце 1922 или в начале 1923 г.), был, как видим, сравнительно короток; тем более трогательна их неугасающая и глубокая «дружба на расстоянии», от которой осталась переписка, интенсивно продолжавшаяся в течении долгих лет парижской эмиграции М. Цветаевой (конец 1925 г. — середина 1939 г.) — вплоть до ее возвращения из Франции в СССР. Более подробные сведения о дружбе обеих женщин и об их переписке находятся в статье В. В. Морковина «О письмах М. И. Цветаевой к А. А. Тесковой», помещенной за настоящим предисловием.

Чтобы дать читателю возможность вникнуть как можно глубже в духовную атмосферу писем и сравнить ее со спецификой поэтического мышления Цветаевой, попытаемся прежде всего начертать профиль поэтессы.

Имея большое, любвеобильное сердце, будучи предрасположенной к участливости, Цветаева нетерпеливо ждала у врат любви, жизни, радости, гармонии. Она казалась предназначенной для того, чтобы присутствовать при низвержении безжизненного, косного, мещанского мира. Но, будучи создана для искреннего чувства, Цветаева не дождалась ни наполнения своей большой любви, ни радости и гармонии, а, наоборот, очутилась по ту сторону судьбы своего народа.

Объясняется это обычно так, как будто к поэтессе только что-то пристает «извне»: в Цветаевой, словно быв в капле росы, как бы только отражаются противоречия времени — с одной стороны утонченность, благородство и культурная восприимчивость русской интеллигенции, с другой — бремя старых, идеалистических предрассудков. Поэт, однако, является не только точкой пересечения общественных сил, он представляет собой не только случайное поприще столкновения ценностей, надвигающихся на него, он не является только зеркальной каплей росы, он сам — также инициатор человеческих и художественных закономерностей, он сам представляет собой совершенно

подлинную человеческую и художественную драму, распространяющую свой свет далеко вокруг себя.

В чем же заключается эта драма в случае Марины Цветаевой? Стихия — а мы уже видели, какой напряженной является у нее стихия любви, радости и порыва — втягивает человека в таинственные омуты чувств, в провалы природной красоты, в опьянение звуками поэтической речи, стихия является областью движения, изменений, эмпирии, переживаний. Человеческая личность стремится влиться в этот буйный поток, но одновременно и сопротивляется, не желая поддаться ему целиком. Марина Цветаева защищает свое внутреннее единство, пытается покорить себе область постоянства, абсолюта, она отворачивается от химер переживаний, скорее вопрошая об их смысле.

Столкновение стихий с личностью и ее постулатом абсолюта является резким и постоянным, оно ведет, однако, к очищению стихии, к ее катарзису. «Чудо» Марины Цветаевой заключается в том, что ей были свойственны как *«безудержная нежность»*, так и *«слишком гордый вид»*; с одной стороны преумноженная стихия, с другой — не менее преумноженная потребность единства своей личности, весьма рационалистическое стремление к наибольшему приближению к абсолюту. Поэтому-то катарзис, возникающий из этого конфликта, встречающийся редко у какого другого поэта в такой степени, является ключом к ее профилю человеческому и художественному.

Марина Цветаева обуреваема страстным отвращением к будничным, прозаическим, вызывающим отчуждение проявлениям жизни, однако, спасение она видит не в *психе́*, она не хочет пассивно следовать за бледной эмпирией переживаний; она отвергает эмпиризм (который не в силах остановить свой выбор на одной из двух чистых областей человеческого бытия) и становится классицизирующим поэтом как чистой плоскости тела, так и чистой плоскости духа. Если о душе она написала: *Да ее никогда и не было, | Было тело, хотело жить*, то, в другом месте, она скажет о силе духовного принципа: *Тяну, ресницами плеча, | Всех юношей за край плаща. | Но Голос: «Мариула, в путь!» | И всех отталкиваю в грудь.*

Будучи, с одной стороны, чрезвычайно эмоционально-восприимчивой, с другой стороны, она не хочет поддаться простым эмоциональным настроениям, и тогда Цветаева становится на путь монумент-

тальной поэзии, она пишет о чувствах, очищенных в процессе яркой стилизации. Если ее любовь — глубокая покорность (*Я — деревня, черная земля. | Ты мне — луч и дождевая влага. | Ты — Господь и Господин, а я | Чернозем — и белая бумага!*), то не является покорностью, не представляет собой пассивного сейсмографа чувств сама ее любовная поэзия; наоборот, это активно стилизованная поэтическая модель покорности, тут все чисто и прозрачно, и именно поэтому звучат эти стихи так по-современному. У Цветаевой и чувство радости (которая ей не была чужда — она писала: *Русского страдания мне дорожке ётевская радость*) подвергается катарзису — отсюда в ее поэзии элементы гимна (гимн — очищенная радость); тем скорее подвержено катарзису гораздо более частое чувство страдания — тут мы встречаемся с Цветаевой трагической (трагическое — очищенная боль). Не даром ее в античном мире привлекает идея рока и предопределенности, не даром Цветаевой близки мысли Ницше о происхождении трагедии.

Будучи предрасположена к любовной драме, она не хотела оставаться лишь горько-примиренным рассказчиком своих катастроф, каким — на наивысшем поэтическом уровне — являлась Анна Ахматова, чьей поклонницей, впрочем, Марина Цветаева была; не желая приять дурманящего заместителя ценности, которой в ее действительной судьбе не было, Цветаева, однако, не соглашалась отказаться от ценности самой... Какое же она найдет решение, как она проплывет между Сциллой простой записи переживания, того, что было, и Харибдой продукта своей фантазии, того, что должно было быть? Цветаева останется в поэтической проекции ценности, сохранит ее полный смысл, за исключением, однако, одной ее стороны — ее эмпирического осуществления. Она станет певцом любви отнюдь не выдуманной, однако, любви стилизованной, любви односторонней, просто излучаемой в пространство: *Таких обещаний я знаю бесцельность, | Я знаю тишину. | — Письмо в бесконечность. — Письмо в беспредельность. — | Письмо в пустоту.*

Она — певец любви на расстоянии, как, например, в великолепном цикле, преисполненном преклонения и уважения — «Стихи к Блоку». От любви неосуществленной линия ведет к любви неосознанной, невоплощенной, даже некоей антилюбви: *Спасибо вам и сердцем .! рукой | За то, что вы меня — не зная сами! — | Так любите: за*

мой ночной покой, | За редкость встреч закатными часами, | За наши не-гулянья под луной, | За солнце, не у нас над головами, — | За то, что вы больны — увы! — не мной, | За то, что я больна — увы! — не вами!

Все эти не-гулянья и т. д. весьма показательны: в них сохранен полный смысл явления, лишь его реальное существование вывернуто наизнанку, так что поэтесса может не прибегать к традиционному решению (состоящему из грез и фантазий, неочищенная материя которых преобладает тогда над чистым смыслом явлений) задачи, как ввести в стихотворение неосуществленную в реальной жизни ценность.

Будучи необычайно приспособлена к восприятию жизни, к стихийности, к порывам, взрывам чувств, к мятежу (она очень восхищалась русскими бунтами, Стенькой Разиным, Лжедмитрием), Цветаева, однако, не хотела оставаться поэтессой просто виталистической; так же она не хотела отдаться той стороне современного ей «бунта» (на самом деле — революции), которая, к сожалению, больше всего ей бросалась в глаза — историческому процессу «релятивизации» ценностей в революции, расшатыванию «абсолютных категорий», падению «величественности». Какое же решение ныне находит для себя Цветаева? Подобно экзистенциалистам, она проверит бренность жизни вечной смертью, уже в молодости восклицая: *Послушайте! — Еще меня любите за то, что я умру...*, а после 1917 г. она станет певцом «абсолютных категорий», в реальных носителях которых, однако, будет постепенно разуверяться, не веря, например, что белая конница ген. Мамонтова может вступить в Москву; позднее, в Праге, откажется издать свою книгу «Лебединый стан», идеализирующую белую армию, осознав расхождение книги с исторической действительностью; в ее творчестве будут все возрастать — часто в подобии сатиры — выпады против мещанства и она не станет отрицать, после своего ухода из Советской России, что определенный опыт русской революции навсегда уже останется в ее миропонимании; в «Стихах к сыну», написанных в 1932 г., она сближает звуки СССР и SOS; она хочет, чтобы распря, отмежившая ее поколение, не перешла на поколение сына; она ненавидит фашизм и всецело полагается на СССР, как на преграду против него... Впрочем, ко всем этим, уже известным фактам, добавит много нового и интересного именно эта книга. Цветаеву постоянно привлекают люди «с того берега», например, ее «не-

нависшая любовь» — В. Маяковский. Однако, она долго не могла различить за этими людьми контуры чего-то иного, чем простой исторической относительности, чем просто силы и просто тяжести: *Превыше крестов и труб, | Крецисный в огне и дыме, | Архангел-тяжелоступ | — Здорово, в веках Владимир!* (Из стихотворения «Маяковскому»).

Будучи, наконец, очень «нелитературной», чрезвычайно предрасположенной к восприятию красоты не художественно опосредствованной, а первоначальной красоты мира, к гармонии звуков (у нее, как поэта, все в звуке), Цветаева, однако, не хочет стать жертвой эстетического гедонизма, весьма далекого от катарзиса. Какой же выход находит она в этом последнем пункте своей поэтической структуры? Для нее этот выход в дионисовском отношении к жизни и поэзии, в «демонической» концепции искусства.

Это, впрочем, «демонизм» вполне русский, в нем звучат характерные мотивы, например:

Мотивы юродивости — *И думаю: когда-нибудь и я, | Устав от вас, враги, от вас, друзья, | И от уступчивости речи русской, — | Надену крест серебряный на грудь, | Переkreцусь — и тихо тронусь в путь | По старой по дороге по Калужской. ... — Провозжай же меня, весь московский сброд, | Юродивый, воровской, хлыстовский! | Поп, крепче позаткни мне рот | Колокольной землей московскою!*

Мотивы цыганские — *Гомон гитарный, луна и грязь. | Вправо и влево качнулся стан: | Князем — цыган! | Цыганом — князь!*

Мотивы поэтического волшебства, «глаза», «заговора» — *Милый призрак! | Я знаю, что все мне снится, | Сделай милость: | Аминь, аминь, рассыпья! | Аминь.*

Мотивы русской удали и размаха — *Другие — с очами и с личиком светлым, | А я-то ночами беседую с ветром. | Не с тем — италийским | Зефиром младым, — | С хорошим, с широким, | Российским, сквозным!*

Мотивы любовные, переплетающиеся с мотивами смерти, мотивы сна и ночи, например, в стихотворении, относящемся, несомненно, к одной из вершин русской лирики всех времен — *Черная, как зрачок, как зрачок, сосущая | Свет — люблю тебя, зоркая ночь. | Голосу дай мне воспеть тебя, о прамаоть | Песен, в чьей длани узда четырех ветров. | Клича тебя, славословя тебя, я только | Раковина, где еще не умолк*

океан. | Ночь! Я уже нагляделась в зрачки человека! | Испепели меня, черное солнце — ночь!

Цветаева решает свою задачу так, что отстраняет «литературу», она не хочет знать ничего, кроме «этого мира», однако, в нем она ищет лишь то, что напоминает художественный катарзис: возвышенное, как бы искупаемое присутствием низкого, чрезвычайно эмоциональный поэтический язык, предельно сжатый ритм, стих, как бы вышелушенный до самых нужных слов, производящий на первый взгляд впечатление торжества первичной стихийности и магии, однако, при более глубоком проникновении в его структуру, являющий собой в такой же мере пристанище рационализма — *Сад: ни шажка!* | *Сад: ни глазка!* | *Сад: ни смешка!* | *Сад: ни свистка!* | *Без ни-ушка!* | *Мне сад пошли:* | *Без ни-душка!* | *Без ни-души!*

Цветаева полным правом может сказать, что если в ее дионисовском поэтическом мире могут свою художественно действующую роль сыграть даже изменник, насильник, убийца, то лишь для одного там нет места — для эстета. С таким же правом, однако, она может заявить, что ни за что не поступится своим «ремеслом» и своим положением поэта . . . («Она и была поэтом, только поэтом, всецело поэтом, поэтом с ног до головы», пишет В. Н. Орлов в упомянутом очерке). Она могла как свой антиэстетизм, так и свою поэтическую исключительность утверждать потому, что в ее восприятии уравнение «пробывать в жизни — быть поэтом» вполне естественно (и более убедительно чем тот аспект, по которому полезные профессии важнее профессии поэта).

Во всех приведенных документах внутренней драмы поэтессы мы наблюдали всегда одну и ту же основную схему: как будто извне, сокраин, в самую глубь ее души устремляются буйные стихии. Здесь, однако, в самой сердцевине они сталкиваются с осью ее существа, совершенно иной, рациональной, жаждущей абсолюта и единства; они разбиваются о нее, изменяют как себя, так и ее, подвергаются катарзису. Так снова и снова самовозрождается поэтесса Цветаева — одновременно верная и неверная самой себе, что, впрочем, она сама понимала лучше всех: *Как мы вероломны, то есть — | Как сами себе верны.*

Письма Цветаевой во многом тесно сплетаются с ее поэтическим творчеством. В некоторых случаях можно говорить о параллельности определенных ее поэтических сведений с сообщениями, находящимися в письмах. Это, в первую очередь, касается того, что нам, чехам, в ее творчестве особенно дорого: ее искренних симпатий сначала к находящейся под угрозой, а потом растоптанной нашей стране, поэтически проявившихся в цикле «Стихов к Чехии», а в переписке с Тесковой изложенных в письмах 1938 и 1939 гг.

Но параллели находятся и в частых упоминаниях о близко ей знакомой пражской среде, например, о декорации города — а город здесь, собственно говоря, значит гораздо больше, чем просто внешнюю декорацию — в таких кладях русской поэзии, как «Поэма горь» и «Поэма конца».

Мы не полагаем, однако, что есть смысл подыскивать к подобным лирическим произведениям адекватные места в письмах Цветаевой — прототипы того или иного события, того или иного лица. Подобные слишком непосредственные сопоставления — в особенности, если речь идет о лирике — скорее сбивают с пути, чем что-либо объясняют. Это тем более относится к лирике Цветаевой, являющейся автобиографической скорее своей атмосферой, или же своими частными мотивами, чем цельными сюжетами. Биографические данные из писем поэтессы служат скорее иллюстрацией к тому, какой ценой Цветаева платила за свою поэзию, чем фактическим основанием для лирических образов. И еще: они свидетельствуют не о прототипах „героев“, а об определенном характере человеческих отношений в жизни Марины Цветаевой.

Иногда переписка как бы дополняет «белые места» в поэзии Цветаевой, образовавшиеся потому, что Цветаева уже не успела их заполнить: вспомним, например, ее необычайный интерес, проявляемый в письмах из Франции, к пражской статуе рыцаря на старинном мосту через Влтаву; около статуи, очевидно, должен был развернуться широкий поэтический замысел, к сожалению не осуществленный (небольшое стихотворение «Рыцарь на мосту» относится еще ко времени ее пребывания в Праге).

В других случаях «белые места» возникали в ее поэзии потому, что определенные моменты, о которых мы узнаем только из писем, были для нее раз навсегда прокляты, погружены в бедность, пошлость,

убогость и тем самым попросту недопустимы в ее поэзию. Мы подразумеваем многочисленные места в письмах Цветаевой, в которых говорится о ее материальной нужде, неудовлетворенности, оскорблениях и унижениях; каждый читающий эти письма в нашей стране не сможет не вспомнить человеческой судьбы Божены Немцовой.¹

Цветаева не относится к тем художникам-эстетам, которые могут, точно прикосновением волшебной палочки, заставить засиять любое явление, и также при чтении ее писем бросается в глаза горькая тщательность и точность, с какой она — даже графически — отделяет в целом ряде писем слой духовного, «божественного», от слоя будничного, повседневного.

Но пусть будет позволено сказать, что, несмотря на всю глубину сочувствия к женщине так преследуемой судьбой, мы всё же испытываем некое небольшое «чешское удовлетворение»:

удовлетворение ввиду того, что это была Прага и вообще Чехословакия, которые — хотя социально-заостренный взгляд поэтессы был далек от какой-либо идеализации — оставили в Цветаевой такие сердечные воспоминания;

ввиду того, что здесь поэтесса пережила вершину своего творчества (именно к ее «чешскому» периоду относится ряд наиболее удачных вещей, в частности обе названные поэмы-протесты против быта, неискренности, окостенелости);

ввиду того, что в особенно тяжком 1938 году, когда со стороны Запада мы жадно ловили все немногочисленные голоса симпатии к нам, прозвучали между ними из Парижа первые из цветаевских «Стихов к Чехии», к которым ныне можно присоединить и страстные строки из писем к А. Тесковой;

ввиду того, что это была определенная, хотя и скромная, чешская помощь, которая ей, также как и многим другим ее соотечественникам, даже и во Франции, в течении долгих лет облегчала тяжелую нужду. Мы не думаем, что эту помощь можно было бы свести всего-навсего к политически преднамеренной поддержке русской эмиграции: сама Цветаева подает в письмах свидетельство о том, что ту помощь, которая доставалась ей, она считала обусловленной неучастием в деятельности правых эмигрантских организаций.

Напомним также определенный художественный принцип ее

поэзии, а именно: Цветаева в своих стихах часто сообщает себя некоему молчаливому и неназываемому собеседнику, обращается к нему со своим монологом (или точнее: с осуществленной половиной диалога). Как не вспомнить этот композиционный принцип, читая ее письма? У нас в руках именно лишь половина письменного диалога М. Цветаевой с ее чешским другом и близким ей человеком.

Как не вспомнить также ее поэтические новообразования — составные слова «немецкого типа» (например, *Петро-диво*, *Петро-дело*, *на Марс-страна*, *без-нас-страна*), если мы встречаемся в письмах со словами того же рода, например: *факт приезда*, *уже-присутствия*. Есть в письмах и тот же принцип графического выделения центрального слова в тексте . . .

Тут логика наших размышлений приводит нас к языковым деталям. Не следует забывать, что и в то время, когда Цветаева жила в идейном отчуждении от своей отчизны, это было ее отношение к языку, отношение свободного, суверенного и притом крайне восприимчивого человека, благодаря которому она сохранила контакт с современной поэзией в СССР. Не случайно о ее поэзии высказался ее принципиальный противник в эмигрантской критике: «Содержание будто наше, а голос — *ихний*».

В то же время мы осознаем, что мы не отметили такую культурно-историческую примечательность писем Цветаевой, как ее признания о духовной связи с Пастернаком или с Рильке (вместе с опубликованным здесь, малоизвестным его стихотворением), а также множество свидетельств о ее отточенном и своеобразном художественном вкусе, о ее литературных симпатиях и антипатиях. Особое место в письмах последнего периода занимают ее колебания перед возвращением в СССР . . .

Нам ясен риск, который мы берем на себя, выявляя эти ее колебания, нерешительность, неуверенность перед возвращением в СССР, ее раздумья: За границей я лишняя, в СССР я нужна, там мои друзья, мой читатель, мой русский пейзаж, но пустят ли меня туда? А если пустят, разрешат ли мне писать, будут меня печатать? Как я там устою со своим характером? Что будет с сыном? (Марина Цветаева не замечает, что в те моменты, когда она пугается Москвы, овешенной плакатами, она сама создает себе упрощенное, плакатное представление о современной России.) Мы понимаем, что можем вызвать неудоволь-

ствии в тех людях, для которых гладкость граней приемлемей, чем непреклонность фактов, и которые ничего не знают о драматической постройке человеческих судеб.

Мы полагаем, однако, что не нанесли ущерба памяти поэтессы. Чем мучительнее были ее колебания, тем большее значение имеет окончательное решение: *Ехать!* Вернуться домой! Что бы там ни было, все лучше, чем те возможности, которые ее сыну предлагает мещанский Париж. Чем болезненнее были ее опасения, что в староновой среде она уже не сможет занять соответствующее литературное положение, тем более убедительным является возвращение Цветаевой доказательством ее любви к отечеству.

Крупная русская поэтесса заслуживает читателя, не ищущего сенсаций, но воспринимающего ее письма с глубоким чувством, с пиететом и пониманием.

Зденек Матгаузер

О письмах
М. И. Цветаевой
к А. А. Тесковой

Предлагаемые вниманию читателей письма Марины Ивановны Цветаевой к Анне Антоновне Тесковой выходят в свет по решению Чехословацкой Академии наук. Письма эти не являются лишь памятником многолетней дружбы, но и необыкновенно важным человеческим, литературным и национальным документом. Они охватывают время с 15-го ноября 1922 г. по 12-го июня 1939 г., т. е. преобладающую часть творческого пути поэтессы. Они не только рассказывают нам об условиях ее жизни, о многих связанных с нею событиях, но и дают возможность заглянуть в ее внутренний мир.

Далее письма свидетельствуют о непрерывном росте Цветаевой, как человека и гражданина. Впрочем, этому впечатлению от писем содействует и то, что чем больше развивалась ее дружба с А. А. Тесковой, тем шире она раскрывала перед собеседницей двери своей души.

Но есть еще один повод для опубликования этих писем — в одном из них Цветаева говорит — «о Праге думаю с нежностью, мой любимый город после Москвы. И чехи этого никогда не узнают!»² Пришло время, чтобы они это узнали.

Более того — они имеют на это право.

Анна Тескова, которую русские друзья привыкли называть Анной Антоновной и которой Цветаева посвятила один из циклов своих стихотворений — «Деревья», как своему «чешскому другу»³, родилась в Праге 20-го ноября н. с. 1872 г. Ее дед со стороны матери — Вацлав Севера — был горячим патриотом, ненавидящим австрийское владычество за его политический и национальный гнет. Он встречался с выдающимися чешскими писателями и общественными

десятелями — Палацким⁴, Рингером⁵, Нерудой⁶, Боженной Немцовой и другими. Частым гостем у него был и Напрстек — хороший знакомый Бакунина и Герцена. Жившая у него свояченица принимала деятельное участие в Пражском восстании 1848 г.

Его жена Мария в молодости знавала Иозефа Добровского⁷. В своих очерках А. А. Тескова часто вспоминает деда и бабу⁸. Несомненно, культурные и патриотические традиции рода были ей переданы.

Ее мать, тоже Анна, предпоследняя дочь Вацлава Северы, родилась в 1852 г. Она получила тщательное музыкальное образование и всю жизнь прекрасно играла на рояле. Двадцати лет от роду она вышла замуж за инженера Антонина Теску. В 1873 году он, с женой и малолетней дочкой Анной, переселился в Москву, где ему удалось создать себе прочное положение. Здесь, в 1878 году, родилась его вторая дочь — Августа. Старшая — Анна — посещала русскую школу, детские впечатления навсегда остались для нее неизгладимыми.

Но через несколько лет семью постигло горе — при уличном несчастии погиб отец. Оставшаяся без средств вдова давала уроки музыки. Так прошло еще несколько лет. Когда Анне было четырнадцать лет, они вернулись в Прагу.

Здесь обе девочки окончили школу, а затем курсы по подготовке учительниц. В течении многих лет они преподавали в начальных девичьих школах, в части города называемой Жижковом. В зрелые годы обе стали писательницами. Анна Антоновна рассказывала в своих очерках о московской жизни. Хотя она писала по-чешски, ее проза своими темами, идеями, мотивами — прочно связана с литературой русской. Но ее тяга ко всему русскому проявилась также в большом количестве сделанных ею переводов — из В. С. Соловьева, Толстого («Война и мир», в сотрудничестве с двумя другими переводчиками), Достоевского («Униженные и оскорбленные»), Мережковского («Леонардо да Винчи»), Паустовского («Кара-Бугаз») и многих других.

Рассказы Августы Антоновны, по большей части, из чешской жизни. Их содержание — часто женственное, иногда насмешливое, всегда — лирическое. В произведениях обеих сестер отразились и их характеры. Анна Антоновна была человеком действия, от отца она

унаследовала организационный талант. Августа Антоновна, наоборот, была похожа на свою мать. Она была тиха и задумчива. В первой четверти нашего века, когда сестры печатались, их вещи, несомненно, имели многочисленных читателей.

Марина Цветаева в своих письмах очень часто вспоминает мать и младшую сестру Анны Антоновны и шлет им свои приветы.

Анна Антоновна скончалась в Праге 20-го сентября 1954 г., Августа Антоновна — 10-го января 1960 г. Обе похоронены на Виноградском кладбище, в одной могиле со своей матерью.

Со времени Иозефа Добровского чешская общественная мысль развивалась под знаком приязни к России. Но если в первой половине XIX века чешское руссофильство было романтическим, то истинное положение вещей познал по-настоящему в сороковых годах Карел Гавличек-Боровский⁹, поехавший в Россию и поступивший домашним учителем к М. П. Погодину, а затем к С. П. Шевыреву. В первые дни пребывания в Москве он был в восторге — в Праге, в то время, была единственная кафедра чешского языка и литературы на всю Чехию, Моравию и Словакию, а в России, в университетах, было уже четыре кафедры славянских литератур. «Славянофилы» — Погодин, Шевырев, Хомяков, Киреевский — казались ему средоточием русской интеллигенции. Несколько вещей Гоголя, тяготевшего к этому кружку, Гавличек перевел на чешский язык и напечатал в пражских журналах.

Но вскоре он понял реакционный характер русского «славянофильства». К сожалению, он не встречался с передовыми русскими людьми того времени. Разочарованный, он вернулся в Чехию и стал противником не только царизма, но и славянофильства.

Переоценка, произведенная Гавличеком, в виду его большого влияния, как журналиста и человека лично познавшего отрицательные стороны русской жизни, определила отношение значительной части чехов в революционные годы 1848—49, т. е. отвращение к царизму и любовь к русскому народу, как таковому. Свои политические чаяния они возлагали на пробуждающееся революционное сознание у русских, на возможность переворота и введения демократического

режима. Поэтому, в 60-ых годах в значительной мере проявилось влияние на чешскую общественную мысль Ал. Герцена и его «Колокола».

Начиная с 70-х лет началось глубокое, систематическое ознакомление чехов и словаков с русской культурой. Примером могут служить два писателя — Антал Сташек и Вилем Мрштик, оба убежденные руссофилы. Оба посетили Россию — первый в 70-х гг., второй — в конце века. Русская действительность их разочаровала, но в отличие от Гавлическа, не оттолкнула. Сташек, по своем возвращении, написал, что из всего пережитого у него осталась лишь ненависть к царизму, глубокая симпатия к русскому народу и его литературе, *«которая ввела во всемирное искусство новый дух, дала ему новые краски, прозвучала новыми, до сих пор не слыханными звуками»*. Также и Мрштик, относясь отрицательно к самодержавию, отмечает — *«я не остался слепым, однако, к хорошим проявлениям земли русской. Россия мыслящая, пишущая, Россия произнесенная своими поэтами — совершенно иная»*.

На переломе столетий с этическими взглядами Л. Н. Толстого знакомили чехов Душан Маковицкий, Т. Г. Масарик и Зд. Неедлый. Это следует отметить, так как на мирозерцание Толстого оказал сильное влияние средневековый чешский писатель П. Хельчицкий¹⁰.

В начале века любовь ко всему русскому приобрела новое выражение. Так, издававшаяся в Брно рабочая газета «Ровность», писала: *«Еще до недавних пор Россией любовались реакционеры, теперь же она становится надеждой всех европейских революционеров. Россия указывает дорогу остальному свету, здесь социализм соединился с силой народа»*. Это было напечатано в 1903 г., за два года до первой русской революции!

После окончания Первой мировой войны, в независимую Чехословакию возвращалось из России много военнопленных, legionеров, чешских красноармейцев или же просто до того времени проживавших там чехов и словаков, — привезших на родину любовь ко всему русскому.

Этот более чем краткий обзор имел своей целью отнюдь не рассказать о чешско-русских взаимоотношениях, но лишь показать, что за последних полтора века у чехов и словаков руссофильство было одним из устоев мирозерцания. Создание Чешско-русской Едноты,

основанной в Праге в 1919 г., было в значительной мере вызвано проявлением этих чувств. Цели этого общества были культурно-благотворительные — помощь при возвращении на родину русских военнопленных, облегчение участи беженцев и под. Чешско-русская Еднота в своей деятельности опиралась преимущественно на консервативные круги чешского общества. Несколько позднее, левые круги, во главе с проф. З. Неедлым, организовали «Общество по культурному и экономическому сближению с новой Россией», а потом и массовую организацию — «Союз друзей СССР». Но здесь мы уже выходим из рамок нашей темы.

Анна Антоновна Тескова принимала в организации Чешско-русской Едноты самое деятельное участие. Сначала она заняла в ней место руководителя культурного отдела, а потом была избрана председателем всей Едноты. На этом посту она оставалась много лет.

В Едноте часто устраивались литературные и музыкальные вечера. На одном из них Тескова пригласила выступить Марину Цветаеву, незадолго до этого приехавшую в Прагу¹¹. Так началось их знакомство, перешедшее затем в долгую дружбу, свидетельством которой остались публикуемые письма.

Хотя, в течении рассматриваемых семнадцати лет, характер и духовная сущность Марины Цветаевой оставались неизменными, менялось ее мирозерцание и, часто, взгляды на людей. Иногда она, с течением времени, начинала их видеть с другой стороны. Так, например, первое знакомство с поэтессой Аллой Головиной вызвало отнюдь не благоприятный отклик. Позднее Цветаева, наоборот, отзывается о ней с лаской и приязнью. Поэтому ее отдельные оценки надо воспринимать осторожно, исходя из ее основных установок, а не внезапных порывов.

Часто она пишет о том, что собирается прислать определенное стихотворение или статью, иногда даже «прилагаю». В архиве А. А. Тесковой эти присылки не сохранились. Одно из двух — или Цветаева решение не выполнила и обещанное не прислала, или же Анна Анто-

новна передала их кому-нибудь другому. Второе — вероятнее. Литературные материалы Тескова могла отдать, скорее всего, А. Л. Бему¹². Надо надеяться, что они сохранились в его, пока еще не изученном, архиве.

Сравнительно много писем, на которые Цветаева в дальнейших ссылается, вообще не дошло. Так, 7-го декабря 1952 г. — «*узнаю... что Вы до сих пор от нас ничего не получили. Мы написали Вам... тотчас же по приезде, т. е. на второй день...*» Письма от 3-го октября в тесковском архиве нет, как и ряда других. Трудно сказать, чем были вызваны пропажи. Возможно — собственной рассеянностью Цветаевой.

Письма написаны по старому правописанию, которое Цветаева предпочитала новому, полагая его лучше передающим дух русского языка. Иногда, впрочем, она сама себя за это вышучивала. Так, в очерке «Мать и музыка», она пишет: «*Ах, сила крови! Вспоминаю, что моя мать до конца жизни писала: Thor, Rath, Theodor — из немецкого патриотизма старины, хотя была русская, и совсем не от старости, потому что умерла 36-ти лет. — Я с моим п!*»

В тексте Цветаева выделяла отдельные слова — писала их разрядкой, прописными буквами, подчеркивала простой или же прерывистой чертой. Мы принуждены были эти отметки значительно упростить. Бумагу писем она использовала всю, часто делая приписки по краям. Мы поместили их под ее подписью. Сноски под чертой в тексте писем принадлежат Цветаевой, равно как и круглые скобки; квадратные — наши. Многоточие обозначает пропуск текста. Количество пропущенных строк приводится в круглых скобках, напр.— (пр. 7 с.)

Как и во всех напечатанных до сих пор письмах Марины Цветаевой, ее мысль идет сложным, собственным путем. Так, в дни раздела Чехословакии, она просит купить и прислать ожерелье чешской работы. Очень подробно описывается внешний вид желаемого — «*из богемского дымчатого (не белого!) хрустала, граненого... не вокруг шеи, а чтобы лежало на груди, т. е. длинное граненое, дымчатое, по возможности из круглых и крупных бус (бывают «moderne» — какие-то кривые, я их не люблю) ...чтобы все бусы были одной величины, не: на шею крохотные, потом большие, потом громадные...*» Письмо написано

в разгар мюнхенского сговора. Что это — легкомыслие, равнодушие к судьбе чешского народа, мелкие дамские интересы? О, нет! Для нее подобное ожерелье было бы талисманом, звеном связи с Чехией, вечным мemento.

Трагедию любимой ею страны она воспринимала особенно болезненно. Письма этого времени полны гнева и презрения. Стихи, посвященные Чехии — образец поэзии воинственной и непримиримой.

Но ее любовное отношение проявляется и ранее.

Незадолго до своей смерти Августа Антоновна даровала весь семейный цветаевский архив пишущему эти строки. Архив состоит из 135 писем и дальнейших бумаг. Напечатанный текст представляет, примерно, свыше двух третей из них. При его подготовке мы старались руководствоваться долгом такта по отношению к памяти поэтессы; поэтому из него были исключены некоторые места касающиеся живущих особ, далее многое относящееся к личным или семейным делам поэтессы, наконец, или мало интересные или часто повторяющиеся бытовые подробности, естественные в ее трудной жизни, но чрезмерно бы отяготившие текст.

В одном из своих писем Марина Ивановна пишет Анне Антоновне — *«есть... особое малодушие: неотсылки. У меня так: если не отошло тотчас-же — не отошло никогда. Нынче, разбирая бумаги и обнаружив целых четыре страницы мелкописи, уже хотела было — разом в печь, со всем и ко всем остальным — и — одумка: письмо-то, по существу, не мое, а Ваше...»*¹³

Эти строки мы полагали цветаевским завещанием. Письма, несомненно, принадлежат чешскому народу и поэтому архив был нами передан — куда бы его, конечно, сдала и Анна Антоновна — в Национальный памятник словесности в бывшем Страговском монастыре.

Вадим Морковин

Прага, апрель 1967 г.

ПИСЬМА
1922 — 1939

№ 1

Мокропсы, 2|15 ноября 1922 г.

Милостивая государыня,
Простите, что отвечаю Вам так поздно, но письмо Ваше от 2-го ноября получила только вчера — 14-го.

Выступать на вечере 21-го ноября я согласна. Хотелось бы знать программу вечера.

С уважением

Марина Цветаева

Адр: Praha VIII
Libeň Svobodárna
M-r Serge Efron
(для М. Ц.)

№ 2

Вшеноры, 5-го декабря 1924 г.

Многоуважаемая г-жа Тешкова,
(Простите, не знаю имени — отчества).

Мне очень трудно ответить на Вашу просьбу (о лекции) утвердительно, — и по двум причинам: первая: для того, чтобы читать лекции, нужно быть уверенным, что в какой-нибудь области знаешь больше, чем другие, — я же такой области *не знаю*. Тон с кафедры, силой вещей, — поучительный, я-же могу гадать, утверждать, но не поучать.

Причина вторая и, объективно, более веская: в феврале я жду сына (непременно сына!) — и совсем не могу загадывать о мае. Думаю, что я буду так связана, что навряд ли, даже переборов все внутренние препятствия, смогу 21-го мая, в 7 ч. вечера, стоять на кафедре.

В Едноте я была несколько раз, но Вас там не видела. Удастся ли 14-го — не знаю, поездки по желез. дороге мне уже трудны, и нет подходящего платья.

А Вас повидеаю с удовольствием... (пр. 3 с.) Если будет хорошая погода — погуляем (здесь чудесные окрестности), дождь и снег — посидим дома и побеседуем, почитаю вам стихи. Познакомитесь, кстати, с моей дочерью и мужем... (пр. 2 с.)

Привет

М. Цветаева.

Мой адр.: Všenory, č. 23 (P. P. Dobřichovice)

Ехать до станции Вшеноры (вокзалы: Вильсонов, Винограды, Вышеград, Смихов) — наш дом (23) один из последних в деревне, направо от шоссе, на пригорке, с ярко-голубым забором (пр. 6 с.)

№ 3

Вшеноры, 11-го января 1925 г.

С Новым Годом, милая Анна Антоновна,
Давно окликнула бы Вас, если бы не с субботы на субботу поджидание Вашего приезда.

Теперь обращаюсь к Вам с просьбой: не могли ли бы Вы разузнать среди знакомых, какая лечебница («болезнь» Вы знаете) в Праге считается лучшей, т. е. гигиенически наиболее удовлетворительной, считаясь с моей, сравнительно малой, платежеспособностью. Как отзываются об «Охране материнства»? (сравнительно — дешевая). Срок у меня — месяц с небольшим, а у меня еще ничего не готово, кроме пассивного солдатского терпения, — добродетели иногда вредной.

Простите, что беспокою Вас столь не-светской просьбой, но у меня в Праге ни одной знакомой чешской семьи, — только литераторы, которые этих дел не ведают.

Шлю Вам привет и не теряю надежды в ближайшем будущем увидеть. — У нас прелестная елка, будет стоять до Крещения (6|19-го янв.), приезжайте, зажжем.

Сердечный привет.

М.Ц.

Дорогая Анна Антоновна,
Вам первой — письменная весть. Мой сын, опередив и медицину и лирику, оставив позади остров Штванице, решил родиться не 15-го, а 1-го, не на острове, а в ущелье.

Очень, очень рада буду, если навестите. Познакомитесь сразу и с дочерью и с сыном.

Спасибо за внимание и ласку.

М. Цветаева

P. S. Мой сын родился в воскресенье, в полдень.

По германски это — *Sonntagskind*, понимает язык зверей и птиц, открывает клады. Февральский камень — аметист.

Родился он в снежную бурю.

Дорогая Анна Антоновна,
Пишу Вам ночью, при завешенной лампе, почти наугад, — С. Я. уезжает с утренним поездом, и в суматохе утра не успею... (пр. 8 с.)

... Я уже сижу, — вчера первый день. С прислугой пока ничего, местные (поденные) очень дороги, 12—15 кр. в сутки, жить не идут. Ищем в Земгоре. Моя угольщица (лесовичка) уходит в пятницу — в леса, очевидно. У С. Я. в ближайшие дни 3 экзамена (Нидерле, Кондаков и еще один), и он весь день в библиотеке. Весь дом остается на Але, ибо я даже если встану, недели две еще инвалид, т. е. долженствую им быть. Я не жалуясь, но повествую. И все это, конечно, минет.

Когда я встану, перепишу Вам кусочек прозы для чешск. женского журнала. У меня много прозы, — вроде дневника (Москва, 1917 г. — 1921 г.). Некоторые отрывки уже шли в «Воле России», «Совр. Записках» и «Днях». Дам Вам неизданное. Но хотелось бы наперед знать, примут ли. Для образца прочтите мой «Вольный проезд» в «Совр. Записках» (не то XIX, не то XX книга). Можно вы-

брать лирическое, есть юмор, есть быт. Напишите мне и приблизительный размер журнала. Есть у меня и маленькая пьеса «Метель» — новогодняя сценка в лесной харчевне 30-х годов — в стихах, ее бы, я думаю, отлично перевел Кубка. Но экз. у меня один (напечатана в 1922 г., в парижском «Звене»). Хотите ознакомиться — пришлю. Если Кубка заинтересуется, было бы очень приятно.

Большая просьба, м. б. нескромная: не найдется ли у кого-нибудь в Вашем окружении простого стирающегося платья? Я всю зиму жила в одном, шерстяном, уже расплзшемся по швам. Хорошего мне не нужно, — все равно нигде не придется бывать — что-нибудь простое. Купить и шить сейчас безнадежно: вчера 100 крон акушерке за три посещения, на днях 120—150 кр. угольщице за 10 дней, залог за детские весы (100 кр.), а лекарства, а санитария! — о платье нечего и думать. А очень хотелось бы что-нибудь чистое к ребенку. Змея иногда должна менять шкуру. Если большое — ничего, можно переделать домашними средствами.

Купила коляску за 50 кр. — почти новую, чудесную: одновременно и кровать и креслице. Продавали русские за отъездом. Постепенно мальчик обрывает собственностью, надеюсь, что она *не прирастет*.

А вчера я совершила подвиг: уступила С. Я. имя Бориса, которого мне так хотелось (в честь моего любимого современника, Бориса Пастернака). Мальчик будет называться Георгий и праздновать свои именины в день георгиевских кавалеров. Георгий — покровитель Москвы и, наравне с Михаилом Архистратигом, верховный вождь войск. (Он же, в народе, покровитель *волков и стад*. Оцените широту русского народа!)

Половина четвертого утра. Кончаю. Все спят, это мой любимый час.

У нас весна, на орешнике сережки, скоро гулять! Тогда Вы к нам приедете и уже не будете плутать.

Спокойной ночи или веселого утра. Надеюсь, что здоровье Вашей мамы с весной поправится.

Простите за почерк

М. Ц.

№ 6

Вшеноры, 15-го февраля 1925 г.

Милая Анна Антоновна,
Посылаю Вам для женского журнала свой «Вольный проезд», Прочтите и подумайте, подойдет ли для женского журнала. Если да и найдется переводчик, очень хотела бы хотя бы письменно с ним сообщиться. Пусть бы мне прислал список не совсем ясных слов и выражений (язык народный) — я бы пояснила.

А не взялись ли Вы сами перевести? С Вами бы наверное столковались. Сейчас, после лежания, очень ослабли глаза, поэтому посылаю уже напечатанное. — Не играет роли?... (пр. 7 с.)

Целую Вас нежно.

М. Ц.

...А чехи тоже забывают! В этом я убедилась тотчас после Вашего ухода: в углу на ящике серый чемодан.

Или только побывавшие в России?...

№ 7

Вшеноры, 26-го февраля 1925 г.
(пр. 25 с.)

№ 8

Вшеноры, 20-го апреля 1925 г.
(пр. 18 с.)

№ 9

Вшеноры, 3-го мая 1925 г.

Дорогая Анна Антоновна,
Давайте — отложим чтение до июня, очень прошу! Как раз около 12-го будет в Праге Степун, мне очень хочется его послушать, а выехать два раза на одной неделе мне не удастся. (Можно ли не предпочесть другого — себе?!) К тому же я сейчас как-то очень устала, а такой вечер требует полного сосредоточения, ведь дело в выборе стихов, — я живу по стольким руслам! Кто мои слушатели? Не для себя же читаешь! (Для себя — пишешь).

Словом, моя большая просьба: перенесем на июнь... (пр. 14 с.)

... С большой радостью думаю о Вашем приезде как-нибудь на целый день, с Вами мне легко, — Вы не замечаете быта, поэтому мне не приходится ничего нарушать. Будем ходить и сидеть, а может быть — лежать даже! на траве, на горе — и говорить, и молчать.

А я Вас в прошлый раз даже не напоила чаем! Но это, отчасти Вы виноваты: когда мне с человеком интересно, я забываю еду: свою и его. Но, по настоящему, г-жа А-ва виновата: в таком хорошем доме должен быть чай. (Иначе, для чего они — «хорошие дома»?!)... (пр. 3 с.)

М. Ц.

№ 10

Вшеноры, без даты
(пр. 10 с.)

№ 11

Вшеноры, 26-го июня 1925 г.
(пр. 14 с.)

№ 12

Вшеноры, 12-го авг. 1925 г.

(пр. 5 с.)... О нас, вкратце: С. Я. вот уже месяц, как в санатории (Земгорской здравнице), за эту зиму потерял 18 кило, сейчас весит 62, вес костей. Аля и Георгий растут и цветут... (пр. 2 с.) С трудом, но пишу. Заканчиваю воспоминания о Брюсове. Вот бы хорошо — отрывки в Pragerpresse. Не знаете ли адреса Кубки? Если бы написали ему (о Брюсове для Pr. Presse), была бы Вам очень благодарна... (пр. 3с.)

№ 13

Вшеноры, 9-го сент. 1925 г.

(пр. 1 с.) ...Простите за поздний отклик, сердцем я откликнулась раньше.

Бесконечное спасибо Вам за заботу, рукопись Кубке отправлена, сказал, что раздаст ее частично. Вышло, как всегда, впятеро длинней, чем думала, вместо анекдотических записей о Брюсове-человеке — оценка его поэтической и человеческой фигуры с множеством сопутствующих мыслей. Любопытно, как Вам понравится. Задача была трудная: вопреки отталкиванию, которое он мне (не одной мне) внушал, дать идею его своеобразного величия. Судить, не осудив, хотя приговор — казалось — готов. Писала, увы, без источников, цитаты из памяти. Но, м. б. лучше, — мог бы выйти целый том... (пр. 6 с)

...А у меня план: проведем с Вами как-нибудь целый день — волшебный. В Праге, я приеду. Пойдем в старую часть города, в какие-нибудь места, где никто не бывает, потом в кафе, потом домой, к Вам, — музыка и стихи. Ваша мама любит Шопена? Если да, буду просить ее, — мой любимый.

Осуществим непременно. Попрошу С. Я. посидеть, вырвусь и дорвусь до настоящей себя.

Целую Вас. Сердечный привет маме и сестре. Не забывайте... (пр. 1 с)

...Фазанье перо — от Али. Весь лес усеян!...

№ 14

Вшеноры, 1-го октября 1925 г.

(пр. 1 с.)... Вопрос и просьба: не могли бы Вы похранить у себя некоторое время нашу корзинку с вещами? Некоторое время, потому что: либо через три месяца — вернусь, либо, если устроюсь в Париже (в чем *очень* сомневаюсь) — С. Я. ее мне вышлет „petite vitesse“.

Корзина большая, предупреждаю, — но, может быть, нашлось бы место в передней? Невозможно везти с собой *всё*, не зная, останешься ли. Очень попросила бы Вас поскорей сообщить мне ответ. Заграничный паспорт на днях будет, визу М. Л. обещал достать, денег пока нет. Еду с Алей и Муром (самовольное уменьшение от Георгия) — два взрослых билета — и виза — и перевозка — и предъотъездная уплата долгов... Но, раз нужно, — думаю, — уеду.

Непрененно хочу перед отъездом провести с Вами вечерок. Я у Вас ни разу не была, знаю, что буду жалеть об этом — не хочу

жалеть *небывшего*, а радостно вспоминать *бывшее*. — Видите, как я сама к Вам в гости напрашиваюсь? —

Отъезд — предполагаемый — после двадцатого этого месяца. Как поеду — не знаю: ужасающе — неприспособлена. Не едет ли, случайно, кто-нибудь из Ваших знакомых? Не знаю, напр., как устроить с питанием Георгия? Ест он 4 раза в сутки, и ему все нужно греть. Как это делается? Спиртовку ведь жечь нельзя. Впервые я была в Париже шестнадцать лет — одна — влюбленная в Наполеона — и не нуждавшаяся ни в теплой, ни в холодной пище. — Сто лет назад. —

Приезжайте к нам на прощание. Я Вас нежно люблю. Вы из того мира, где только душа весит, — мира сна или сказки. Я бы очень хотела побродить с Вами по Праге, потому что Прага, по существу, тоже такой город — где только душа весит. Я Прагу люблю первой после Москвы и не из-за «родного славянства», из-за собственного родства в нею: за ее смешанность и многодушие. Из Парижа, думаю, напишу о Праге, — не в благодарность, а по влечению. Издалека все лучше вижу. И, может быть, Вы мне сообщите несколько реальных данных, чтобы все окончательно не уплыло в туман. Итак, мне *очень* хочется побродить с Вами по Праге, пока еще листья есть. Во мне говорит не любитель старины, — это *тесно и местно*, просто — влекусь в тишину. Очень хотелось бы узнать происхождение: приблизительное время и символ — того пражского рыцаря на — вернее — под Карловым мостом — мальчика, сторожащего реку. Для меня он — символ верности (себе! не другим). И до страсти хотелось бы изображение его — (где достать? нигде нет) — гравюру на память. Расскажите мне о нем все, что знаете. Это не женщина, и спросить можно: «сколько тебе лет?» Ах, какую чудную повесть можно было бы написать — на фоне Праги! Без фабулы и без тел: *роман Душ*.

Никому не рассказывайте. Ведь не знаю, напишу ли, а будут знать другие — наверное не напишу.

Никому не рассказывайте также о моем отъезде, т. е. о *возможности* моего невозвращения. И, если вернусь, помогите мне устроиться в Праге, где-нибудь на окраине, хорошо бы — неподалеку от Вас. Мы бы вместе ходили и бродили. Жизнь за-городом не в меру тяжела — даже мне. Столько лишней работы и такая дороговизна на всё, кроме жилища... (пр. 13 с)

(пр. 2 с) ... Насчет Парижа: еду не в Париж (не люблю *залибленных* мест, как *залибленных* людей: всегда подозрительно!), а вообще, *еду*, — надо же куда-нибудь! А в Париж — потому что там мне обещают устроить выступление (заработок) и — потому что там друзья. У меня их мало.

Здесь прожила не год, а целых полтора — безвыездно. Не забывайте, что это не Прага — и даже не деревня, а крохотное провинциальное местечко, душное, как долина, где расположено. И слишком много черной работы, — мысль не тупеет, но чувства — спят... (пр. 9 с)

(пр. 1 с)... *Ради Бога* — сегодня же передайте это письмо г-же Юрчиновой. Денег из Парижа до сих пор нет, ехать мне 31-го, в субботу, необходимо. Иначе я остаюсь без квартиры (1-го уже въезжают) и без провожатых (31-го уезжают в Париж г-жа Андреева с сыном). Положение трагическое.

Я прошу г-жу Юрчинову одолжить мне эту тысячу крон. 15-го ноября, на Сокольской ул., в Земгоре, у г-на Заблоцкого она их получит. Если парижские деньги придут — получит раньше. Объясните ей, что эти деньги — верные, мое ежемесячное чешское иждивение.

Просить мне не у кого, может быть она соберет среди знакомых. За день за два (в *крайнем* случае в пятницу) необходимо взять билеты. Поезд уходит в субботу, 31-го, в 10 ч. 45 мин. с Вильсонова.

Если ничего не изменилось, завтра у Вас будет Аля. Может быть через нее уже можно будет узнать ответ.

Спасибо Вам, и Вашей матушке, и сестре за чудесный день. Я Вашу матушку не поблагодарила тогда за игру, — это не значит, что я ее не почувствовала. Ей ведь тогда не хотелось играть Шопена, а она играла, — это меня вдвойне тронуло. Пристрастие мое к Шопену объясняется моей польской кровью, воспоминаниями детства и любовью к нему Жорж Санд.

Целую Вас нежно. Убедите г-жу Юрчинову, что я не афферист и к деньгам, а главное — к просьбам о них — отношусь с отвращением. (Потому их у меня никогда нет.)

До свидания — через Алю — до завтра... (пр. 2 с.)

№ 17

Вшеноры, 28-го октября 1925 г.

(пр. 1 с.)... Аля от Вас вернулась — как из сказки. Конечно, Ваш дом — зачарованный, жилище не трех душ, а — души. И душам в нем — «дóма». Остальные же пусть не ходят.

И — очаровательное внимание души к телу — спасибо за чудесный чай с таким чудесным названием и в такой чудесной обертке, за шоколад из времен Гомера, за напоминающие детство — сухари. Спасибо за всё.

Деньги беру и ими спасаюсь. Сегодня телеграмма из Парижа — раньше 12-го не могут. А ехать нужно — не все налажено, а все разложено — разложено — жить в состоянии отъезда немислимо... (пр. 10 с.)

№ 18

Париж, 7-го дек. 1925 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Узнаю из письма С. Я., что Вы до сих пор от нас ничего не получили. Мы написали Вам с Алей тотчас же по приезде, т. е. на второй день, с подробным описанием дороги, видов, чувств, спутников, разговоров. О последней Чехии — мимолетной Германии — первой Франции. Обо всем.

Потом ждали ответа, потом устраивались, потом я, не отрываясь, дописывала к сроку две последние главы своей поэмы «Крысолов» («Воля России»). Вторично написать не собралась не по отсутствию желания, но по абсолютной занятости: я в Париже месяц с неделей и еще не видела Notre-Dame!

До 4-го декабря (нынче 7-ое) писала и переписывала поэму. Остальное — как во Вшенорах: варка Мурке каши, одеванье и разде-

ванье, гулянье, купанье — люди, большей частью не нужные — *бесплодные* хлопоты по устройству вечера (снять зал — 600 фр. и треть с дохода, есть даровые, частные, но никто не дает. Так, уже три отката). Дни летят.

Квартал, где мы живем, ужасен, — точно из бульварного романа «Лондонские трущобы». Гнилой канал, неба не видать из-за труб, сплошная копоть и сплошной грохот (грузовые автомобили). Гулять негде — ни кустика. Есть парк, но 40 мин. ходьбы, в холод нельзя. Так и гуляем — вдоль гниющего канала.

Отопление газовое (печка) т. е. 200 франков в месяц.

Как видите — мало радости... (пр. 18 с.)

...Может быть можно было бы достать у г-жи Юрчиновой какое-нибудь *темное* платье мне, *для вечера*. Никуда не хожу, п. ч. нечего надеть, а купить не на что. М. б. у нее, как у богатой женщины, есть лишнее, которого она уже не носит. Мне бы здесь переделали. Если найдете возможным попросить — сделайте это. Меня приглашают в целый ряд мест, а показаться нельзя, п. ч. ни шелкового платья, ни чулок, ни лаковых туфель (здешний — „uniforme“). Так и сижу дома, обвиняемая со всех сторон в «гордости». С. Я. об этой просьбе не говорите, — пишу ему, что у меня всё есть. А платье, если достанете, передайте — «посылает такая-то»... (пр. 5 с.)

№ 19

Париж, 19-го декабря 1925 г.

(пр. 1 с.)... Поздравляю Вас с наступающим Рождеством. Волшебный город — Прага: там все подарочно, все елочно. Здесь (нынче 19-ое) ёлкой и не пахнет, в самом настоящем смысле слова. Елка считается германским обычаем, большинство ограничивается сжиганием (дымящем!) камине — „bûche de Noël“. Подарки к Новому Году, в туфлю. И всё.

Выставки великолепны и — потому — холодны. Жалею детей, соблазняемых всеми окнами. Не отсюда ли — раннее разочарование?

С моим вечером дело, пока, не двинулось. Живу на окраине, ни с кем не вижусь, у наших хозяев у самих забот по горло. Не Париж,

а Смихов, только гораздо хуже: ни пригорка, ни деревца, сплошные трубы...

Есть мечта переехать в Версаль, но от меня *ничего* не зависит... (пр. 7 с.)

...Другое горе: нет своей комнаты. Человек приходит ко мне — должен сидеть со всеми. Так было недавно с одной моей знакомой, приехавшей из России. А на людях — я не я, то есть тоже я, но не *основная*. Врожденная воспитанность заставляет направлять разговор на общие темы, — не интересные никому. И человек *меня* не видит. Как я — его... (пр. 9 с.)

... Очень много работаю. Только что сдала в «Дни» и «Последние новости» рождественскую прозу. Просмотрите рождественские номера... (пр. 5 с.)

... Читали ли отзыв в «Днях» о «Ковчеге»? И как встречен «Ковчег» чехами? Напишите. Интересно... (пр. 4 с.)

№ 20

Париж, 30-го декабря 1925 г.

С Новым Годом, дорогая Анна Антоновна!

Мне живется очень плохо, нас в одну комнату набито четыре человека, и я совсем не могу писать. С горечью думаю о том, что у самого посредственного фельетониста, даже не перечитывающего — что писал, есть письменный стол и два часа тишины. У меня этого нет — ни минуты: вечно на людях, среди разговоров, неустанно отрываема от тетради. Почти с радостью вспоминаю свою службу в советской Москве, — на ней написаны три моих пьесы: «Приключение», «Фортуна», «Феникс» — тысячи две стихотворных строк.

Я не люблю жизни как таковой, для меня она начинает значить, т. е. обретать смысл и вес — только преображенная, т. е. — в искусстве. Если бы меня взяли за океан — в рай — и запретили писать, я бы отказалась от океана и рая. Мне вещь *сама по себе* не нужна.

Спасибо за привет и ласку. И чудное платье — чье? Читали ли в «Днях» мое «О Германии»? и узнали ли меня в такой любви?

Здесь много людей, лиц, встреч, но все на поверхности, не затрагивая. С. Я. очарован Парижем, — я его еще не видела. И, пока, предпочитаю Прагу, её — несмотря на шум, а может быть — сквозь шум — тишину.

Целую нежно Вас и Ваших. Страшно не нравится жить.

М. Ц. (пр. 2 с.)

№ 21

Лондон, 24-го марта 1926 г.

Дорогая Анна Антоновна! Привет Вам и Вашим из Лондона, где вот уже две недели. Это первые мои две свободные недели за 8 лет (4 советских, 4 эмигрантских) — упиваюсь. Завтра еду обратно. Рада, но жаль. Лондон чудный. Чудная река, чудные деревья, чудные дети, чудные собаки, чудные кошки, чудные каминны и чудный Британский Музей. Не чудный только холод, наносимый океаном. И ужасный переезд. (Лежала не поднимая головы). Написала здесь большую статью. Писала неделю, дома бы писала 1¹/₂ месяца. Сердечный привет Вам и Вашим. Люблю и помню...

М. Ц.

№ 22

St. Gilles sur Vie, 9-го мая 1926 года

(пр. 2 с.) ... Я уже две недели как в Вандее, одна с детьми, С. Я. очень занят новым журналом «Версты».

Прочтите, пожалуйста, мою статью «Поэт о критике» во 2-ой книге «Благонамеренного» (только что вышла), за которую меня дружно травят: Адамович, Осоргин, С. Яблоновский и даже Петр Струве, которого, впрочем еще не читала.

„Laisser dire“ — вот что написано над дверью одного из здешних рыбацких домиков. То же говорю и я.

Дорогая Анна Антоновна, мне очень нужен весь мой матерьял (книга и вырезки), взятый у Кубки г-жой Юрчиновой. Как ее адрес? ... (пр. 5 с.)

(пр. 1 с.) ... Ваше письмо было для меня большой радостью и поддержкой. Самая большая редкость — чистый подход к вещи, вещь и ты, — так Вы подошли к моему «Поэт о критике».

Статья написана *просто* (это не значит, что я над ней не работала, — простота дается не сразу, сложность (нагроможденность!) легче!), читалась она предвзято. Один из критиков отметил, что я свою внешность считаю прекрасной (помните о красоте и прекрасности) — я, которая вообще лишена подхода к какой-либо внешности, для которой просто внешности (поверхности, самого понятия её!) нет.

Грызли меня: С. Яблоновский, Осоргин, Адамович (впрочем, умеренно, втайне сознавая мою правоту) и ... Петр Струве, забыв на секунду и Кириллу и Николая Николаевича. *Ни одного голоса в защиту*. Я вполне удовлетворена.

Но все это уже прошлое. Настоящее вещи — когда она пишется. Дописано — прошло. Самостоятельное существование вещи вне меня — вот цель и итог...

(пр. 3 с.) ... Погода ужасная, смена дождя и ветра, ходим в зимнем. На этом побережье *tous les vents se donnent rendez-vous*. Какие-то Норды, Осты, Весты, — и хоть бы один теплый!

Океан. Сознаю величие, но *не люблю* (никогда не любила моря, только раз, в первый раз — в детстве, под знаком пушкинского: «Прощай, свободная стихия!»).

Она свободная, а я на ней — связанная. Свобода моря равна только моей несвободе на нем. Что мне с морем делать? Глядеть. Мне этого мало. Плавать? не люблю горизонтального положения. Плавать, ведь это лежать, ехать. Я люблю вертикаль: ходьбу, гору. Равнодействующую сил: высоты и моей. На Океане я зритель: в театре: полулежа: в ложе. Пляж — партер. Люблю в театре только раёк (верх) т. е. горы, которых здесь нет.

Кроме того, море либо устрашает, либо разнеживает. Море слишком похоже на любовь. Не люблю любви. (Сидеть и ждать, что она со мной сделает). Люблю дружбу: гору... (пр. 7 с.)

... Но все-таки радуюсь, что в *Vandee*, давшей когда-то столь великолепную вспышку *воли*. В семи километрах от нас, возле фермы Mathieu, крест с надписью: здесь такого-то числа 1815 г. убит Henri de la Rochejaquelin. — Вождь Вандеи. —

Народ очаровательный: вежливый, веселый, легко жить. Одежда и головные уборы как века назад. В нашем St. Gilles церковь XIII в.

Дорогая Анна Антоновна, у меня к Вам большая просьба, трудная, не знаю как приступить.

У Новэллы Чириковой на вилле Боженка во Вшенорах (где жила Андреева) осталась наша большая корзина. Если бы Вы забрали ее к себе, Вы бы нас спасли. Вещи там очень хорошие (всё Муркино приданное), много моих, письма, тетради, всё, что я не забрала с собой, уезжая ... (пр. 4 с.) Нынче же пишу В. Ф. Булгакову и его жене, живущим во Вшенорах. Они Вам во всем помогут, только нужно списаться или сговориться. Všenory, č. 33 (Булгаков)... (пр. 20 с.)

Да! Последняя просьба! На дне корзины должна находиться толстая коричневая немецкая мифология, в переплете, с картинками.

Gustav Schwab – Die schönsten
Sagen des klassischen Altertums.

Эту книгу нужно отправить отдельно, *почтой*, заказной бандеролью, *не багажом*. Она мне крайне нужна в возможно скором времени для II ч. Тезея, которую пишу сейчас. Толстый, коричневатый, несколько разъехавшийся том. Там же имя с припиской:

книга на всю жизнь ... (пр. 3 с.)

№ 24

St. Gilles, 20-го июля 1926 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Потеряла Вашу открытку с адресом, всё надеялась найти при тщательной уборке, она не осуществилась, пишу по старому в надежде, что дошлют.

К 15-му сентября возвращаюсь в Прагу, на оставшиеся здесь

два месяца буду получать половинную стипендию, т. е. по 500 кр. вместо 1000 кр. Большого в мою пользу ни Булгаков, ни Завадский, ни другие хлопотавшие добиться не могли. Надеюсь, что прежнюю стипендию возобновят при моем приезде, на 500 кр. я с детьми никак не проживу. Выясню это к 15-му августа.

Теперь — в случае прежней тысячи в месяц — можно ли мне надеяться, дорогая Анна Антоновна, устроиться на эти деньги в *Праге*? Как бы хотелось возле Вас! Район (— думаю о детях, я фабрики и вокзалы, как самое печальное — люблю) должен быть непременно хороший, с близким садом для прогулки. Мне хочется в Прагу, а не загород, чтобы немножко побыть человеком, — не только душой и чернорабочим. Но я связана детьми и деньгами. О квартире думать нечего? Квартира — свобода, но — дорого? недоступно? Нельзя ли было бы найти две комнаты у чехов, любящих русских и не слишком строгих к порядку? Самое лучшее было бы — с уборкой (платила бы прислуге), м. б. с обедом? (только не за общим столом!). В той же Чехии можно жить по человечески, я жила не по человечески и устала так жить, заранее устала. Прагу я люблю самым нежным образом, но, по чести, так мало от нее взяла — и не по своей вине. В Праге везде — музыка! Ни разу не была в концерте. Хотелось бы познакомиться с чехами, особенно с женщинами, все это было бы возможно в Праге, невозможно за городом. Я буду жить одна с детьми, как я могу на целый день уехать в Прагу, оставляя Мура одного с Алей. Аля — большая, но девочка, большая девочка. Мур промочит ноги, Мур упадет со стула и т. д. Заместительницы у меня нет, я ни разу не выеду в Прагу. Я знаю себя. В Праге я могу уйти на час — это другое дело, или вечером, уложив Мура, все это другое. Мне хочется *влюбиться* в этот город, для этого нужен досуг.

Одну комнату — трудно, мне дети не дадут писать, я курю, (Муру вредно) — много вещей и т. д.

Так вот, дорогая Анна Антоновна, обдумайте и ответьте, возможно ли? *Если нет* — что ж, буду искать за городом, жить где-нибудь же нужно.

Иногда по вечерам я буду приходить к Вам, читать Вам стихи, беседовать, слушать музыку Вашей мамы. Не часто. Не бойтесь. Может быть — когда-нибудь — пойдём с Вами побродить по старым

местам. Я люблю Прагу совсем особой любовью, вижу ее городом *âmes en reine*, — м. б. от тумана?

Я уже здесь не живу, оставшиеся полтора месяца пролетят я не могу жить тем, что заведомо кончится. Моя Вандея уже кончилась. Вижу уже вечер укладки, утро отъезда. Передышка в Париже — рачьте дале! (Безумно лоблю этот крик кондукторов, жестокий и творческий, как сама жизнь. Это она кричит — кондукторами!)

Рачьте дале — но куда? У меня сейчас в Чехии ничего твердого нет, в устройстве я совершенно беспомощна. Вильсонов вокзал — куда? Боюсь, что просто сяду с Алей и Муром под фонарь — ждать судьбы (дождусь полицейского).

О здешней жизни уже не пишется, я уже еду, Вы это чувствуете. Больно (не очень, но всё-таки) что эсеры, которых я считала друзьями: Сталинский, Лебедев, Слоним — ничего для меня не сделали, даже не попытались. Реально: вступишь они — меня бы не сократили на половину, душевно — не понимаю такого платонизма в любви. Их поведение для меня слишком лирично... (пр. 2 с.)

— Знаете ли Вы, что редактор Благонамеренного, Шаховской (22 года) на днях принимает послух на Афоне. (Послух — послушник — идет в монастырь). Чистое сердце. Это лучше чем редакторство... (пр. 4 с.)

№ 25

St. Gilles-sur-Vie

(пр. 24 с.) ... Ваша открытка. Взглянув, я почувствовала странное волнение. В чем дело? Деревья. Деревья, которые я не видела в Париже (фабричный район), которых не вижу здесь (один песок). Деревья, которые лоблю больше всего на свете. У моря я у моря, в лесу я — в лесу: *mitten drinnen*. У моря я в гостях (ненавижу гостить, такой расход любезности!), в лесу я дома, одна, сама своя. Я, по чести не люблю моря и не думаю, чтобы его можно было *любить*. Оно несоизмеримо больше меня, я им подавлена. И величие его — не родственное (оттого подавлена!). Всякое величие родственное, но иное величие исключает понятие родства. Таково море. Я охотно отказываюсь (м. б. неохотно, но... приходится!) от родственности

в жизни, но с вещью (Ding) я роднось. Пусть меня не любят люди, но деревья пусть меня любят. Море меня не любит.

— Вот. —

На Вашей открытке деревья явственно протягивают мне руки, и открытка больше взволновала меня, чем море (даже Океан!), в котором я в тот день купалась. В море я *купаюсь*, в листе я *тону*.

Всякое не люблю сложно — как и люблю! — поэтому так странно... (пр. 15 с)

№ 26

St. Gilles, 24-го сент. 1926 г.

ДЛЯ ВАС ОДНОЙ.

Дорогая Анна Антоновна!

Какая трудная задача! Письмо, долженствующее убедить человека, меня не знающего, что мне — внешне — плохо. Мне внешне всегда плохо, потому что я не люблю его (внешнего), не считаю с ним, не отдаю ему должной важности и с него *ничего* не требую. Все, что я люблю, из внешнего становится внутренним, с секунды моей любви перестает быть внешним, и этим опять-таки, хотя бы в обратную сторону, теряет свою «объективную» ценность. Так, напр., у меня есть с моря, принесенный приливом или оставленный отливом, окаменелый каштан — талисман. Это не вещь. Это — знак. Чего? Да хотя бы приливов и отливов. Потеряв такой каштан, я буду горевать. Потеряв 100 царск. тысяч рублей в Госуд. Банке (революция), я не горевала ни минуты, ибо, не будучи с ними связана, не считала их своими, они в моей душе не числились, только в ухе (звук!) или в руке (чек), — на поверхности слуха и руки. Не имев, их не теряла.

Чешское иждивение. Я всегда удивлялась, за что мне дают. Если бы кто-нибудь из них любил мои стихи — да, как меня лично — да, но так, вообще, на веру... Таинственно. Я знаю себе цену: она высока у знатока и любящего, нуль — у других, ибо (высшая гордость) не «держу марки», предоставляю держать — мою — другим.

Для настойчивости в просьбах нужны — наивность, цинизм, бесстыдство: нужно поверить в то, что ты — для Чехии напр. —

фигура, поэт, для обществ. деятелей — ценность, поверить в целый ряд несообразностей и внушить их другим. Или же: прикинуться дурачком, убогеньким, нищенским: «по-о-дайте, Христа ради!»

Для первого я слишком скромна, для второго — слишком я, в обоих случаях — трезва.

Поэтому, и днес и впредь, мои просьбы неубедительны: застенчивы, юмористичны (чего не прощают!), иногда — прямолинейны (что отталкивает), всегда своеобразны, т. е. с печатью моего образа, который сильным мира сего не нравится. Начинаю прошение — просыпается мысль, юмор, «игра ума». Если два раза «что» или два раза «бы» — беру другой лист, не нравится, хочется безукоризненной формы, *привычка слуха и руки*.

Мне бы нужно *списывать* свои прошения, тогда бы они удовлетворяли и — удовлетворялись.

«Умираю с голоду» — «голодная смерть» — «страдаю общим малокровием» — *не могу*. Безвкусно, преувеличенно, грубо, неправдоподобно, не я. Я: «Несколько стеснена» ... «жизненные условия тяжелы — *как и полагается, впрочем*» — и дело уже провалено: обобщение, убивающее частный (мой) случай. — *Voilà* — ... (пр. 7 с.)

О нас всех: квартира снята, — в 15 мин. поездом от Парижа. Meudon. Лес. Отдельно садик для Мура. Жить мы будем с одной вшенорской семьей, дом пополам. Так легче. Адрес пришлю на днях. Нынче 24-ое, выезжаем, д. б., 1-го — 2-го. Тотчас же по получении от С. Я. точного адреса, пришлю Вам — еще отсюда.

Франц. хозяйки не лучше чешских, гораздо хуже: уезжая надо *лакировать* шкафы и кровати, этого со мной в Чехии — да и нигде — не было. Грозят агентами и жандармами. Неизвестно за что. Очевидно, простое желание выжать из последних иностранцев (мы здесь последние, как были — первые) последнюю копейку.

Мур хорошо ходит и бегаёт, живой, ловкий, бесстрашный, лезет в море, как в ведро, и в ведро, как в море. Говорит мало, но понимает всё. Аля выросла, похудела, похорошела. В Париже будет учиться в школе рисования Добужинского и Билибина. *Лучше чем гимназия*, — и призвание и будущий заработок... (пр. 4 с.)

... Теперь, дорогая Анна Антоновна, давайте помечтаем. Вы

непрерывно должны к нам приехать в Медон, погостить, посмотреть Париж. — Хорошо бы на Рождество. Я знаю, что поездка дорога, но... раз в жизни! Вся устрашающая [?] Парижа отпадет — Вы будете за городом, Париж только по желанию, но — совсем близко, рядом, поездка ходит через кажд. полчаса.

Давайте осуществим. Побываем с Вами в Версали, и в Фонтенбло, и в Музеях, и на набережных Сены. — Чудно? — Могли бы приехать с С. Я. (думаю — в Прагу поедет в начале декабря), а обратно, в Прагу, — вторая мечта! — со мной.

Страшно хочу в Прагу. Устроили бы мой вечер в Едноте, Вы бы меня познакомили с чехами, которых я совсем не знаю, побродили бы по Праге, словом — было бы чудно. Погостила бы у Вас неделю — 10 дней. Наговорились бы.

Кроме того, я человек трудовой, мне — лишь бы стол. Вашей жизни бы я не мешала, меня «развлекать» не нужно.

Ах, как было бы чудно!

На поездку я бы заработала и, м. б. немножко заработала бы — вечером — в Праге. Притянуть чехов, а? Женские круги всегда отзывчивые?

Так оправдан был бы обратный билет. *Все русские* бы на меня пошли, а их у Вас ведь ещё не мало?

Ответьте — что думаете.

Прага — в письме для Г. этого не напишу — мой любимый город. Недавно видела открытку с еврейской синагогой — сердце забилось. А мосты! А деревья? Вспоминаю как сон.

Денежные дела плохи. За лето ничего не печатала (написала три небольших поэмы: С моря, Попытка комнаты, Лестница, — последняя пойдет в Воле России), с Соврем. Записками разошлась совсем, — просят стихов *прежней Марины Цветаевой*, т. е. 16 года. Недавно письмо от одного из редакторов: «Вы, поэт Божьей милостью, либо сознательно себя уродуете, либо морочите публику». Письмо это храню. Верх распушенности. Автор — *Руднев*, бывший московский городской голова. Вы наверно его знаете, бывает в Праге, правый эсер... (пр. 8 с.)

(пр. 4 с.) ... Совсем не знаю что сказать Вам в ответ на Ваше уведомление о высылке денег. Такие вещи, как всё незаслуженное, *режут*, я их боюсь, ибо, режа, пробивают кору моего ожесточенного сердца. Мне было бы легче, если бы такого в моей жизни не бывало. Поймете ли Вы меня?

Я безоружна перед добротой, — совершенно беспомощна. Как старый морской волк, например, в цветнике. Поймете ли Вы меня? ... (пр. 5 с.)

... Мечту о Вашем приезде сюда не покинула. Весной у нас будет чудно, мы живем почти в парке (старый дворец маркизы de Pompadour, разрушенный в 70 году моими Deutschland über alles, — впрочем, тогда было: Preussen). У нас свободная мансарда, где зимой нельзя жить (нет отопления), но весной чудесно. В нее и переселится С. Я., а Вы будете жить рядом с нами — Алей, Муром и мною. Кроме того, при доме садик. Вообще — всё в зелени. Съездим с Вами в Версаль — две остановки, ближе чем от Вшенор до Праги.

Давайте — серьезно. Дорога дорога, но окупится жизнью здесь. Вам нужно взять какой-то душевный отпуск — у семьи. Не продышавшись душа ссыхается, знаю это по себе. Семья ведь — сердце. Сердце разрастается в ущерб души, душе совсем нет места, отсюда естественное желание — умереть: не *не быть*, а *смочь быть*. — Так ли это у Вас?

Не соблазняю Вас Эйфелевой башней (назойливой), но даже выставками, всё это все-таки скорей — для глаз и из породы развлечений, то есть несколько презренно. Соблазняю Вас *другим воздухом*, Вами на свободе, Вами самою же. Это — как основа. Остальное — Версаль, Лувр, Люксембург — очаровательные частности. А вот весна — частность, а в Париже она чудесна...

Хотите — на Пасху? Давайте в серез. Вырвите месяц, чудный месяц в воздухе!

Вёрсты и евразийство газеты рвут на куски. Пропитались нами до 2-го №, выходящего на днях. Новая пицца. Особенно *позорно* ведет себя Миллоков, но оно и естественно: он *бездушен*, только голова.

Второй № лучше первого, получите. Есть огромная ценность: Апокалипсис Розанова... (пр. 20 с.)

№ 29

Бельвю, 15-го января 1927 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Итак — не приедете? Жаль. Почему то поверила в чудо.

Думали ли Вы о том (конечно думали!), что все, что для других — просто, для Вас — чудо (и наоборот). Бытовая поездка в Париж, силой Вашего желания, сразу теряет свои естественные очертания, рельсы загибают — в никуда.

Жаль, но не всё потеряно, и знаю, что силой своего желания когда-нибудь добьюсь... (пр. 5 с.)

...От всей души хочу Вас, к Вам, быть с Вами. У меня с Вами покой и подъем (покой без подъема — скука. Подъем без покоя — тоска). Если бы Вы знали как мне ску-у-учно с людьми!

В Праге мне было лучше (между нами), была обездоленная и благородная русская молодежь, добрая, веселая и любящая семья Чириковых, был С-ним (отпал? отстал? — «тот поезд на который все — опаздывают», я — о поэте), — о Вас не говорю, было — при сравнительно нечастых — почему не чаще? — встречах — постоянно сознание Вашего сочувствия, сопутствия, присутствия. В Париже у меня друзей нет и не будет. Есть евразийский круг — Сувчинский, Карсавин, другие — любящий меня «как поэта» и меня не знающий, — слишком отвлеченный и ученый для меня, есть сожительство с русской семьей: бабушка, взрослые сын и дочь, жена другого сына, внук, — милье, но густо-бытовые — своя жизнь, свои заботы! — и больше нет ничего.

Так что — кажется главная моя, да нет — единственная моя радость с людьми — *беседа* — отпадает.

Окончательно переселилась в тетрадь.

Муру через 2 недели год, сниму и пришло. Кругломордый, синеглазый, в больших локонах. Аля — еще чуть-чуть и с меня, но переменялась мало, совсем не повзрослела. С. Я. измотан и измаян, глотает мышьяк и еще что-то, но мало помогает.

О Рильке в другой раз. Германский Орфей, то есть Орфей, *на этот раз* явившийся в Германии. Не Dichter (Рильке) — Geist der Dichtung.

Да! Очень прошу Вас, дорогая Анна Антоновна, — если действительно состоится лекция обо мне М. Л. С. — запомните возможно точнее, ведь это нечто вроде эпилога, нет, — некролога: целой долгой дружбы. Мне хочется знать, хорошо ли он знает — что потерял?

А о нем над гробом — хорошо сказали. Ребенок над разбитой игрушкой, с той разницей, что раньше сам ломал, а эта — сама сломалась. Что ломал то — старье, а сломалась то — новая! ... (пр. 6 с.)

... Не забудьте, дорогая Анна Антоновна, возможно точнее, в его выражениях! — запомните лекцию. Просто, тут же запишите — что понравится. Это для меня проверка... (пр. 4 с.)

... Мой тот свет постепенно заселяется: еще Рильке! А помните штейнеровское:

Auf Wiedersehen! ... (пр. 6 с.)

№ 30

Бельвю, 21-го февр. 1927 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Спасибо за полноту слуха и передачи, еще больше — за мужество отстаивать отсутствующего, — не о себе в Париже говорю, о себе в жизни говорю. Все мои друзья мне о жизни *рассказывают*, как моряки о далеких странах — мужикам. (Le beau rôle, как видите, в этом уподоблении — n'est pas pour moi, — mais... je me fiche des beaux rôles!) Из этого заключаю, что я в жизни не живу, что впрочем ясно и без предпосылки. И вот Вы, мужественное сердце, решили меня — силой любви — воскресить в жизнь, — нет, не воскресить, ибо никогда не жила — а явить в жизнь. И что же — час прожила.

Брэю и Слониму тоже, хоть не то же — благодарность... (пр. 6 с.)

...Кончила письмо к Рильке — поэму. Сейчас пишу «прозу» (в кавычках из-за высокопарности слова) — т. е. просто предзвучие и позвучие — во мне — его смерти. Его смерть в моей жизни растроилась: непосредственно до него умерла Алина старая Mademoiselle и непосредственно после (все на протяжении трех недель!) один русский знакомый мальчик Ваня. А в общем — *одна* смерть (одно воскресение). Лейтмотивом вещи не беру, а сами собой встали две строки Рильке:

Denn Dir liegt nichts an den Fragenden:
sanften Gesichtes
siehst Du den Fragenden zu

На многое (внутри) меня эта смерть еще подвигнет.

Внешне *очень* нуждаемся — как никогда. Пожираемы углем, газом, электр., молочницей, булочником. Питаемся, из мяса, вот уже месяцы — исключительно кониной, в дешевых ее частях: соеиг de cheval, foie de cheval, rognons de cheval и т. д., т. е. всем, что 3 фр. 50 фунт — ибо есть конина и в 7—8 фр. фунт. Сначала я скрывала (от С., конечно), потом раскрылось, и теперь С. ест сознательно, утешаясь, впрочем евразийской стороной... конского сердца (Чингис-Хан и пр.)... (пр. 7 с.)

... С. в евразийство ушел с головой. Если бы я на свете *жила* (и, преступая целый ряд других «если бы») — я бы наверное была евразийцем. Но — но идея государства, но российское государство во мне не нуждается, нуждается ряд других вещей, которым и служу... (пр. 5 с.)

... Попадался ли Вам на глаза № 1 Русской Мысли? Единственный (и какой!) свет — письмо Рильке о Митиной Любви. *Рильке* — о Бунине — чувствуете все великодушие Рильке? Перед Рильке — Бунин (особенно последний) анекдотист, рассказчик, газетчик.

Вспоминаю Прагу, и где можно, когда можно, — страстно хвалю... (пр. 4 с.)

... Дорогая Анна Антоновна, Вы один из редких людей, которым мне постоянно хочется писать, а еще больше — говорить. Верю в — не сейчас, так потом — осуществимость Парижа, в поездку

в Версаль, во все, что расцветет во мне парижского — только с Вами... (пр. 18 с.)

(пр. 9 с.) ... Иждивение мне пока из Чехии, слава Богу, идет. Напишите, дорогая Анна Антоновна, кого из чехов благодарить? Неловко — получать и молчать! ...

№ 31

Meudon (S. et O)
2, Avenue Jeanne d'Arc
Третий день Пасхи 1927 г.

Воистину Воскресе, дорогая Анна Антоновна!

Последнее мое письмо к Вам явно пропало, написала Вам тотчас же по переезде в соседний городок на новую квартиру, около месяца назад.

Квартира удобная и недорогая: три комнаты (две порядочные, одна — моя — маленькая), ванная, крохотная кухня (вроде клетки для гориллы, — я очень точна), собственное центральное отопление — все это 350 фр. в месяц. (Отопление, конечно, наше.) Но — немебелированная, пришлось обростать, вернее — спешно обрасти — вещами. Кое-что дали, часть купили в рассрочку. Контракт на три года. Для Вас — отдельная комната, когда бы ни приехали — моя. Сплю с детьми, а работать я бы спокойно могла в Вашем присутствии. Совсе не оставляю мечты о Вашем приезде, очень верю в него, как во все естественное, изнутри полагающееся.*)

Читаю Ваше письмо и улыбаюсь: маленькая Прага — а сколько имен и событий. А у меня большой Париж — и гіен, м. б. оттого что не могу: не ищу. Окружена евразийцами — очень интересно и ценно и правильно, но — есть вещи дороже следующего дня страны, даже России. И дня и страны.

В порядке действительности и действенности евразийцы — ценности первого порядка. Но есть порядок — над-первый au dessus de la mêlée, — мой. Я не могу принять в серьез завтрашнего лица карты, потому что есть после-завтрашнее и *было* — сегодняшнее и, в ка-

* Вы приедете изнутри себя, а не извне событий.

кой — то день, совсем его не будет (лица). Когда дерутся на улицах — я с теми *или* с другими, сразу и точно, когда борьба отвлеченная, я (честно) ничего не чувствую, кроме: было, есть, будет.

Меня в Париже, за редкими, личными исключениями, ненавидят, пишут всякие гадости, всячески обходят и т. д. Ненависть к присутствию в отсутствии, ибо *нигде* в обществ. местах не бываю, *ни на что ничем* не отзываюсь. Пресса (газеты) сделала свое. Участие в Вёрстах, муж-евразиец и, вот в итоге, у меня комсомольские стихи и я на держании у большевиков.

Schwamm (und Schlamm!) drüber! ... (пр. 10 с.)

... Но — неожиданное везение. Нашелся издатель для моей последней (1922 г. — 1925 г.) книги стихов, большей частью возникшей в Чехии. (Чехия минус два первых берлинских месяца.) Издатель, очень любящий мои стихи и хотящий, чтобы они были. Книга (только Вам!) называется После России — хорошо? Я в этом названии слышу многое. Во первых — тут и слышать нечего — простая достоверность: все — о стихах говорю — написанное после России. Во вторых — не Россией одной жив человек. В третьих — Россия во мне, не я в России (Сережины слова, у себя на Доне. NB! Для нас Россия была Москва). В четвертых: следующая ступень после России — куда? — да почти что в Царство Небесное!

А в общем название скромное и точное.

О книге никому ни слова (выйдет осенью!) — сглазят. Здесь никому не говорю.

Живем вблизи большого медонского леса, наша Avenue Jeanne d'Arc в него входит. Но к сожалению, окраина леса заселена семьями и парочками, а дальше, с Муром, круто. Нужно идти по крайней мере полчаса, чтобы обрести лес. Полчаса моих — с Муром полтора часа. В Чехии было лучше... (пр. 10 с.)

... Слишком много черной работы и людей. Вот мой вздох. Все утра пропадают: 4 раза в неделю рынок, нельзя пропускать. Остальные три — случайности насущных и насущности случайных дел. Кроме утренней еды всем и готовки обеда — ну, белье сосчитать, ну — выстирать, ну — срочно зашить, много — ну. Аля очень помогает... (пр. 1 с.) хорошая здоровая красивая девочка — очень красивая,

хорошеет день от дня. Уже почти с меня ростом, будет больше... (пр. 9 с.)

... За зиму написала — меньше половины Федры, письмо к Рильке (поэма), прозу о Рильке: ТВОЯ СМЕРТЬ (около двух листов), которую и предлагаю Вам для перевода. Содержание: о соседстве могил, — рассказ о смерти M-elle Jeanne Robert — рассказ о смерти русского мальчика Вани — попытка истолковать смерть Рильке. Лирическая проза. Вещь будет переведена на франц. и на немецкий, была бы *счастлива*, если бы Вы перевели ее на чешский. Вещь внешне-национальная, *н-а-д*-национальная. Пойдет в след. № «Воли России», пришло уже в корректуре. Кажется — хорошая вещь. Ведь Россия на смерть Рильке ничем не ответила, это был мой долг. (Россию он любил, как я Германию, всей непричастностью крови и свободной страстью духа). В предпоследнем письме его вопрос: как слово „Nest — in Deiner Sprache, die so nah ist, alle zu sein“... (пр. 5 с.)

... У нас, дорогая Анна Антоновна, очень похожие жизни: сплошной черновик. И очень похожие — другие жизни, те. Проще: и здесь и там живем одной жизнью, здесь *на*черно, там *на*бело. Прага или Париж — неважно. Впрочем, *явно* предпочитаю Прагу. В Париже нужно жить Парижем, иначе ты в нем и он для тебя бессмысленен. Кроме того, Париж — рассредоточен, с архипелагом сердец, у Праги же один центр — рыцарь. (Показательно для современной Праги, что он *под* мостом! Мы с Вами тоже *под* мостом!) Моя мечта (пока несбыточная) когда-нибудь приехать к Вам погостить: побыть собой. Мы бы с Вами бродили по Праге и непременно проехали бы вглубь страны, в *дичь*.

Да! у меня в книге будет только два посвящения: одно Пастернаку, другое (весь цикл) Вам. Оно уже переписано и на днях пойдет в набор. Какой — пока не скажу. — Мой самый любимый и совершенный связанный с Вами — (пр. 10 с.)

№ 32

Медон, 4-го октября 1927 г.

(пр. 16 с.) ... 8-го сентября мы должны были ехать на Океан — на месяц —; нам предоставляли целый дом. Взяла ряд авансов на

билеты, все уже было готово... и 2-го, т. е. меньше чем за неделю, заболевает Мур. Болезнь началась рвотой и сильным жаром, на другой день заявила сыпь. Позвали доктора: краснуха. Мур пролежал 3 недели, а 18-го в день Алиного рождения (5/18 сент.) заболела я. Краснуха оказалась скарлатиной. 19-го слегла Аля, дом превратился в лазарет. Лежу уже 17 дней, нужно еще 10. Жар прошел, сыпь тоже, но нужно лежать, п. ч. после скарлатины часто бывают всякие гадости, если рано встать, напр. — порок сердца. Сильнее всех болела я, у Али даже не было сыпи, — только несколько дней поболело горло. Я же целую неделю не могла спать из за безумной боли рук, ног и шеи, — отравление токсинами. Теперь всё хорошо, нужно надеяться, — хотя бывают всякие сюрпризы — что пройдет бесследно. В общем, во Франции скарлатина легкая, не то, что в России, где от нее сплошь да рядом умирали, особенно взрослые. Так напр., умерла первая жена Вячеслава Иванова, писательница Зиновьева-Ганнибал, заразившаяся от детей.

Но увы! Конверт с дорожными деньгами, тщательно заклеенный, чтобы не истратить «на жизнь» — пуст. Все ушло на врачей и на лечение. Но главного я Вам не сообщила: я *побрилась*. Брилась уже два раза, после третьего начну обрастать. После скарлатины сильно лезут волосы, не выношу этого ощущения: лучше ничего, чем мало! Пишу Вам лежа, в детском голубом колпаке. Великодушные знакомые сравнивают меня кто с римлянином, кто с египтянином... (пр. 15 с.)

... А вот моя большая мечта. Нельзя ли было бы устроить в Праге мой вечер, так чтобы окупить мне проезд туда и обратно, — минимум 1 000 крон. Приехала бы в январе — феврале на две недели, остановилась бы, если бы Вы разрешили, у Вас. Мы провели бы чудных две недели. Для этого нужно было бы продать 200 бил. по 5 крон или 100 билетов по 10 крон. Неужели же это невозможно?? Хорошо бы притянуть чехов. В устройстве помогли бы Брэй, Альтшулер и Еленев. Мое решение *вполне серьезно*, я очень соскучилась по Вас и иного выхода не вижу. Кроме того, мне очень хочется написать о Чехии, за две недели Вы бы мне многое рассказали, походили бы с Вами по музеям, м. б. съездили бы в какие-нибудь окрестности, я бы записывала, а приехав в Париж — написала бы. Это моя давняя мечта. Напишите, что Вы об этом думаете? К февралю я бы порядочно

обрасла (не забудьте, что я бритая!) и в крайнем случае могла бы выдать свою стриженую голову за последнюю парижскую моду. Вы бы встретили меня на вокзале, — подумайте как чудно! Давайте осуществим. Никакому Океану я так не радовалась, как сейчас — мысли о Праге.

С нетерпением жду ответа. Все дело в тысяче крон (пр. 10 с.)

№ 33

Медон, 20-го октября 1927 г.

Дорогая Анна Антоновна, сердечное спасибо за письмо и подарок, оба дошли. Я уже неделю как встала, все хорошо, кроме боли в костях рук, так и оставшейся, — оставляю ее на каком-нибудь летнем холме.

Страшно обрадована относительной возможностью поездки к Вам, март — очень хорошо, успеют отрасти волосы. Кстати нынче бреюсь в седьмой и последний раз, очень трудно остановиться, — понравилось — но С. Я. возмущен и дальше жить отказывается.

Вчера сдала последнюю корректуру своей книги стихов «После России». Из 153 стр. текста — 133 стр. падают на Прагу. Пусть чехи убедятся, что недаром давали мне иждивение все те годы. За Чехию у меня написаны: «После России», «Молодец», «Тезей», «Крысолов», «Поэма Горы», «Поэма Конца», и ряд прозаических вещей. Очень помогала *природа*, которой здесь *нет*, ибо лес с хулиганами по будням и гуляющими по праздникам — не лес, а одна растрava.

Знаете, как странно? Помните мою дружбу с волероссийцами, особенно — с М. Л.? Видела его за всё время — один раз, т. е. с самого его переезда во Францию. Самым преданным оказался Лебедев, с которым я меньше всего водила дружбу. Он, действительно, искренно расположен, единственный из них откликнулся на все наши беды... (пр. 7 с.)

... Читаете ли Вы травлю евразийцев в Возрождении, России, Днях? «Точные сведения», что евразийцы получали *огромные суммы* от большевиков. Доказательств, естественно, никаких (ибо быть не может!) — пишущие знают эмиграцию! На днях начнутся опровержения, — как ни гнусно связываться с заведомо-лжецами — необходимо.

Я вдалеке от всего этого, но и мое политическое бесстрашие поколеблено. То же самое, что обвинить *меня* в большевицких суммах! Так же умно и правдоподобно.

С. Я., естественно, расстраивается, теряет на этом деле последнее здоровье. Заработок: с 5¹/₂ ч. утра до 7—8 веч. игра в кинематографе фигурантом за 40 фр. в день, из к-ых 5 фр. уходят на дрoгy и 7 фр. на обед, — итого за 28 фр. в день. И дней таких — много — если 2 в неделю. Вот они, большевицкие суммы!... (пр. 13 с.)

№ 34

Медон, 28-го ноября 1927 г.

(пр. 11 с.). ... Нынче в первый раз после долгого сиденья дома (простужен, как все окружающие) Мур вышел на улицу. День был мягкий, пражский: туман, дуновение, сон. Мы гуляли одни (Аля была в школе), прошли в наш чудесный парк, где (туман!) не было ни души. Только голубой Мур и я. В 4 часа стало уже смеркаться, ночь напоззала как пуховик. Не хотелось уходить: одиночество и туман, — мои две стихии! Мур из голубого превратился в синего — сизого; — цвета разостилавшегося вдаль Парижа и неба над ним. Людей не было: был *новый* (всегда!) Мур в новом костюме и тысячетлетняя я. «Сколько Вам лет?» — «Час. — Старше камней». Человека, который бы не улыбнулся в ответ, полюбила бы с первого раза. Но — отвлекаюсь — моим годам, вообще, суждено смущать. Мне осенью исполнилось 33, выгляжу на 23, а Аля, которой 14, на 16. Путаница. Впрочем *никогда, с четырех лет*, не имела своего возраста, ни с виду, ни внутри, раньше и была и выглядела старше, сейчас выгляжу моложе, живу — моложе, и неизмеримо старше — есмь... (пр. 10 с.). Не люблю Парижа. „Dunkle Zypressen! Die Welt ist gar zu lustig! Es wird doch alles vergessen.“ (Мур, глядя на перечеркнутое: «Мама! ты грязь сделала») — (пр. 41 с.)

... Прага! Прага! Никогда не рвалась из нее и всегда в нее рвусь. Мне хочется к Вам, ее единственному и лучшему для меня воплощению, к Вам и к Рыцарю. Нет ли его изображений покрупнее и пояснее, вроде гравюры? Повесила бы над столом. Если у меня есть ангел-хранитель, то с его лицом, его львом и его мечом. Мне скажут

(не Вы, другие!) — «*Ваша Прага*», и я, схитрив и в полной чистоте сердца, отвечаю: «Да, *моя*.»

Ничего не боюсь, ни знакомств, ни гостей, я умею по всякому, со всеми. Написала и увидела: *по своему* со всеми. Я от людей не меняюсь, они от меня — чаще — да. Скучны мне только политики.

М. б. ничего и не выйдет, что ж — была мечта! Очень удивлюсь, если выйдет: в Праге меня все более или менее видели, а это единственное, что интересно в «поэтессе». М. б. (шучу, конечно) сослужит моя новая прическа, в данную минуту равная русскому старорежимному гимназическому 1-классному бобрику. Волосы растут темнее, но не жестче, чем были. Хожу без всякой повязки. Женщины огорчаются, мужчинам нравится.

Недавно сдала в В. Р. для ноябрьского № «Октябрь в вагоне», — *мой Октябрь 1917 г.* (дорога из Феодосии в Москву). Думаю, Вам понравится. Там хорошая формула буржуазии. Дописываю последнюю картину Федры (трагедия). Мой Тезей задуман трилогией: *Ариадна — Федра — Елена*, но из суеты-верия не объявила, для этого нужно по крайней мере одолеть две части. Знаете ли Вы, что на долю Тезея выпали все женщины, все-навсегда? Ариадна (душа), Антиопа (амазонка), Федра (страсть), Елена (красота). Та троянская Елена. 70 летний Тезей похитил ее семилетней девочкой и из-за нее погиб.

Сколько любвей и *все* несчастные. Последняя хуже всех, потому что любил куклу... (пр. 8 с.)

... О Рильке: 29-го сего декабря его годовщина, не сослужит ли это при помещении перевода? Очень хотелось бы увидеть эту вещь напечатанной именно в Чехии. Р. — великий поэт всей современности — ведь уроженец Праги!... (пр. 11 с.)

№ 35

Медон, 12-го декабря 1927 г.

(пр. 9 с.) ... Скоро Рождество. Я, по правде сказать, так загнана жизнью, что ничего не чувствую. У меня — за годы и годы (1917—1927 г.) — отупел не ум, а душа. Удивительное наблюдение: именно на чувства нужно время, а не на мысль. Мысль — молния, чувство —

луч самой дальней звезды. Чувству нужен досуг, оно не живет под страхом. Простой пример: обваливая 1¹/₂ кило мелких рыб в муке я могу думать, но чувствовать — нет: запах мешает! Запах мешает, клейкие руки мешают, брызжащее масло мешает, *рыба* мешает: каждая в отдельности и все 1¹/₂ кило вместе. Чувство, очевидно, более требовательно, чем мысль. Либо всё, либо ничего. Я своему не могу дать ничего: ни времени, ни тишины, ни уединения: я *всегда* на людях: с 7 ч. утра до 10 ч. вечера, а к 10-ти ч. так устаю, что — какое чувствовать! Чувство требует *силы*. Нет, просто сажусь за стопку вещей: Муриных, С. Я., Алиных, своих — 11 ч., 12 ч., 1 ч. — С. Я. приезжает с последним поездом, короткая беседа — и спать, т. е. лежать с книгой до 2 ч., 2¹/₂ ч. — хорошие книги, но я бы еще лучше писала, если бы —

Виновата (виновных нет) м. б. и я сама: меня кроме природы, т. е. души, и души, т. е. природы — ничто не трогает, ни общественность, ни техника, ни — ни — Поэтому никуда не езжу: ску-учно! Профессор читает, а я считаю: минуты до конца. — К чему? — Так и сегодня: евразийская лекция о языковедении. Кажется близко? Только *кажется*. Профессор (знаменитость) *все* языки ведет от четырех слов. Когда я это услышала, я сразу отвратилась: ничто *четное* добра не дает. А рифма? Рифма есть *третье*!

Так и не пошла, и сижу между чулком и тикающим будильником.

Как я хочу в Прагу! — Сбудется?? Если даже *нет*, скажите: *да!* В жизни не хотела назад ни в один горфд, *совсем не хочу в Москву* (всюду в России, *кроме!*), а в Прагу хочу, очевидно пронзенная и завороченная. Я хочу *той* себя, несчастно-счастливой, — себя — Поэмы Конца и Горы, себя — души без тела всех тех мостов и мест. (NB! Вот и стихи:

Себя — души без тела
Всех тех мостов и мест).

Где я ждала и пела,
Одна как дух, как шест.
Себя — души без тела
Всех тех мостов и мест.

Так когда-то писались стихи, не писала (отдельных) с 1925 г., мая — месяца. *Маятсья* — мой глагол!

Как я хотела бы с Вами — по Чехии! Вглубь! (Знаю, что совсем несбыточно!). После Праги — (Города-призрака) — в природу. Неужели дело в деньгах, которые — были или не были — презирала. Да, будь деньги! Учителей и книг — Але, образцовую няню — Муру, квартиру с садиком, а себе? Каждый день писанье и раза два в год — отъезды, первый — к Вам. Недавно мне кто-то сказал, что мои прежние русских сто тысяч равнялись бы миллиону франков. — Звук. —

Кончила Федру. Писала ее около полугода, но ведь пипу в день 1/2 ч., много — час! Очень большая, больше Тезея. Тезей задуман трилогией: Ариадна — Федра — и написанной быть имеющая — Елена. Не знаю, куда сдать. М. б. в Совр. Записки. Сейчас занята общей чисткой и выправкой, много недавших мест. — Справлюсь. — Держит меня на поверхности воды конечно тетрадь.

До свидания! Думайте обо мне на пражских мостах и улочках (не — улицах!). Может быть всё-таки когда-нибудь вместе?... (пр. 10 с.)

№ 36

Медон, сочельник 1927 г.
(пр. 15 с.)

№ 37

Медон, 3-го января 1928 г.

Милая Анна Антоновна, еще неохотно вывожу 1928 г. — как каждый новый, впрочем. Заминка руки и сердца, под заминкой — измена. Не сомневаюсь, что стерпится — слюбится. (Кстати, люблю эту поговорку только навыворот, так — только *терплю*.)

Огромное и нежнейшее спасибо за новогодний подарок, прямо в сердце, а осуществление — чудное серебряное кольцо Але, с камеей: амуром-Муром, и столик Муру. Получат послезавтра под ёлкой. Будет столько гостей, а Вас не будет. Будет, кстати, герой моей Поэмы Конца — с женой, наши близкие соседи, постоянно видимся, дружественное благодушие и равнодушие, вместе ходим в кинематограф,

вместе покупаем подарки: я — своим, она — ему. Ключ к этому сердцу я сбросила с одного из пражских мостов, и покоится он, с Любушиным кладом, на дне Влтавы — а может быть — и Леты. Кстати, в Праге, определенно, что-то летейское, в ветвях, в мостах, в вечерах. Прага для меня *не* точка на карте.

Новый Год встречала с евразийцами, встречали у нас. Лучшая из политических идеологий, но... что мне до них?! Скажу по правде, что я в *каждом* кругу — чужая, всю жизнь. Среди политиков так же, как среди поэтов. Мой круг — круг вселенной (души: то же) и круг человека, его человеческого одиночества, отъединения. И еще — забыла! — круг площадь с царем (вождем, героем). С меня — хватит. Среди людей какого бы то ни было круга я не в цене: разбиваю, сжимаюсь. Поэтому мне под Новый Год было — пустынно. (Чем полней комната — тем...) То, что я Вам рассказываю, Вам не новость: *нам* не новость... (пр. 14 с.)

... Получила вчера большое милое письмо от В. Ф. Булгакова, как Вы думаете — не притянуть ли его к устройству моего вечера?... (пр. 2 с.)

Волосы мои порядочно отрасли, но — новая напасть: нарыв за нарывом, живого места нет, взрезывания, компрессы, — словом уж три недели мучаюсь. Причина 1) трупной яд, которым заражена вся Франция, 2) худосочие. Есть впрыскивание, излечивающее раз навсегда, но 40 градусный жар и лежать 10 дней. Не по возможностям. М. б. когда-нибудь... А пока хожу Иовом... (пр. 26 с.)

№ 38

Медон, 9-го января 1928 г.

Дорогая Анна Антоновна!

Я в большой тревоге: чешское иждивение (500 кр.) приходившее ровно 1-го числа до сих пор не пришло. Это совпало с русским Рождеством (нынче 3-ий день), вторую неделю живем в кредит, а здесь не то, что в Чехии: смотрят косо.

Ради Бога, узнайте в чем дело: недоразумение или — вообще — конец? Без предупреждения: 1-го ждала как всегда. Говорила со Слонимом, — говорит: пишите Завазалу. Но я его с роду не видала, и со-

всем не знаю как ему писать. И — главное — если заминка, писать вовсе не нужно, если же конец — нужно очень выбирать слова и доводы, — если вообще таковые могут помочь.

Что мне нужно делать? Без чешского иждивения я пропала. И вот, просьба: пойдите к д-ру Завазалу и узнайте, и, если конец, сделайте все, чтобы продлить. Стихами не наработаешь, печататься негде, Вы сами знаете. Большинство писателей живет переводами на иностранные языки, у поэтов этого нет. Гонорар — 1 фр. строка. Я нигде не печатаюсь, кроме Воли России, с Посл. Нов. из-за приветствия Маяковскому — кончено, «Федра» в Совр. Зап. проедена еще 1 г. с лишним назад, во время скарлатины.

У меня просто ничего нет. Скажите все это д-ру Завазалу и почитесь, что это правда — которую все знают...

№ 39

Медон, 10-го февраля 1928 г.

Дорогая Анна Антоновна, обращаюсь к Вам со следующей большой просьбой, — не найдете ли Вы мне подписчиков на мою книгу «После России», — посылаю Вам три бланка в отдельном конверте.

Дело с книгой таково: по внесении в типографию 2/3 стоимости книги (4 000 фр.) книга, совсем готовая, начинает печататься. Издатель разместил уже 25 подписок, но больше не может, остальные 15 должна разместить я. Вот и прошу Вас, может быть удастся? Техника такова: подписчик заполняет бланк и отправляет его издателю, по указанному адресу, с приложением соответствующей суммы. Проще будет, если эти деньги будут сразу вручены Вам, Вы с заполненными бланками, перешлете их издателю. (Заполненные бланки важны для нумерации, каждый подписчик получит свой №). М. б. та редакторша подпишется? Хорошо бы разместить все три, и *поскорее*: от быстроты зависит появление книги.

Ясно ли Вам? Дорогими экземплярами мы с издателем окупаем часть издания, ибо наличных ни у него ни у меня нет. Деньги идут *не мне*, а в типографию.

Издатель очень торопит, книга залежалась, пора выпускать.

Хотела просить Вас сделать все возможное, но Вы и так всегда делаете — больше чем можете!

В субботу у нас Брэй, побеседуем, расскажет о Вас, о Праге (пр. 4 с.)

№ 40

Медон, февраля 1928 г.

Дорогая Анна Антоновна, отвечаю Вам тотчас же. На Прагу я никогда не надеялась, — слишком хотелось. Тешила себя мечтой, но знала, что тешу. Читали ли Вы когда-нибудь *Der Trompeter von Säckingen*? Там песенка, с припевом:

Behüt Dich Gott – es wär zu schön gewesen!

Behüt Dich Gott – es hat nicht sollen sein!

Так у меня всю жизнь. Меньше бы хотела к Вам — наверное бы сбылось. А к Вам хотела и хочу — сказать просто? — *Любить*. Я никого не люблю — давно, Пастернака люблю, но он далёко, всё письма, никакой приметы *этого* света, должно быть и не на этом! Рильке у меня из рук *вырвали*, я должна была ехать к нему весною. О своих не говорю, другая любовь, с болью и заботой, часто заглушенная и искаженная *бытом*. Я говорю о любви на воле, под небом, о вольной любви, тайной любви, не значущейся в паспортах, о *чуде чужого*. О *там*, ставшем *здесь*. Вы же знаете, что пол и возраст ни при чем. Мне к Вам хочется домой: *ins Freie*: на чужбину, за *окно*. И — о очарование — в этом *ins Freie* — уютно, в нем *живется*: облако, на котором можно стоять ногами. Не тот свет и не этот, — третий: сна, сказки, мой. Потому что Вы совершенно сказочны (о не говорите, что я «преувеличиваю», я только — *додан!*). Словом — к Вам, в тепло и в *родной* *холод*. И, возвращаясь к *Trompeter*'у — не правильнее ли было бы:

Behüt Dich Gott – es wär zu schön gewesen

Behüt Dich Gott – es hat nicht *wollen* sein?

Мечь жизни за все *те светá*.

Вы спрашиваете о «После России»? Сложно. Книга, говорят, вышла месяц назад, но никто ее не видел. Издатель (неврастеник)

ушел из издательства и переехал на другую квартиру, на письма не отвечает. Издавал он книгу самолично, на свой риск, в издательстве о ней *ничего* не знают. С Вёрстами вышла передрыга: очень большое количество экземпляров было, по недосмотру, отпечатано так слабо, что пришлось их в типографию вернуть. Отсюда задержка. Надеюсь, что на днях получите. О них уже был отзыв в «Возрождении» (орган крайне-правых, бывший струвовский). В них мои обе вещи «С моря» и «Новогоднее» (поэмы) названы набором слов, дамским рукоделием и слабым сколком с Пастернака, *как и все мое творчество*. (NB! Пастернака впервые прочла за границей, в 1922 г., а печатаюсь с 1911 г., кроме того Пастернак, в стихах, *видит*, а я *слышу*, но — как правильно сказала Аля: «Они и Вас и П-ка одинаково *не понимают*, вот им и кажется»... Все дело в том, что я о П-ке написала хвалебную статью и посвятила ему «Молодца»).

Была бы я в России, всё было бы иначе, но — *России* (звука) нет, есть буквы: СССР, — не могу же я ехать в *глухое*, без гласных, в свистящую гущу. Не шучу, от одной мысли душно. Кроме того, меня в Россию не пустят: *буквы не раздвинутся*. (Sesam, thue Dich auf!) В России я поэт без книг, здесь — поэт без читателей. То, что я делаю, никому не нужно. (пр. 31 с.)

№ 41

Медон, 11-го марта 1928 г.

(пр. 25 с.) ... Огромное спасибо за устройство подписки, Вы сделали чудо. Тэффи, напр., у которой такие связи (Великие Князья, генералы, актрисы, французская знать), не могла устроить ни одного. Три билета мне еще устроил отец Б. Пастернака, Леонид Пастернак, художник (живет в Берлине). Вообще мне на заочность везет, мое царство. — Книга скоро выйдет, к несчастью издатель вроде автора: всё на Божию милость. «Где-нибудь, когда-нибудь». У нас в России бывали такие ямщики: он спит, а лошадь везет. А иногда: он спит и лошадь спит.

Недавно, на самых днях, пережила очередную встречу со смертью (помните, в «Твоя смерть» — кто следующий?). Умер от туберкулеза кишок брат моей подруги, Володя, 28 лет, на вид и по всему — 18.

Доброволец, затем банковский служащий в Лондоне... (пр. 12 с.)... Ни секунду за всю болезнь не подозревал об опасности. «Вот поправлюсь»... А жизнь ему нужна была не для себя, а для других. Жить, чтобы работать и работать, чтобы другие жили. Умер тихо, всю ночь видел сны. — «Мама, какой мне веселый сон снился: точно за мной красный бычек по зеленой траве гонится»... А утром уснул навсегда. Это было 8-го, — вчера, 10-го хоронили. У французов не закапывают при родственниках, родные оставляют голый гроб. Насилу добились у могильщика, чтобы заравняли яму при нас, и длилось это 1 час 20 мин. Час 20 мин. мать стояла и смотрела как зарывают ее сына. Лопаты маленькие, могильщики ленивые, снег, жидкая глина под ногами. А за день погода была летняя, все деревья цвели. Точно природа, пожалев о безродном, захотела подарить ему на этот последний час русские небо и землю. Проводила мать и сестру до дому, зашла — тетушка накрывает на стол, кто-то одалживает у соседей три яйца, говорят про вчерашнее мясо. — Жизнь. — В тот же вечер мать принялась за бисерные сумочки, этим живут. Вот и будет мешать бисер и слезы... (пр. 6 с.)

№ 42

Медон, 10-го апреля 1928 г.

Христос Воскресе, дорогая Анна Антоновна!

Окликаю Вас на перегибе вашей и нашей Пасхи, в лучший час дерева, уже не зимы, еще не лета. Ранней весной самый четкий ствол и самый легкий лист. Лето берет количеством.

Как у вас в Праге? В Медоне чудно. Первые зазеленели каштаны, нет — до них какие-то кусты с сережками. Но, нужно сказать, французская весна мне не по темпераменту, — какая-то стоячая, тянущаяся есяцы. В России весна начиналась, т. е. был день, когда всякий знал: «весна!» И воробьи, и собаки, и люди. И, начавшись, безостановочно: «рачьте дале!» как кричат ваши кондуктора. Но худа или хороша — всё же весна, то есть: желание уехать, ехать — не доехать: *заехать* (Два смысла: 1. завернуть 2. не вернуться. Беру во втором.)

У нас в доме неожиданная удача в виде чужой родственницы, временно находящейся у нас. Для дома — порядок, для меня — до-

суг, — первый за 10 лет. Первое чувство не: «могу писать!», а: «могу ходить!» Во второй же день ее водворения — пешком в Версаль, 15 километров, блаженство. Мой спутник — породистый 18 летний щенок, учит меня всему, чему научился в гимназии (о, многому!) — я его — всему, чему в тетрадь. (Писанье — ученье, не в жизни же учишься!). Обмениваемся школами. Только я — самоучка. И оба отличные ходоки.

— Сердечное, к большому стыду сильно запозд спасибо за шоколад. Угощались и угощали.

— Читали ли в Воле России «Попытку комнатъ»? Эту вещь осуждает все мое окружение. Что скажете? Действительно ли непонятно? Не могу понять... (пр. 10 с.)

№ 43

Pontailiac, pres Royan
Charente Inferieure
Villa Jacqueline
1-го августа 1928 г.

Моя дорогая Анна Антоновна! Получила Вашего рыцаря на берегу Океана, — висит над моим изголовьем, слушая то, чего наверное никогда не слышал — прилив.

Мы здесь две недели, всей семьей плюс дама, полу-чужая, полусвоя, живущая у нас с весны и помогающая мне по хозяйству и с Муром. С. Я. скоро уезжает обратно, — евразийские дела, мы все остаемся до конца сентября... (пр. 13 с.)

... Уехали мы на деньги с моего вечера — был в июне и скорее неудачный: перебила III моск. Студия, приехавшая на несколько дней и как раз в тот же день — в единств. раз дававшая «Антония» (Чудо Св. Антония, Мэтерлинка). Но всё-таки уехали.

Здесь из русских: профессора Карсавин и Лосский с семьями, проф. Алексеев, П. П. Сувчинский с женой, жена проф. Завадского с дочерью и внуком, эсеровская многочисленная семья Мягких и племянник проф. Завадского, Владик Иванов. Кроме Лосских и Мягких — всё евразийцы. Но, евразийцы или нет — всех вместе слишком много, скучаю, как никогда — одна... (пр. 13 с.)

Что наш план о моей осенней поездке? Нечего надеяться? А как хотелось бы провести с Вами несколько дней, в тишине. Парижкая так и не полюбила.

Dunkle Zypressen!
Die Welt ist gar zu lustig, –
Es wird doch alles vergessen!

Целую Вас нежно, наши все Вас приветствуют.

М. Ц. (пр. 1 с.)

№ 44

Понтайяк, 9-го сентября 1928 г.

Дорогая Анна Антоновна! Получила Ваше письмо из чешских лесов, где Вас уже нет (и где я — еще есть!). Мой океан тоже приходит к концу, *доживаю*. Впереди угроза отъезда: перевозка вещей, сдача утвари — хозяйке, непредвиденные траты, финальный аккорд (диссонанс!). Боюсь этих вещей, томлюсь, тоскую. Зачем деньги? Чтобы не мучиться — душевно — из-за разбитого кувшина.

В сентябре должен был приехать сюда ко мне один мой молодой (18 л.) друг, чудесный собеседник и ходок. Сентябрь — месяц беседы и ходьбы: беседы на ходу! я так радовалась — и вот — как всегда — что? — *несвершение*. В последнюю минуту оказалось, что ехать не может, действительно не может, и я бы не поехала. Остался по доброй воле, т. е. *долгу*, — как я всю жизнь, как Вы всю жизнь — оставались, останемся, оставаться — будем. Так же не поехал на океан, как я не поеду к Вам в Прагу. — Порядок вещей. — Не удивилась совсем и только день горевала, но внутренне — опустошена, ни радости, ни горя, тупость. Ведь я в нем теряю не только его — его-то совсем не теряю! — *а себя — с ним, его — со мной*, данную конstellляцию в данный месяц вечности, на данной точке земного шара.

Хороший юноша. Понимает всё. Странно (*не странно!*) что я целый вечер и глубоко в ночь до его приезда (должен был приехать 1-го, ходила на вокзал встречать, возвращаюсь — письмо) напевала:

Behüt' Dich Gott – es wär zu schön gewesen –
Behüt' Dich Gott – es hat nicht sollen sein.

Я все лето мечтала о себе-с-ним, я даже мало писала ему, до того знала, что все это увидит, исходит, *присвоит*. И вот

«Милый друг, я понадеялась на Вашу линию — пересилила *моя*. Вы просто оказались в *моей* колее. Если бы Вы *ехали не ко мне, Вы бы приехали*.

Вы теряете весь внешний мир, любя меня»

А внешний мир — это и рельсы, и тропинки вдоль виноградников, — и мы на них...

В Медоне мы с ним часто видимся, но — отрывочно, на людях, считаясь с местами и сроками. Здесь бы он увидел меня — одну, единственную меня. Второ́й раз этого не будет, жизнь не повторяет своих даров — особенно так принимаемых.

Будь я другой — я бы звала его, «либо — либо», и он бы приехал, бросив семью, *которая в данный час только им и держится* (не денежно, хуже) и был бы у меня сентябрь — только не мой, ибо у той, которая может рвать душу 18-летнего на части, не может быть *моего* сентября. Был бы *чужой* сентябрь. — Бог с ним! — Так у меня все-таки — мой.

A celle qu'on jour je vis sur la grève
Et dont le regard est mieux qu'andalou –
Donne un coeur d'enfant pour qu'elle le crève:
– Il faut à chacun donner son joujou...

(Баллада Ростана. NB! Юношеская).

Я знаю, что *таких* любят, о *таких* поют, за *таких* умирают. (Я всю жизнь — с старыми и малыми — поступаю как мать). Что -ж! любви, песни и смерти — во имя — у меня достаточно!

Я - die Liebende, nicht – die Geliebte.

Читали ли Вы, дорогая Анна Антоновна, когда-нибудь письма M-elle de Lespinasse (XVIII в.) Если нет — позвольте мне Вам их подарить. Что я — перед этой Liebende! (Если бы не писала стихов, была бы ею — и пуще! И может быть я все-таки — Geliebte, только не-людей!)

... То мой любовник лавролобый
Поворотил коней
С ристалища. То ревность бога
К любимице своей...

(пр. II с.)

... Пишите об осенней Праге. Господи, до чего мне хочется постоять над Влтавой! В том месте, где она как руками обнимает острова!

Я еще когда-нибудь напишу о Праге — как никто не писал — но для этого мне нужно увидеть ее заново — гостем.

На приезд не надеюсь *ich hab' es schon verschmerzt...* (пр. 2 с.)
Сердечный привет Вашим.

М. Ц.

Зовите меня просто Марина.

Але на днях (5/18-го) исполняется 15 лет. Правда, не верится? В Чехию приехала 9-ти.

А мне — тоже скоро (26-го сент. — 9-го окт.) — 34, в Чехию приехала 28-ми.

А Муру 1-го авг. исполнилось 3¹/₂ года. В Чехию приехал 0 дня. Выиграл, в общем, только Мур.

— «Мур, молись: *«Святой Боже»* — «Святый Боже»... — «Святой крепкий»... (Мур, уже с сомнением:— «Святой... крепкий?») «Святой бессмертный»... — «Как — бессмертный? Это Кащей бессмертный!» — «Помилуй нас!»

№ 45

Понтайяк, 25-го сент. 1928 г.
(пр. 17 с.)

№ 46

Медон, 18-го ноября 1928 г.

Дорогая Анна Антоновна! Во первых и в главных: башмачки дошли — чудесные — Мур носит не снимая. Не промокают и размер как раз его. Спасибо от всего сердца, это больше чем радость — необходимость... (пр. 5 с.)

... Очередная и очень важная просьба. Мы очень нуждаемся, все уходит на квартиру и еду (конину, другое мясо недоступно — нам), печатают меня только «Последние Новости» (газета), но берут

лишь старые стихи, лет 10 назад. — Хороши *последние* новости? (1928 г. — 1918 г.). Но весь имеющийся ненапечатанный материал иссяк. Вот просьба: необходимо во что бы то ни стало выцарапать у Марка Львовича мою рукопись «Юношеские стихи». Писать ему — мне — бесполезно, либо не ответит, либо не сделает. Нужно, чтобы кто-нибудь пошёл и взял, и взяв — отправил. На М. Л.: никакой надежды, я его знаю, «найду и пошлю» — не верьте. Передайте ему прилагаемую записочку, где я просто прошу передать «Юношеские стихи» Вам, не объясняя для чего (чтобы у него не было возможности обещать — и не сделать). Если можно — сделайте это поскорее. Раз в неделю стихи в Посл. Новостях — весь мой заработок. Все Юношеские стихи ненапечатаны, для меня и Посл. Новостей (где меня — старую — т. е. молодую! — очень любят) — целый клад... (пр. 8 с.)

...Присылкой этой рукописи Вы меня спасете, там есть длинные стихи, по 40—50 строк, т. е. 40—50 фр. в неделю: деньги!... (пр. 4 с.)

— Пишу большую вещь — Перекоп (конец Белой Армии) — пишу с большой любовью и охотой, с несравненно большими, чем напр., Федру. Только времени мало, совсем нет — как всю (взрослую!) жизнь. С щемящей нежностью вспоминаю Прагу, где должно быть мне никогда не быть. Ни один город мне так не вращал в сердце!

Behüt Dich Gott! es wär zu schön gewesen —
Behüt Dich Gott! es hat nicht sollen sein!

Целую Вас нежно.

Марина

№ 47

Медон, 29-го ноября 1928 г.

Дорогая Анна Антоновна! Во первых и в главных: огромное спасибо за рукопись, настоящий подарок! Без Вас я её никогда бы не достала. М. Л. ни словом ни делом на письма не отвечает, — не по злобе, — по равнодушию („les absente ont toujours tort“ в этом он обратное романтику, у которых „les absents ont toujours raison, — les présents — tort“!)

Нежно благодарю Вас за заботу, мне вспоминается стих Ахматовой:

Сколько просьб у любимой всегда!

По тому как я у Вас часто прошу я знаю, что Вы меня любите.

Второе: перевод моего Рильке на чешский, — его второй родной язык — для меня огромная радость. (NB! Меня (прозу) ещё никто никогда ни на какой язык не переводил, *Вы—первая*). Рильке вернулся *домой, в Прагу*. Сколько у него стихов о ней в юности! („Mit dem heimatlichem „prosim““)

Пришлите мне книжку с Вашим переводом? Аля поймет, да и я пойму, раз знаю оригинал... (пр. 41 с.)

... Целую Вас нежно, спасибо за всю доброту, пишите.

Любящая Вас

Марина

30-го ноября, четверг.

Вчера уехал Савицкий и всё повез. Обещал вещи Вам переслать с кем-нибудь из знакомых: Он, кажется, человек точный (пр. 1 с.). Напишите впечатление от «Евразии» и Ваше и других! (Говорю о № 1 евразийской еженедельной газеты, к-ую, надеюсь, получили). В след. письме напишу Вам о Маяковском, к-ого недавно слышала в Париже. (В связи с моим обращением к нему в газете. NB! *Как его толкуете?* Не забудьте ответить):

№ 48

Медон, 1-го января 1929 г.

С Новым Годом, дорогая Анна Антоновна!

Желаю Вам в нем здоровья, покоя, удачи, работы.

Вчера, на встрече у евразийцев, думала о Вас и в 12. ч. мысленно чокнулась. Как Вы глубоко правы — так любя Россию! Старую, новую, красную, белую, — всю! Вместила же Россия — всё, (Рильке о русском языке: „Deine Sprache, die so nah ist — *alle* zu sein!“) наша обязанность, вернее — обязанность нашей любви — ее *вместить!*

Написала Вам большое письмо и заложила, — знаете как это

бывает? — вошли, оторвали, сунула, — столько бумаг! Найду — дошло.

— Как Вы встречали? Дома? На людях? А может быть спали?

Аля нарисовала чудесную вещь: жизнь, по месяцам Нового Года. Январь — ребенком из камина, февраль — из тучки брызжет дождем, март — сидя на дереве раскрашивает листву и т. д.

Она бесконечно даровита, сплошной Einfall.

— Это не письмо, записочка, чтобы не подумали, что не думаю. Пишу сейчас большую статью о лучшей русской художнице — Наталье Гончаровой. Когда-нибудь, в письме, расскажу Вам о ней... (пр. 6 с.)

... Книга М. Л. очень поверхностна, напишу Вам о ней подробнее. На такую книгу нужна любовь, у него — туризм. NB! Не говорите.

№ 49

Медон, 22-го января 1929 г.

Дорогая Анна Антоновна! О Ваших письмах: я их храню, ни одного не потеряла и не уничтожила за все эти годы. Вы один из так редких людей, которые делают меня *добрее*: большинство меня ожесточает. Есть люди, которых не касается зло, дважды не касается: минует и — «какое мне дело?!» Это я — о Вас. Меня — касается, ко мне даже притягивается, я с ним в каком-то взаимоотношении: *тяготение вражды*. Но это я в скобках, вернемся к Вам. Вас бы очень любил Рильке. Вы всем существом поучительны (*lehrreich*) и совсем не нравоучительны, Вы учитесь, не зная, — тем, что существуете. В священнике я всегда вижу превышение прав: кто тебя поставила надо мною? (*между Богом и мною, тем и мною, всем — и мною*). Он — посредник, а я — непосредственна. Мне нужны такие, как Р., как Вы, как Пастернак: в Боге, но как-то — без Бога, без этого слова — Бог, без этой стены (*между мной и человеком*) — Бог. Без *Бога по образу и подобию* (иного мы не знаем). Недавно я записала такую вещь: «самое ужасное, что Христос (Бог) уже был». И вдруг читаю, в посмертных письмах Р. Пастернаку, пойдут в февральской Воле России — „Aus Briefen Rainer Maria Rilkes an einen jungen Dichter“ — Warum denken Sie nicht, dass

er der Kommende ist“. Бог — не предок, а потомок, — вот вся «религиозная философия» (беру в кавычки, как рассудочное, профессорское, учебническое слово) — Рильке. Я рада, что нашла формулу.

Р. когда-то мне сказал: „Ich will nicht sagen, Du hast Recht: Du bist im Recht“, im Recht – sein, im Guten – sein, это все о Вас. (Убедена, что Р. бы Вас любил, — почему «любил», — *любит*). Убедена еще, что когда буду умирать — за мной придет. *Переведет* на тот свет, как я сейчас *перевожу* его (за руку) на русский язык. Только так понимаю—перевод. Как я рада, что Вы так-же (за руку) перевели меня — что меня! меня к Рильке! — на чешский. За что я так люблю Вашу страну?! ... (пр. 12 с.)

... У евразийцев раскол... (пр. 2 с.) Проф. Алексеев (и другие) утверждают, что С. Я. чекист и коммунист. Если встречу — боюсь себя... Проф. Алексеев ... (пр. 1 с.) негодай, верьте мне, даром говорить не буду. Я лично рада, что он уходит, но очень страдаю за С., с его чистотой и жаром сердца. Он, не считая еще двух-трех, единственная *моральная сила Евразийства*. — Верьте мне. — Его так и зовут «Евразийская совесть», а проф. Карсавин о нем: «золотое дитя евразийства». Если вывезенобудет — то на его плечах (костях)... (пр. 11 с.)

№ 50

Медон, 19-го февраля 1929 г.

Дорогая Анна Антоновна! Вчера вечером — только села Вам писать письмо, разложила блок-нот, уже перо обмакнула в чернильницу — гость, неожиданный и нежеланный. Пришлось, не написав ни слова, всё сложить и унести. Но сегодня, слава Богу, день дошел уже до такого часа, что нижданому, нижданному не бывать. Чудно бьют часы на башне — одиннадцать. Вспоминаю Прагу, связанную для меня с часами и веками. (Я так люблю Прагу, что — уверена — в ней никогда не буду). Кстати, историйка. Недавно Аля от кого-то принесла домой книгу „La maison goulante“, которую я когда-то читала и обожала в детстве, в далеком детстве, до первой за-границы, до 8 л. Смотрим картинки — знакомые — давно-недавне-знакомое: ночь, башня, мост, — *Прага! Карлов мост*. Оказывается, я раньше по

нему ходила, чем ходила ногами, раньше на целых 20 лет! (Книга о цыганах, *Voňème* — Богемия. Прага тогда была Богемией, следовательно, волей *слов*, герой книжки, украденный мальчик Adalbert — и я за ним — должен был бродить по Праге). Страшная картинка: цыганка с ножом, а месяц над ними как кинжал... (пр. 10 с.)

... Только что продержала корректуру перевода 7-ми писем Рильке (не ко мне, конечно!) и вступления к ним. Прочтете в следующем (февральском) № «Воли России». Убеждена, что во всем, что Р. говорит и я говорю — услышите свое. Письма Р. — о писании стихов (*dichten*) — о детстве — о Боге — о чувствах. Перевела как только могла, работала, со вступлением, три недели. — Пишу большую не-статью о Н. Гончаровой, лучшей русской художнице, а м. б. и художнике. Замечательный человек. Немолодая, старше меня лет на 15. Видаюсь с ней, записываю. Картины для меня — примечания к сущности, никогда бы не осуществленной, если бы не они. Мой подход к ней — изнутри человека, такой же, думаю, как у нее к картинам. Ничего от внешнего. *Никогда* не встречала такого огромного я среди художников! (живописцев).

Из этого отношения может выйти дружба, может быть уже и есть, но — молчаливая, вся в действии. *Я ее пишу* (NB! как художник, именно портрет!), а она пишет иллюстрации к моему «Мблодцу». Но ни я, ни она не показываем.

Много сходства: демократичность физических навыков, равнодушия к мнению: к славе, уединенность, 3/4 чутья 1/4 знания, основная русскость и созвучие со всем... Она правнучка Н. Н. Гончаровой, пушкинской роковой жены. — Есть глава и о ней... (пр. 13 с.)

... С эсерами не вижусь никогда, с М. Л. изредка переписываемся по журнальным делам... (пр. 2 с.)

№ 51

Медон, 17-го марта 1929 г.

Дорогая Анна Антоновна! Только что Ваше письмо. Я Вас люблю, зачем Вы живете такой жизнью, есть обязательства и к собственной душе, — вспомните Толстого — который, конечно, подвижник, мученик дома (долга) — на который за этот подвиг *ответит*. Вы пра-

вы кругом — и Толстой был прав кругом — и вдруг мысль: грех — что! Грехи Бог простит, а подвиги?? Служил ли Толстой Богу, служа дому? Если Бог — труд, непосильное: да. Если Бог — радость, простая радость дыхания: *нет*. Толстой, везя на себе Софию Андреевну плюс всё включенное, не дышал, а хрипел.

«Пора и о душе подумать», глубокое слово, всегда противопоставляемое заботам любви, труду любви, семье. «Не в праве.» *Вы* не в праве, но *Ваша* душа — в праве, в праве — мало, то, что для Вас — роскошь, для неё — необходимое условие существования. *Вы свою душу* губите. И, в ответ: «Кто душу положит за други своя!» И еще в ответ: «Оставь отца своего и мать, и иди за мной.» Я сейчас на краю какой-то правды.

У нас весна. Нынче последний день русской масленицы, из всех русских окон — блинный дух. У нас два раза были блины, Аля сама ставила и пекла. Мур в один присест съедает 8 больших. Его здесь зовут «маленький великан», а франц. портниха: „le petit rhéoptène“. В лесу чудно, но конечно несравненно с чешским. Вы не думайте, что «игра воображения», я очень упорна в любви, Чехию любила сразу и навсегда. Мне и те деревья больше нравятся.

— Был у нас доклад М. Л. о молодой зарубежной литературе. «Молодой зарубежной литературы нет, есть молодые зарубежные писатели». Прав, конечно. Потом разбор, справедливый, посему — безжалостный. (Вспомните основу суда: не милосердие, а справедливость). Из пражан определенно выделил Лебедева и Эйснера, с чем согласна. Из парижан — Поплавского. Даровитый поэт, но путанный (беспутный) человек. Мысли М. Л. часто остры, форма *обща*, все время переводит на настоящие слова. Те мысли — не теми словами.

— Одна работа о Гончаровой кончена и сдана, даю сербам, — 2 листа, немножко меньше (28 печ. стр. формата «В. Р.») — 8 чудесных иллюстраций (снимки с ее картин). Жизнь и творчество. Подумайте, нельзя ли было бы куда-нибудь устроить в Чехию? Или Чехия и Сербия — слишком близко? Пойдет в следующем № сербского Русского Архива. Другая работа, большая, пойдет в Воле Р., начиная с апреля... (пр. 17 с.)

... До свидания. О Маяковском напишу непременно. Но лучше

сказали Вы: грубый сфинкс: О нем (и о двух других) появится на днях очень хорошая статья С. Я. во франц. журнале. Пришлю. Как Вам понравился перевод Р.?... (пр. 3 с.)

№ 52

Медон, 7-го апреля 1929 г.

Дорогая Анна Антоновна! Нынче кончила переписку своей большой работы о Гончаровой, пойдет в В. России, в апрельском номере. Сербская уже переводится. В общей сложности — 7 печатных листов, очень устали глаза... (пр. 11 с.)

... Я ничего не умею хотеть, кроме как в работе, в которой *не хотеть* — не умею. Ничего не умею добиваться. Мне всегда за кого-то и что-то стыдно, когда у меня нет того, на что я в праве — только любовь дает права — когда у меня нет того без чего я — не я. Кому-то и чему-то ведь было бы несравненно лучше, если бы я завтра же; забрав и Мура и Алю, могла выехать к Вам в Прагу. Я Вас считаю самой настоящей Муриной крестной, обе (одна крестила, другую вписали) — неудачны: совершенно равнодушны (пр. 10 с.). Крестный его — Ремизов — его не видел *ни разу* (живет в Париже) и ни разу не позвал. Мне не повезло. (пр. 5 с.)

... Ах, дружба, любовь двухдневная, —
А забвеньё — на тысячу дней!

(Женские — стихи). Может быть я долгой любви не заслуживаю, есть что-то, — нужно думать — во мне — что все мои отношения рвет. Ничто не уцелевает. Или — век не тот: не дружб. Из долгих дружб — только с Вами и кн. Волконским, людьми иного поколения. Да! о дружбах. Недавно праздновали первую годовщину «Кочевья». Была и я — как гость. М. Л. сидел на председательском месте, справа блондинка, слева брюнетка, обе к литературе непричастные. Не обмолвилась (с 8 ч. веч. до 12^{1/2} ночи) ни словом, впрочем — слово было: о Гончаровской статье: два листа или полтора листа? Не усмотрите в этом обиды — только задумчивость. (пр. 1 с.)

... Держала тонкие листы
И странно так на них глядела,

Как души смотрят с высоты
На ими брошенное тело.

— Не знаю, что выйдет из дружбы с Гончаровой. Она *очень* спокойна и этим — успокаивает меня. Мне всегда совестно давать больше, чем другому нужно (= может взять!) — раньше я давала — как берут — штурмом! Потом — смирилась. Людям нужно другое, чем то, что я могу дать. Раз М. Л. мне сказал: «Одна голая душа. Даже страшно!»

У нас весна. (Боже! сколько раз это писано!) Первые распустились ивы — мое любимое дерево. Дубы *молчат*. Я все вспоминаю куст можжевельника на горе, который я звала кипарис. А иногда Борис (Пастернак). Он тоже не пишет.

Целую Вас нежно, пишете, люблю Вас, спасибо за всё.

М. Ц.

№ 53

Медон, 19-го июня 1929 г.

Дорогая Анна Антоновна! Начинаю день с письма к Вам. Знаете русское выражение: некогда о душе подумать. Так и со мной. (Так и с Вами). Сегодня мне вспомнилась Прага — сады. Сады и мосты. Летняя Прага. Что мне сделал этот город, что я его *так* люблю?

И вот мечта: осенью соûте que соûте приехать к Вам — о душе подумать. В один конец я бы денег достала, не могли ли бы Вы достать в другой? Но м. б. последнего бы и делать не пришлось, ибо тысячу крон своим выступлением в Праге конечно соберу. А не тысячу — так пятьсот: обратный путь. Давайте решим это твердо. М. б. нашелся бы в Праге какой-нибудь музыкант (или музыкантша, что даже предпочтительнее), который бы согласился выступить у меня на вечере бесплатно, чтобы устроить смешанный вечер: стихи и музыка. (Можно — стихи, проза и музыка). Билеты бы распространили предварительно. Дешевые — при входе. Так это делается здесь.

По моему — важен факт приезда, *уже*-присутствия. Заочно — всё трудней. Вы бы меня познакомили с чешскими дамами, и они бы

помогли. Тем более, что у меня сейчас есть «хорошие» платья, и вид парижский (NB! Помогают охотнее красивым и богатым, Вы это знаете). Словом, начать не с конца *нужды*, а с обратного. Их много.

В Праге я конечно буду счастлива: — и это располагает... (пр. 11 с.)

... Я могла бы приехать к Вам 15-го, а вечер устроить — 30-го, перед самым отъездом. Подумайте о музыкальной части, чехи так музыкальны, наверное найдется. Можно и пение (хорошо бы старые народные песни, а я читала бы *русское* народное: свое). Можно устроить чудесный вечер, и для души!

Мой парижский прошел отлично... (пр. 35 с.)

№ 54

Медон, 7-го августа 1929 г.

Дорогая Анна Антоновна! Я уже вижу себя у Вас — хотя не знаю *где*, — не представляю себе улицы, а дом — кажется большой? Комнату помню, одну, где сидели, а другую — из которой шла музыка. Но м. б. у Вас новая квартира, и я *ничего* не помню... (пр. 4 с.)

... Отправляю Алю на 2 недели в Бретань, к Лебедевым (тем), буду пасти Мура. А осенью — к 1-му ноября? — к Вам, если не передумаете, я не передумаю, ибо ни о чем другом не думаю. Всё, что Вы пишете о вечере, вечерах, очень подходит. И о *домáх*, куда, и о *дáмах*, с которыми... Отдаюсь всецело в Ваше распоряжение. Боюсь только, что меня начнут расспрашивать о парижских новинках, а у меня только одна новинка — да и та медонская — Мур. „*Quel triste plaisir que de s’amuser!*“ — так я смотрю на вечерний Париж. Его приманки — не для меня. Но, в крайнем случае, для поддержания престижа парижанки, могу врать и буду врать... (пр. 31 с.)

... О другом, а именно — Хашеке: Бравый солдат Швейк. — Знаете, конечно. И очаровывающая и отталкивающая книга. Чешский Иванушка-дурачок, — просто русский деньщик. Бездарны места с чистой идеологией, иногда пересол с духовенством, но в целом — даровитый человек и единственная вещь. Как жаль, что так рано умер. И как безнадежна попытка друга (*другого!*) закончить. Как сразу все добреет и тупеет... (пр. 5 с.)

... Из новостей: вышла замуж младшая дочь О. Е. Черновой — м. б. помните? — Адя, за молодого писателя Сосинского, к-го м. б. читали в В. Р. — Рада, что понравилась Гончарова. «Окончание в следующем номере»... (пр. 9 с.)

№ 55

Медон, 6-го сент. 1929 г.

Дорогая Анна Антоновна! Ваше письмо ждала вчера, а получила сегодня. На каком основании (ждала)? Своей уверенности в нем. — «А сегодня будет письмо от А. А.» (Говорила из завтра).

— Мигрень — и что? Давайте радоваться! У меня вот шея болит — гланды — Бог еще знает какие, но гланды не я, я — еду. Слушайте: в награду за безвыездное лето, за все тот же лес все в новых сальных бумажках (сгребаю Муркиными граблями и жгу, вопреки полному воспрещению костров), за вот уже месяц неписания (Алина Бретань!) — за все это и другое многое — хочу в середине октября съездить в Бельгию. Близко, дешево, есть где остановиться, новая страна, старые горда — С. Я. недавно был по евразийским делам и в очаровании. Но к Ватерло это слово уже не относится, — вещь посильнее! Стаял там, где стоял Наполеон и мысленно следовал за боем. Всего этого хочу и я. Устрою в Брюсселе вечер, который окупит дорогу. Поеду на неделю. А в первых числах ноября — к Вам.

Виделась (после полугодового перерыва, бывали — дольше!) с М. Л. С., приезжал ко мне, гуляли. Отношения приятные, очень далекие, он всё сбивается на литературу, а я, как всегда, соответствую. Говорили о поездке в Прагу. Очень советует вечер в Pen Club'e (м. б. неправильно пишу?), ручается за материальный (гнусное слово!) успех. Обещает перед отъездом дать ряд советов и писем. Жаль, что его не будет, — освободил бы Вас от части хлопот. А с другой стороны, единственной! — не жаль, мне хочется *Вашей* Праги.

Я Праги совершенно не знаю. Хочу знать всё. Не была ни в одном музее, ни на одном кошцете, — только в кафе со С., зато, кажется, во всех. (Была, впрочем на Шаляпинне и на Стравинском, но это к *Праге* не относится.) Зато в садах — была. Какие чудные сады! Хотелась сказать — особенно весною, нет! — особенно зимою, когда

никого нет. У меня в Праге есть приятельница, Катя Рейтлингер (дочь легкомысленного отца, к-го Вы наверное знаете), она меня тоже сможет поводить. В Праге я никогда не была свободной, — хотя бы от страха последнего поезда, как чудно будет знать, что некуда спешить. Заматываться мы с Вами не будем: больше всех музеев и концертов я мечтаю о вечерах с Вами — беседах, музыке, тишине. Я от зрелищ и сборищ сразу устаю... (пр. 2 с.)

... Куда — за́город? Я лучше Мокропсов и Вшенор места не знаю. Моя мечта — *когда-нибудь* приехать туда на́-лето с Муром, показать ему его колыбель. Он бы в Чехии был счастлив — с гусями, с ручьями! Здесь ему — тесно: в глубь леса не ходим (опасно), а вблизи от дома — всё те же дамы, и пары, и глаза... (пр. 4 с.)

... Здесь дети *пищат*, он, когда на воле, *орет*, — просто от силы. Неловко, когда орет один — «Мур, нельзя!» — «Но почему же? Здесь же нет соседей!» — Жаль его. Подпражская природа несравненно крупнее подпарижской. Я с тоской вспоминаю реку, сливы, поля, — здесь поля совершенно нет. Как жаль, что у меня в Чехии не было аппарата. Свой привезу, м. б. удастся снять, хоть поеду в самую туманную пору. — Помню один новогодний день в Праге — солнце, синева, сброшенное пальто. («Прага» — собирательное, дело было в родных Мокропсах). Проще: Мокропсы была *деревня*, со всем деревенским: гусями, козами, даже — кузницей! Здесь ничего этого нет: пригород, сплошная лавочка. Многие (особенно женщины!) бы со мной поменялись, но мне Стèте Toucalon не нужен, а что кроме? Сознание, что в Париже? Слишком залюбленный город, я *актерам* не поклонница.

Если бы Вы сюда приехали, мне все бы это сразу понравилось — от желания, чтобы понравилось и сознания, что нравится — Вам. И я бы места нашла, чай, несомненно, есть. Но такого загаженного леса Вы и в худшем сне не видели! Все бросают. Не земля, а сплошные консервные жестянки — гнусные. (В 40° в тени (вот уже неделя!) есть консервы, когда рынок лопается от зелени. Пьют, кстати (зимняя норма!) по 4 литра вина в день, не считая «аперитивов»)... (пр. 6 с.)

Дорогая Анна Антоновна! Получили ли Вы мое письмо — недели две назад — с детскими карточками — не заказным? Писала в Прагу, как Вы просили. Есть новости: 20-го в Брюсселе мой вечер и оттуда я могла бы прямо проехать в Прагу. Но — вопрос: будет ли к тому времени все готово для моего вечера? Когда Вы его предполагаете? . . . (пр. 5 с.). Главная забота по вечеру в предварительном распространении билетов. Пражский вечер нужно устроить по образцу парижских. Отпечатываются билеты-приглашения (прилагаю образец) и распределяются между организаторами вечера (Вами — и?). Билеты без указания цены, вроде как бы почетные, и предназначаются для богатых — кто сколько даст. В Париже *мишлэж* — 25 *фр.*, в Чехии возьмем — 25 крон. Каждый организатор сам продает, сколько может, остальные же просят (купившего) распространить между его знакомыми, предупреждая о цене. Словом — распространение по периферии. В день вечера — верней: ко дню вечера — непроданные билеты возвращаются . . . (пр. 14 с.)

. . . Нужен один основной вечер, — первый, — козырной, в зале вмещающем не меньше 300 человек. Потом можно и вечерки, — отдельные прозы, например, которые тоже что-нибудь дадут (по образцу Рейна (кабы Rheingold!) с притоками). Да! Слоним советует отдельный вечер в Pen Club'e — Ваше мнение? — Смогу прочесть, по французски, прозу, и м. б. Вы прочтете по чешски из моего Рильке. (Или чехов заденет — «австриец»? Не думаю). Основной вечер. Нужна музыка. Хорошо бы пение чего-нибудь народного чешского. Но — найдем ли мы *даровых* участников (участниц)? В Париже идут охотно. Нет ли у Вас, среди знакомых, хороших голосов или рук (рояль, скрипка). Музыка необходима. Не могу же я полтора или два часа сряду читать стихи. А так, с музыкой — 2 отделения: I — музыка, II — стихи, или даже три. С передышкой. — Чехи музыкальны. — Подумайте. — «Не согласились ли бы Вы выступить на вечере М. Ц.» — т. д. . . . (пр. 10 с.)

. . . Можно будет на вечере у отдельного столика устроить продажу автографов, — если удобно? Мне всё равно — ибо денег со стихами не связываю, или: стихи от денег не хуже, а деньги от стихов — лучше.

(NB! Я бы сама купила такой автограф — Ахматовой, например). Но если в Чехии это — «дурной тон» — не будем.

Итак: найдите зал (не меньше как на 250 чел.!), бескорыстных участников-музыкантов (певцов или инструмент — что будет, хорошо бы — хороший *женский* голос, вообще вечер нужно под *женским* знаком)... (пр. 9 с)

— О женском участии в устройстве. О женских руках. Верю в них — и знаю их. Помните, у Р. — „Die Liebenden“ и у Беттины — „Ich will keine Gegenliebe!“ Женщины живы сочувствием. Кроме того — в нашем реальном случае — женщины гордятся своими, приобщая и приобщаясь. Много смеются над женскими журналами. Мне они — милее мужских, с их политической грызней и сплетнями... (пр. 37 с.)

«Евразия» приостановилась, и С. Я. в тоске, — не может человек жить без непосильной ноши! Живет надеждой на возобновление и любовью к России.

А Мур, как я, — любовью к жизни. Только он — веселей меня (NB! никогда не была веселой), действеннее. Но нрав и темп — мои... (пр. 6 с.) Он страшно русский, на лбу написано. С каким-то вызовом — русский. — Что с ним будет дальше? Дети его не любят. Женщины — да... (пр. 9 с.)

№ 57 — 2 открытки с фотографией брюссельского «Маннекен-Пис»
Брюссель, 26-го октября 1929 г.

Дорогая Анна Антоновна! Ваше письмо мне переслали в Брюссель. Расскажу Вам о своем вечере. Здесь колония маленькая, бедная и правая, т. е. — увы! — бескультурная. Но все-таки набралось около ста человек, — для литературного выступления успех невиданный! Чистый сбор 70 бельг. франков, т. е. 50 франц. Дорога, паспорт, виза, жизнь — не меньше 400 фр. Но могло быть и хуже, по крайней мере покрыты расходы по залу и объявлениям. Живу я здесь у очень милых и сердечных людей, но не отдыхаю, п. ч. всё время езжу, хожу, осматриваю, разговариваю. И больше всего — выслушиваю. Все, с кем мне приходится встречаться, проголодались по новому челсеуку.

Бельгия мне напоминает Прагу, — тишина, чистота, старина. Была, кроме Брюсселя, в Антверпене, в Брюгге и на море. Концы маленькие. Брюгге — лучшее, что я видела в жизни. Сплошная Slatá ulička. Но — с веянием моря, кое здесь рядом.

Мечту о Праге не оставила. Будем ждать. Лучше бы вечер до января, ибо м. б. повлияло бы на продление иждивения. С. Я., с перерывом Евразии, ничего не зарабатывает, мои доходы Вы знаете. Если и 500 чеш. крон кончатся — не знаю, что будем делать... (пр. 32 с.)

...Пишу в 7 ч. утра, в мансардной комнате, где живу и всегда хотела бы жить: чистота, пустота.

Обнимаю Вас, сердечный привет Вашим. Как здоровье всех?

М. Ц.

Как Вам нравится мальчик-фонтанчик?...

№ 58

Без адреса и даты.

Дорогая Анна Антоновна! Давным-давно от Вас нет вестей. (В последний раз писала Вам из Брюсселя, — письмо, не открыточку). А у нас — печальные: на почве *крайнего* истощения у С. Я. возобновился старый легочный процесс — пока не активный, но грозный именно из-за этого истощения... (пр. 6 с.). Врачебная помощь нам обеспечена, но главное дело в санатории (отъезд, отдых, воздух, покой) = больших деньгах. Евразия кончилась, а с ней и редакторское скромное жалование, живем в долг, — куда там санатория! А она нужна. Нужен, помимо режима (питания) воздух, которого я не могу дать — (а Медон в котловине и с 4 ч. дня в паре от близкого сырого леса) и покой — который при нашей жизни — невозможен... (пр. 5 с.)

... Ради Бога, чтобы только не прекратилось в 1930 г. чешское иждивение! Тогда мы совсем пропали. Вот я полгода писала Перекоп (позму гражданской войны) — никто не берет, правым — лева по форме, левым — права по содержанию. Даже Воля России отказалась мягко, конечно, — не задевая, — скорее *отвела*, чем отказалась. Словом полгода работы даром, — не только не заплатят, но и не напечатает, т. е. *не прочтут*.

О поездке в Чехию — увы (и какое увы! целый *вой*) — сейчас думать не приходится. С. Я. должен уехать по крайней мере на три месяца. Отложим до весны, — м. б. и лучше, — поедем с Вами по окрестностям, вспомним те годы — для меня — несчастно-счастливые. М. б. к весне и Вам будет легче наладить мой приезд (выступления). Сейчас Вы молчите — значит не выяснено или не вышло. От Праги не откажусь ни за что, не отказывайтесь от меня и Вы... (пр. 3 с.)

...Откликнитесь скорее: надеюсь (!) что с вечером еще не наладилось.

Видаюсь с М. Л., он стал лучше: менее самонадеян, более отзывчив. Дай ему Бог... (пр. 9 с.)

№ 59

Медон, 25-го декабря 1929 г.

Дорогая Анна Антоновна!

Сердечно поздравляю Вас с праздником Рождества Христова и с наступающим Новым Годом! Мне жалко этой цифры — 29, рука свыклась, глаз свыкся... (пр. 4 с.)

... Третьего дня уехал С. Я. — в Савойю. Друзья помогли, у нас пе было ничего. Перед отъездом проболел целую неделю, — 39°, безумные боли в желудке. Пять дней ничего не ел, — только чай. Уехал во всяком случае на два месяца... (пр. 3 с.)

... Полтора месяца ничего не писала, извелась, жизнь трудная. Весь день раздроблен на частности, подробности, а вечером, когда тихо — устала, уж не могу писать, голова не та.

Теперь, с отъездом С. Я., опять примусь. Я всегда взваливаю на себя гору. Очередную. Федра — Гончарова — Перекоп. — Ныне — но не называю, чтобы не сглазить. Что бы мне писать восьмистишия! Беспоследственные и безответственные. А то — источники, проверка материалов, исписанные тетради, вся громадная работа до. «Как птицы небесные»... Нет. (пр. 18 с.)

(пр. 1 с.) ... Сначала были заботы — болезнь С. Я., хлопоты, Алино учение, т. е. моя связанность с домом, подготовка к вечеру (в субботу, 26-го — Вечер Романтики) — а теперь стряслось горе, — какое пока не спрашивайте — слишком свежо́, и называть его — еще и страшно и рано.

Мое единственное утешение, что я его *терплю*, (subis), а не доставляю, что *оно—чистое* ... (пр. 15 с.). На горе у меня сейчас нет времени, — оказывается — *тоже роскошь*.

— Даст Бог — как-нибудь ... (пр. 6 с.)

... Не сердитесь, дорогая Анна Антоновна, за такое эгоцентрическое письмо, Вам пишет человек — *под ударом*.

Не знаю, знаете ли, т. е. писала ли — мой Мóлодец сейчас переводится на английский язык, уже кончен — Гончаровские иллюстрации тоже — все дело за издателем, к-ый по всей вероятности найдется. Тогда все-таки получу авторские, хоть что-нибудь.

Сама перевожу его на франц. — стихами — сделана половина, авось летом кончу, нужно кончить.

Простите за долгое молчание, люблю и помню Вас всегда.

М. Ц.

— Бедный Маяковский! (Ваш «сфинкс»). *Чистая* смерть.

Всё, всё, всё дело — в чистоте. (пр. 1 с.)

St. Pierre de Rumilly

(Haute Savoie)

Château d'Areine

— мне —

Это Серезжин адр., но у нас
своего нету.

Дорогая Анна Антоновна!

Наконец Вам пишу. Лето прошло как сон, — в работе всегда так, а работы — впрочем Вы сами знаете — сколько. Живем даже не в деревне, а над деревней, под самой горой, без хозяев, в маленьком

chalet с огромным двором — сарай, сеновалы, мельница, всё старое, наполовину отслужившее. Нашему домику сто лет ровно.

С. Я. за три километра, в настоящем замке XV века, в котором ныне русский пансион. Он там уже 8 месяцев, — платит Кр. Крест. Видимся почти ежедневно, то мы к нему, то он к нам. Раз в неделю ходим — Аля, Мур и я — в соседний городок La Roche на рынок, закупаем на целую неделю. В деревне ни овощей, ни мяса нет.

Природа здесь очень живописная, но Чехию люблю несравненно больше. Леса *сырые*, не тропинки, а ручьи, не дороги — потоки. Слишком много воды, и не только из-за дождливого лета: близость снеговых гор. Лес неприветливый, мрачный, вроде тайги, — весь в плуще и в ежевике, не продерешься. А под ногами — вода. Прогулки только дальние, на целый день, ближних, как в Чехии, нет, т. е. одна: в тот же La Roche, шоссе — слава Богу почти без автомобилей.

Но народ чудный: вежливый, радушный, честный, добрый — как во времена Руссо. Он в этих местах провел всю молодость... (пр. 7 с.)

... За лето кончила перевод на франц. (стихами) своего Молодца, к к-му Гончарова давно уже закончила иллюстрации, и написала ряд стихов к Маяковскому — думаю отдать в Волю России... (пр. 11 с.)

№ 62

Медон, 17-го окт. 1930 г.

(пр. 3 с.). ... Я Вас *всегда* помню, т. е. Вы *всегда* во мне присутствуете. Свидание с Вами было бы одной из огромных радостей моей жизни. Жаль, что меня никак не пристегнешь к Достоевскому, а то бы — чудный повод к встрече. Если бы Лескова чествовали — встретились бы. Из русских писателей это мой самый любимый, родная сила, родные истоки. Мне, чтобы о человеке сказать, нужно его любить пуще всего. И о Лагерлеф сказала бы. И о Сигрид Унстед — читали ли Вы ее? Замечательная книга. Норвежский эпос. Трилогия: Der Kranz — Die Frau — Das Kreuz. Лучшее что написано о женской доле. Перед ней — Анна Каренина — эпизод. Вся вещь называется: Kristin Laurinstochter. Когда-нибудь да эту книгу приобрету. После нее долго ничего не хотелось читать.

9-го мы вернулись из Савойи. Жизнь трудная: С. Я. без работы — Евразия кончилась, а ни на какой завод его не примут, — да и речи быть не может о заводе, когда за 8 мес. прибавил всего 5 кило, из к-ых уже сбавил два. Это большой человек. — Сейчас поступил на курсы кинематографической техники, по окончании которых сможет быть оператором. — Кончала Молодца, это моя единственная надежда на заработок, но нужно ждать, зря отдавать нельзя, — 6 месяцев работы. Живем в долг в лавочке, и часто нет 1 фр. 15 с. чтобы ехать в Париж.

Иногда я думаю, что такая жизнь, при моей непрестанной работе, все-таки — незаслужена. Погубило меня — терпение, моя семижильная гордость, якобы — всё могущая: и поднять, и сбросить, и нести и *снести*. Если бы я была как все женщины моего круга (NB! а есть ли у меня круг?!) — или как все писатели (моего круга, которого уже заведомо нет!), за меня бы все делали, а я бы глядела. Женщина бы глядела, а писатель бы писал. Если буду жить в другой раз — буду знать.

Очень огорчена, дорогая Анна Антоновна, Вашим неудачным летом, погода и у нас была ужасная, но была — тишина. Удивляюсь, что богатые так дорого оплачивают шум, которого так много на улице.

Оставила в Савойе — в квартире запрещено — безумно-любимую собаку, которую в память Чехии, я окрестила: *Подсэм* (поди сюда?). Это был *chien-berger* — *quatre-yeux*, черная, с вторыми желтыми глазами над глазами-бровями. Никого за последние годы так не любила.

Молодца кончила совсем (рифма: *Подсэм!*), на днях повидая Гончарову, будем думать — что дальше? Сейчас продолжаю большую вещь, начатую еще прошлой зимой. Писать некогда, но всё-таки пишу. Жизнь, из-за безденежья, еще не налажена. Никого, кроме Гончаровой, из парижских, не хочется видеть: у всех настолько другая жизнь — и внешняя и внутренняя. — Распродаю вещи, прекрасные шелковые платья, которые когда-то подарили — за грош.

Да! Совсем о другом: подружилась — издалека — со старой (годами, а не сердцем) приятельницей Рильке, живет в Швейцарии,

на чудном Bodensee, там у нее старый дом в старом саду. Шлет мне все его книги, вчера получила второй том его писем, чудное издание Insel-Verlag'a. Большая радость... (пр. 7 с.)

... Спасибо, что переводите, или думаете переводить, Гончарову. Можно было бы предложить журналу поместить с иллюстрациями — снимками ее картин — как сделали сербы (в Русском Архиве — выдали?). Вещь бы оживилась, — и чехи ведь очень любят графику?

Как мне бы хотелось сходить с Вами в ее мастерскую. Сделаемте так, чтобы увидеться! На чествование Достоевского у меня мало надежды. Кстати — *прекрасную* тему Вы выбрали! *Мало* живой природы, но когда есть — незабвенная. Я бы сказала о Д., что у него всё как во сне — без цвета, неокрашенное, в ровном условном свете ф-ческой пленки, только очертания. Помню Ипполита где-то на даче, «клеякие листочки» Ивана, — а еще?... (пр. 10 с.)

№ 63

Медон, 17-го ноября 1930 г.
(пр. 41 с.)

№ 64

Медон, без даты
(пр. 9 с.)

№ 65

Медон, 31-го декабря 1930 г.
(пр. 9 с.)

№ 66

Медон, 22-го января 1931 г.

(пр. 38 с.)... С французским Мблодцем пока ничего не вышло. Издательский кризис. Поэтов не издают совсем. 8 месяцев работы. — И иллюстрации Гончаровой (*очень* здесь известной) не помогли.

Перекоп (6 месяцев работы) — лежит. В. Р. взять не может («Добровольчество!»), а Современные Записки даже не ответили. Такова же судьба вещи, которую сейчас (уже около года) пишу. Всё

это — на потом, когда меня не будет, когда меня «откроют» (не отроют!).

Друзей у меня, кроме Е. А. Извольской, нет. С Гончаровой что-то остыло. М. б. в обиде, что Аля поступила в школу? Держалось — моей заботой о ней и ее с Алей, обе кончились. Приду — рада. Не зовет — никогда.

А Е. А. Извольская выше головы занята переводами и статьями, физически нет времени встречаться, видимся налету, на людях. Я бы хотела друга на всю жизнь и на каждый час (возможность каждого часа). — Вас. — Кто бы мне *всегда* — даже на смертном одре — радовался. Такого нет. Есть знакомые, которым со мной «интересно» — и домашние, которым со всеми интересно кроме меня, ибо я дома: — посуда — метла — котлеты — сама понимаю.

Простите за: *я, мне, меня*, но правда — некому и не к кому!
Обнимаю Вас М. Ц.

№ 67

Медон, 25-го февраля 1931 г.

Дорогая Анна Антоновна!

Еще раз повторяю Вам: живи я с Вами (хотя бы в одном городе, хотя бы в одной стране) у меня была бы другая жизнь, вся другая. Мое горе с окружающими в том, что я *не дохожу*. Судьба моих книг. Всякий хочет 1. попроще 2. повеселей 3. понарядней. Так одинока как это пятилетие я никогда не была. Дома я вроде «стража безопасности» (как мне нравилось это чешское название!) — роль самая невыгодная. Весь день дозировать, направлять, и всё по мелочам. Иногда с горечью думаю: все у меня в доме и все вокруг более «поэты», чем я. У меня от «поэзии» — только моя несчастная тетрадь.

У меня нет человека, к которому бы я могла придти вечером, *сбыв* с плеч день, который, раскрыв дверь, мне непременно обрадовался бы, ни одного человека, которого не надо бы предварительно запрашивать: можно ли? *Я здесь никому не нужна.*

Есть — знакомые. Но какой это холод, какая условность, как висение на ниточке и цепляние за соломинку. Какая нечеловечность... (пр. 9 с.)

— Гончарова. С Гончаровой дружила, пока я о пей писала. Кончила — пи одного письма от нее за два годa, ни одного оклика, точно меня на свете нет. Если виделись — по *моей* воле. Своя жизнь, свои навыки, я недостаточно глубоко врезалась, *нужной* не стала. Сразу заросло.

Про мужчин и пе говорю. Плохие друзья! Тот же М. Л. Виделись раз — час. Разговоры о литературе, равнодушные. Даже пе «что пишете?», а «что из того, что пишете, подойдет для Воли России?» Что я для него? Сотрудник.

Когда С. Я. в прошлом году уезжал в санаторию, у нас *месяцами* никого не было. Дверь молчала, а если стучала, то — либо газ, либо электричество... (пр. 5 с.)

Я всю жизнь, с детства тянулась к людям старшим и лучшим меня. Скучала: сначала с детьми, потом с подростками, потом с молодежью, ныне — с людьми моего возраста, завтра — с завтрашнего.

Как бы мне хотелось кого-нибудь доброго, мудрого, отрешенного, никуда не спешащего! человека — *не* автомобиля, — *не* газеты („Quotidien“).

— С писательскими делами мне — не лучше. 1928 г. — 1931 г. Из всего написанного напечатана только моя Гончарова, которую Вы знаете. Перекоп (6 мес. работы) и французский Молодец (8 мес.) — лежат. Первого не взяли ни В. Р., ни Совр. Записки, ни Числа. Второго („Le Gars“) слушало несколько поэтов, хвалили все, никто пальцем не двинул. «Отнесите туда-то, но будьте готовы к отказу» (на днях, один из редакторов „Nouvelle Revue Française“). Спрашивается — зачем тогда нести?

Не зарабатываю *ничего*.

«Перекоп» мне один знакомый перепечатывает на машинке, как кончит пришлю Вам оттиск, в печатном виде Вы его никогда не увидите.

Очередное, даже сегодняшнее. М. Л. настойчиво просил меня статьи для 1-го № Новой Литературной Газеты. Написала о новой детской книге — там, в России, о ее богатстве, сказочном реализме (если хотите — почвенной фантастике), о ее несравненных преимуществах над дошкольной литературой моего детства и — эмиграции. (Всё на

цитатах.) Но тут то и был „Hund begraben“. Нынче письмо: статьи взять не могут, п. ч. де и в России есть плохие детские книжки.

Писала — даром.

(NB! В статье, кстати, ни разу! «советская» — все время: русская, ни тени политики, которая в мою тему (дошкольный ребенок) и не входила).

Деньги, на к-ые издается газета, явно — эмигрантские. Напиши мне Слоним так, я бы смирилась (NB! не стою же я — эмигрантских тысяч!), так я — высокомерно и безмолвно отстраняюсь.

Всё меня выталкивает в Россию, в которую я *ехать не могу*. Здесь я *ненужна*. Там я *невозможна*. (пр. 7 с.)

... К довершению всего у меня на почве общего истощения (ходила в клинику, смотрел при 20-ти студентах профессор) вылезла половина брови, — прописал массаж и мышьяк: ничего не растет, так и кожу с полутора бровями. Но к этому отношусь созерцательно, ничего кроме иронии не чувствую. Точно не моя... (пр. 8 с.)

... Читали ли Вы замечательного *Петра I* — Толстого (к-ый в России).

№ 68

Медон, 27-го февраля 1931 г.

Дорогая Анна Антоновна!

Вот уже поистине — пришла беда раскрывай ворота!

Я попала в самую настоящую беду... (пр. 3 с.). 24-го декабря я получила по чеку деньги, и они *ошибкой* вместо 6 фунт. выдали мне 10 ф., т. е. вместо 750 фр.—1250, т. е. я *им должна 500 фр.* Расписка этой операции у них налицо... (пр. 3 с.)

А теперь надо отдавать... (пр. 8 с.). Главное горе в том, что этот чек был *последний*, что помогавший нам Св. Мирский (Вёрсты — критик) больше помогать не может (Потому-то я и подумала, что в последний раз прислал больше!)... (пр. 3 с.)

Словом, умоляю Вас, дорогая Анна Антоновна, каким-нибудь чудом достать мне половину этой суммы — т. е. 250 фр. *После вечера* (будет весной) *отдам*. Вечер, какой ни на есть, всегда дает 1½ тыс. франков... (пр. 19 с.)

(пр. 1 с.) ... Открытку и коробку получила — сердечное спасибо. Точно гора (содержание открытки) с плеч свалилась! Мне помогают только женщины — так, впрочем, было всю жизнь.

Пытаюсь устроить свой Перекоп в «Россию и Славянство», — боюсь только платить не будут: очень бедны. И дайте мне добрый совет: как по Вашему, не прекратят ли чехи иждивение из-за моего сотрудничества — т. е. напечатания вещи — в правом органе? Но что же мне делать, когда ни Совр. Записки, ни Числа, ни Воля России не берут? В России и Славянстве сотрудничает Бем.

Об иждивении: другие писатели получили извещение, что иждивение кончилось, я получила анкету, которую, заполнив, отослала. Прошло два месяца — ничего. Тогда я обратилась к Марку Львовичу, он очевидно напомнил обо мне, и я получила деньги с пометкой: пока что за январь. С тех пор — ничего, т. е. за февраль и март — ничего.

К М. Л. обращаться не хочется из-за истории со статьей (заказал и не принял), обращаюсь, дорогая Анна Антоновна, к Вам. Другие писатели уверяют, что иждивение мне осталось, ибо я не отказ получила, а анкету. М. Л. достоверно говорил мне, что оставлено мне и, кажется, еще Ремизову. В чем дело? Почему не шлют? Расскажите о моем положении: больной муж, двое детей, издательский кризис, — жить не на что. Без этих денег мы пропадем.

Сначала ждали каждый день, должны были в счет, теперь и ждать перестали. Не получено за февраль и март. (Всегда присылали 3-го — 4-го) ... (пр. 10 с.)

(пр. 4 с.) ... Весна моя начинается грустно: неожиданно в гостях узнала от приезжего из Москвы, что Борис Пастернак разошелся с женой — потому что любит другую. А другая замужем, и т. д. Боюсь за Бориса. В России *мор* на поэтов, — за десять лет целый список! Катастрофа неизбежна: во-первых муж, во-вторых у Б. жена и сын,

в-третьих — красива (Б. будет ревновать), в-четвертых и в главных — Б. на счастливую любовь неспособен. Для него любить — значит мучиться.

Летом 26-го года, прочтя где-то мою Поэму Конца, Б. безумно рванулся ко мне, хотел приехать — я *отвела*: не хотела *всеобщей* катастрофы. (Годы жила мечтой, что увижусь). Теперь — пусто. Мне не к кому в Россию. Жена, сын — чту. Но *нозая* любовь — отстраняюсь. Поймите меня правильно, дорогая Анна Антоновна: *не ревность*. Но — раз без меня обошлись! У меня к Б. было такое чувство, что: буду умирать — его позову. Потому что чувствовала его, несмотря на семью, совершенно одиноким: моим. Теперь мое место замещено: только женщина ведь может предпочесть *брата* — любви! Для мужчины — в те *часы*, когда любит — любовь — все. Б. любит ту совершенно так же как в 1926 г. — заочно — меня. Я Б. написала: «Если бы это случилось пять лет назад... — но у меня *своя* пятилетка!»

Острой боли не чувствую. Пустота... (пр. 7 с.)

№ 71

Медон, 3-го июня 1931 г.

Дорогая Анна Антоновна! Наконец мой вечер позади и я могу Вам написать... (пр. 5 с.)

... Нынче на Колониальной выставке (весь Париж перебивал, я — кажется — последняя) меня взяла острая тоска по Вас, под пальмами, в синем тумане *настоящих* тропик. Сколько тут дам и господ ходит, сколько аппаратов щелкает, запечатлевая все тех же дам и господ — таких случайных! — а Вас, которой все это: Индо-Китай, Судан, Конго и т. д. — так много бы дало, и которая, этим, всему (и мне!) так много бы дали — нету. И, проще: всегда когда вижу что-нибудь красивое, редкое, настоящее — думаю о Вас и хочу видеть это с Вами. (Боже, до чего слабое, должно быть, мое *хочу* во всем, кроме работы! До чего я *для себя* не умею хотеть!)

Дома у меня жизнь тяжелая — как у всех нас — мы все слишком особые и слишком разные... Каждому нужно — физически — место, к-го *нет*: все друг у друга под локтем и под боком... С работой у меня

весь этот «школьный год» (конечно — школа!) тоже не блестяще: Аля много в Париже из-за — своей школы, я с Муром, который *труден*, — кроме того пишу вещь, которая при невероятной трудности осуществления (сколько раз — бросала!) никому не нужна... (пр. 7 с.)

... Все окружение меня считает сухой и холодной, — м. б. и так — жизнь, оттачивая ум — душу сушит. И потом, знаете в медицине: подавленный аффект, напр. горе или радость, сильная вещь, которой не даешь ходу, в конце концов человек остро заболевает: либо сильнейшая сыпь, либо еще какой-нб внешний знак потрясения.

Так вся моя взрослая жизнь: *force refoulée, désir créateur — refoulé*, чтó я иного в жизни делаю как *не-пишу* — когда мне хочется, а и ленно: все утра моей жизни?! 14 лет подряд.

Это тоже холодит и сушит... (пр. 13 с.)

№ 72

Медон, 31-го августа 1931 г.

Дорогая Анна Антоновна, спасибо за письмо и открытку с лесом, за любовь и память.

Живу из последних (душевных) жил, без всяких внешних и внутренних впечатлений, без хотя бы малейшего повода к последним. Короче: живу как плохо действующий автомат, плохо — из-за еще остатков души, *мшающей* машине. Как несчастный, неудачный автомат, как насмешка над автоматом.

Всё поэту во благо, даже однообразие (монастырь), все кроме перегруженности бытом, забивающим голову и душу. Быт мне мозги отшиб! Живу жизнью любой медонской или вшенорской хозяйки, никакого различия, *должна* всё что должна она и ничего не смею чего не смеет она — и многого не имею, что имеет она — и многого не умею. В тех же обстоятельствах (а есть ли вообще те же обстоятельства??) другая (т. е. не я, — и уже всё другое) была бы счастлива, т. е. — и обстоятельства были бы другие. Если утром ничего не надо (и главное не хочется) делать, кроме как убирать и готовить — можно быть, убирая и готовя, счастливой — как за всяким делом. Но несделанное свое (брошенные стихи, неотвеченное письмо) меня грызут и отравля-

ют всё. — Иногда не пишу неделями (NB! хочется — всегда), просто не сажусь...

Реально: месяц этого лета налаживала поездку С. Я. в горы, две недели шила Муру, другие две налаживала Алин отъезд в Бретань (к Лебедевым, помните?)... (пр. 4 с.) Наконец возвращение С. Я. и мысли (не только мысли, а письма, хождения: *время!*) — о его устройстве, попытка пока беспоследственная, ибо *кризис* и большинство кинематогр. предприятий стоит... (пр. 2 с.)

Французский мой Молодец (Gars, работа 8-ми мес.) не понадобился никому. Проза в три листа «История одного посвящения» тоже лежит, ибо очередной № Воли России пока не выходит. (Очевидно, и у них «кризис»). И „Gars“ и «История одного посвящения» должны были мне дать вместе 2750 фр., — т. е. и терм и налоги, и еще бы осталось на жизнь. Д.П.С.-Мирский, все эти годы помогавший на квартиру, платежи прекратил. Другая знакомая, собиравшая в Лондоне 500 фр. ежемесячно, известила, что помогавшие больше не могут, но что она, пока, будет давать 300 фр.

Словом, если надеяться на чехов, в месяцу у нас $300 + 375 = 675$ фр. на четверых, когда одна квартира стоит 500 фр., не считая отопления (100 фр.). Сейчас жили на остатки с вечера... (пр. 6 с.)

... Стихи всё-таки писала: ряд стихов к Пушкину, теперь — Оду пешему ходу. Но — такая *редкая* роскошь (в России, даже Советской, я из стихов *не выходила*) — тропинка зарастает от раза к разу... (пр. 4 с.)

№ 73

Медон, 14-го сентября 1931 г.

Дорогая Анна Антоновна!

Наше положение прямо отчаянное: 14-ое число, а чешского иждивения нет. Без него мы погибли. Меня не печатают *нигде* (очередной № В. Р. где должна была пойти моя проза «История одного посвящения» — не вышел), С. Я. без места, Аля должна кончать школу. Нам не помогает *никто*... (пр. 6 с.)

... По нашим средствам мы все должны были бы жить под мостом.

Пишу стихи — лирические (так я определяю отдельные, короткие, но в общем всё — лирика! что *не лирика?*!) — был ряд стихов к Пушкину (весь цикл называется «Памятник Пушкину») — Ода пешему ходу — Дом (автопортрет) — сейчас: Бузина (знаете такое дерево все в мелких-мелких ядовитых красных ягодах, — растет возле заборов).

В общем, если бы печатали, если не выработывала бы — то: прирабатывала. А так — ничего: всё остается в тетради.

Будет время — перепишу и пришлю (даже если *не будет* времени!)

Умоляю, дорогая Анна Антоновна, попытайтесь отстоять меня у чехов. — Совестно всегда просить, но виновата не я, а *век*, который десять Пушкиных бы отдал за ещё одну машину.

Обнимаю Вас и прошу прощения за несмолжаемые просьбы.

М. Ц.

№ 74

Медон, 8-го окт. 1931 г.

(пр. 6 с.) ... Катастрофа нашего терма (трехмесячной квартирной платы) разрешилась благополучно, — и люди помогли, и как раз чешское иждивение пришло (сокращенное, по слава Богу, что вообще дают!) словом, сбьли эту гору с плеч и на три месяца спокойны. Я, вообще, за «Grands efforts» в жизни, — лучше сразу непомерное, чем понемножку — всё равно непосильное, ибо нам по нашему имущественному положению нужно было бы жить под мостом. Пишу Вам так подробно, п. ч. знаю, что Вы и *черновики* (любимых вещей) любите.

Вся жизнь — черновик, даже самая гладкая.

Вернулась из Бретани Аля, привезла всем подарки: ей на ее именины мать ее подруги подарила 50 фр., — купила на все деньги шерсти и связала Муру и мне две чудных фуфайки, с вязанным рисунком, как сейчас носят — (и хорошо делают, что носят). Мне зеленую с белым ожерельем из листьев, Муру сине-сефо-голубую, северную, в его цветах. На днях начинаются ее занятия в школе, берет три курса: иллюстрацию, гравюру по линолеуму (по дереву — не по

средствам, обзаведение не меньше чем 300 фр.) и натуру. Очень старается по дому и вообще бесконечно мила. *Очень* красива, выравнялась, не толстая, но крупная — вроде античных женщин. *Моей* ни одной черты, кроме общей светлости. Мур растет, — 6 л. 8 мес., переменял четыре зуба, а если не похудел, так постройнел, мне почти по плечо. Нрав скорее трудный, — от избытка сил всё время в движении, громкий голос, страсть к простору — которого нет. Дети, а особенно такие дети, должны расти на воле. Французские дети учением замучены: от 8¹/₂ ч. до 12 ч., перерыв на 1 ч. и опять до 4 ч. — когда же жить, играть, гулять? Дома уроки и сон, ни на что не остается. Ребенок до 10 л. должен был бы учиться три часа в день, а остальное время — расти. Согласны? Потому д. с. п. не могу решиться отдать его в школу, ибо *все* школы таковы, утренних нет. Это моя большая забота, ибо растет без товарищей, которых страстно любит. Пишет и читает по русски и читает (самоучкой) по франц., начинает бойко (хотя неправильно) говорить. Как мне бы хотелось Вам, дорогая Анна Антоновна, их обоих показать! Когда увидимся??

С. Я. пока без работы — обещают — но при самой доброй воле трудно, — и французы без мест.

Обнимаю Вас нежно, скоро еще напишу — о той другой жизни, где мы с Вами никогда не расставались.

М. Ц.
(пр. 3 с.)

№ 75

Медон, 18-го ноября 1931 г.

(пр. 3 с.)... О первоначальной школе и согласна и нет, — согласна бы ежели бы: не 40 человек в классе, а 10 (группы), не шесть часов сидения, а три — и любящие люди, а не чиновники. С Муром особенно сложно: ему и так проходу на улице не дают из-за роста, толщины, всей его *несхожести* с франц. детьми. В Чехии, где дети — дети, а не *красивые старички и старушки*, он был бы незаметен. Кроме того он мало знает французский и даже ответить не сумеет. Прибавьте к этому *мое* эмигрантское бесправие и мой вовсе-не эмигрантский нрав... (пр. 4 с.)

... Переписываю сейчас свою большую статью «Искусство при свете солнца» — есть надежда что возьмет Воля России. Потому сегодня пишу так коротко... (пр. 7 с.)

№ 76

Медон, 1-го января 1932 г.

С Новым Годом, дорогая Анна Антоновна! Пишу Вам на странице своей рукописи, которой и кончила старь, которой и начала новый год.

Весной будет ровно десять лет как я уехала из России, летом — ровно десять лет как приехала в Чехию, осенью (1-го ноября) — ровно семь лет как уехала из Чехии, т. е. приехала во Францию. А странно: Чехия — как период времени в моей памяти гораздо больше чем Франция, я бы сказала: в Чехии пробыла семь, в Париже три. Франции несмотря на всё (этому всему — знаю цену!) я всё таки как-то не полюбила, может быть потому что мне ее — душевно — нечем поминуть. Настоящих друзей здесь у меня не было, были кратковременные дружбы, не выжившие. Единственный человек, которого я здесь по-настоящему полюбила, который меня во Франции по-настоящему полюбил, была Елена Александровна Извольская, которая уехала — замуж в Японию, я Вам об этом расставании писала. Во Франции — за семь лет моей Франции — выросла и от меня отошла — Аля. За семь лет Франции я бесконечно остыла сердцем, иногда мне хочется — как той французской принцессе перед смертью — сказать: Rien ne m'est plus. Plus ne m'est rien.

Кроме Мура: очень сложного и трудного, но пока (тоже на какие-нибудь семь лет) во мне нуждающегося. После этих семи — или десяти лет — я уже на земле никому не нужна, м. б. тогда и начнется моя настоящая: одинокая и уединенная жизнь, которая у меня кончилась с *семнадцати лет*. Может быть я тогда напишу еще несколько хороших вещей, может быть одну вещь: *мою*. Я пока еще живу на старь — отчасти российский, отчасти чешский — капитал (смешно звучит — от меня — да еще в эту зиму!). Париж мне душевно ничего не дал. Знаете как здесь общаются? Гостинные, много народу, частные разговоры с соседом — всегда случайным, иногда увлекательная

беседа и — прощай навсегда. Так у меня было много раз, потом перестала ходить (пишу о французах). Чувство, что всякий все знает и понимает, но занят целиком собой, в литературном кругу (о котором пишу) — своей очередной книгой. Чувство, что для [одно слово неразборчиво — В. М.] тебя места нет. Так я недавно целый вечер побеседовала с Alain , знаменитым одиноким путешественником (A la poursuite du soleil). И — что же? Да то, что самая увлекательная, самая как будто — душевная беседа француза ни к чему не обязывает. Безответственно и беспоследственно. Так, как говорит со мной, говорит с любим, я только подставное лицо, до к-го ему никакого дела нет. Французу дело до себя. Это у них называется искусством общения.

Эх дружба, любовь двухневная —
И забвенье на тысячу дней!
Короткая память душевная
У здешних людей...

Так писала в 1912 году одна молодая поэтесса о Петербурге, точь в точь это же говорю в 1932 г. о Париже — я. Может быть это, по существу, сказано о всей стране *здесь* (das Hier-Land).

А может быть всё это оттого, что я никому не хочу *нравиться* и (именно потому) — не нравлюсь, может быть *дело во мне*. Не сомневаюсь, что те же французы с другими русскими... Но я бы не хотела быть — теми другими русскими...

А от русских я отделена — своими стихами, которых никто не понимает, своим своемыслием, которое одними принимается за большевизм, другими — за монархизм иль анархизм, своими особыми взглядами на воспитание (все меня тайно осуждают за Мура), опять-таки — всей собой.

Ехать в Россию? Там этого же Мура у меня окончательно отобьют, а во благо ли ему — не знаю. И там мне не только заткнут рот непечатаением моих вещей — там мне их и писать не дадут.

Словом, *точное* чувство: мне в современности *места нет*. Дали бы на выбор — взяла бы самый маленький забытый старый городок, где угодно, лучше всего — нигде, с хорошей школой для Мура и близкой окраиной — для себя. Так я могла бы прожить до смерти. Но этого у меня не будет... (пр. 5 с.)

... 17-го читаю доклад (свой первый в жизни!) Поэт и Время, — главу своей статьи «Искусство при свете совести» — м. б. заработаю франков 300 — дай Бог. С. Я. опять без работы и положение отчаянное. Из Праги, пока, об окончании иждивения не предупреждали. Что-то будет?... (пр. 2 с.)

... Пишите, не забывайте, сопутствуйте душевно. Я еще более одинокий путешественник чем Alain. Марина

Медон, 27-го января 1932 г., среда

— Есть, кроме обычного малодушия неписания еще особое малодушие: неотсылки. У меня так: если не отошлю тотчас же — не отошлю никогда. Нынче, разбирая бумаги и обнаружив целых четыре страницы мелкописи уж хотела было — разом в печь, со всем и ко всем остальным — и — одумка: письмо-то, по существу, не мое, а Ваше. Да еще (хотя и мрачное) поздравление с Новым Годом, с которым — выходит — не поздравила, — а может быть он-то и есть счастливый?! — к которому — выходит — не пожелала, а может быть он-то и есть — тяжелый, в пожеланиях нуждающийся??

Словом, люблю и помню, поздравляю и желаю, и в Чехию — рано или поздно — но *вернусь* непременно, и непременно — к Вам. Вы знаете, дорогая Анна Антоновна, я, обратно всей нашей семье, гостить не умею: дико томлюсь! Необходимостью собственной любезности и внешней благодарности, мыслями, а часто и вымыслами — что я — тягость, чужим распределением дня, всей чужой (хотя и доброй!) надо мной волей. А у Вас бы я гостить сумела, у Вас бы я даже не заметила, что гощу! К Вам бы я приехала *домой*, в мир Зигрид Унсед и ее героев, не только в их мир и в их *век*, но в их особую душевную страну, такую же достоверную как Норвегия на карте.

Я знаю что я оттуда. Я там всё *узнаю*. Я знаю что и Вы оттуда, я и Вас там узнаю, я и это *там* в Вас узнаю. Мы с Вами люди одной породы, без всякого иносказания: горной. Люди гор. Суровые. Как было в России суровое полотно, суровый холст — из которого кому-то (не нам!) паруса. Которые не рвутся. (И вот — мысль: на парусах моих стихов все выплывут в открытое море, кроме меня. Ибо я только ткач, ткач который *сидит*).

Зигрид Унсед. Sigrid Unsed: Der K̄ranz — Die Frau — das

Kreutz. И вот — внезапное озарение: кто же мне подарит эти книги как не Вы, которая их — почти что писали и совсем жили?! Не все. Вторую часть: die Frau. Первую мне, я почти уверена, подарит один здешний молодой поэт, к-ый был в VII кл. Тшебовской гимн., когда Аля поступила в I кл. Ещё совсем не поэт: только начинает учиться рифмовать, но — благородное сердце, без чего *поэта* — нет. У нас с ним общая любовь — Рильке, с той разницей, что *его* любимая вещь — Sonnet, т. е. его собственный юношеский возраст. До всего Р. ему остается расти всю жизнь, а м. б. и несколько. — Вот на этого рильковского читателя (горячо любит мои стихи) у меня и надежда, что подарит I ч. der Kranz. Хочу непременно по-немецки, на франц. эта вещь просто не мыслится. Читала я трилогию два года с лишним назад, *жила ее*. А просила подарить уже два раза — и оба раза безнадежно: первый человек просто не отозвался, второй пообещал — и всё. Знаю, что все три тома продаются отдельно, глазами видела здесь, в немецком магаз., и естественно не могла купить. Мы в *полной* нищете, за кв. не плачено (послали из 1 300 фр. — 700 фр., пока, хозяйка вернула обратно, желая сразу всё, естественно начали тратить, ибо жить нé на что, чехи не пишут и не шлют, литер. отдел В. России кончился, печататься негде, С. Я. без работы, ищет, обещают — ах!). Но вот потому-то, из-за того-то и хочу трилогию, чтобы рядом с *этой* жизнью шла *другая* жизнь: моя!

О Kristin Laurinstochter мечтаю третий год, сейчас эта мечта дошла до *тоски*. Половину бы своих книг (у меня есть очень хорошие!) за нее отдала.

21-го был мой доклад «Поэт и Время». В зале ни одного свободного места, слушатели *очень* расположенные, хоть говорила я резкие правды. Характерно, что из всех приглашенных для обмена мнений людей старшего поколения, всех представителей времени (философов илиazole) пришел только шахматист и литер. критик Зноско-Боровский. Ни одного философа, ни одного критика. Только поэты. Трогательно выступал (из публики) старичок Сергей Яблоновский (лет за семьдесят), увидевший во мне (и моем докладе) — свет — правдивость — бесстрашие (*его* слова). Очень горяч был молодой поэт А. Эйснер... (пр. 14 с.)

Дорогая Анна Антоновна,

Как видите новый адрес, то есть конец одной жизни и начало другой. Выехали и въехали 31-го марта, переезжали, вернее — перетаскивались по вчерашний день. Причина переезда — невозможность платить прежнюю цену, наша новая квартира на 1200 фр. в год дешевле, самая дешевая из всех виденных в Медоне и в Кламаре — на комнату (мою) меньше, и без ванной, словом 2¹/₂ комнаты и кухня. Половина — то место где мой стол и книги, но постель не вмещается, сплю в кухне, большой и светлой... (пр. 14 с.)

... В Медоне мы прожили пять лет. В Медоне вырос Мур. В Медоне в трех минутах был лес и в трех — вокзал. В Медоне на десять домов девять старых. В Медоне когда-то охотились короли.

К тамар новый, плоский и скучный. С трамваем. С важными лавками. Может быть — придется полюбить, но... (пр. 11 с.)

... Кончаю свою бесконечную статью «Искусство при свете совести», прерванную месячным (разработка, укладка, раскладка, чистка двух домов) переездом. Может быть пойдет в Современных Записках, об этом старается А. Эйсер, с которым я только недавно познакомилась и который мне решительно нравится. Смесь ребячества и настоящего самобытного ума. Лично — скромн, что дороже дорогого. Ко мне, неизвестно за что и почему, добр, всё пыгается устроить мою рукопись... (пр. 8 с.)

(пр. 1 с.) ... Пишу Вам наспех, по горячему следу радости и благодарности: только что получила книгу... (пр. 4 с.). Die Frau для меня — огромное счастье, сбывшаяся мечта двух, если не трех лет. Смотрю — и не верю (что — *моя*, что не нужно отдавать). Главная

же радость — Вы будете, а может быть не будете — смеяться: что почти 600 страниц, что на так долго — радости. Так книгам я радовалась только в детстве... (пр. 6 с.)

№ 79

Кламар, 16-го окт. 1932 г.

(пр. 5 с.) ... Пишу Вам в первый же свободный день — за плечами месяц усиленной, пожалуй даже — сверх сил — работы, а именно: галопом, спины не разгибая, писала воспоминания о поэте М. Волошине, моем и всех нас большом и давнем друге, умершего в России 11-го августа. Писала, как всегда, одна против всех, к счастью, на этот раз, только против всей эмигрантской прессы, не могшей простить М. Волошину его *отсутствие ненависти* к Сов. России, от которой (России) он же первый жестоко страдал, ибо *не уехал*.

К. Н. Вам расскажет о чтении. Так как надежды на печатание — ни здесь, ни в Сов. России — нет, а писала я о М. В. для того чтобы *знали*, мне пришлось читать почти целиком всю рукопись, т. е. 2 ч. 45 м. подряд, с перерывом на 10 мин. Читала до самого закрытия зала. Зал (слушатели) был чудный (большинство женщины), слушали, несмотря на усталость — свою и мою — лучше нельзя.

М. Волошину я обязана первым самосознанием себя как поэта и целым рядом блаженных лет (от лето) в его прекрасном суровом Коктебеле (близь Феодосии). — И столько еще!... (пр. 3 с.)

... С. Я. совсем ушел в Сов. Россию, ничего другого не видит, а в ней видит только то, что хочет.

Аля больна: нарыв от малокровия, совсем худая и сквозная. У меня нервы в *отчаянном* состоянии: чуть что — слезы градом и комок в горле. Всё это от нужды, т. е. тесноты, в к-ой приходится жить. Вечно на глазах, никогда — одна. Утешаюсь только, когда пишу — или, случайно, чудом, оказываюсь одна на улице — хотя бы на пять минут. Тогда всё проходит. Если я больна — то только от совместности... (пр. 18 с.)

... Лето было ужасное. Но об этом лучше не писать. М. б. лучше, что то письмо пропало...

Когда увидимся? Почему люди, которым нужно быть вместе, должны быть врозь? Я бы все свои свободные вечера (не так много!) проводила бы с Вами. Мне общество не нужно, мне нужен человек, и из всех людей — больше всего Вы. Я глубоко завидую Катерине Николаевне. Мне с Вами *тихо*, Вы понимаете, что это значит? Как в большом поле — какие есть только в России. Так тихо, что не было бы шумно (с Вами) даже на парижских „Grands boulevards“ — ах, к-ые все, неизвестно почему — так любят. Нет, известно почему: за шум. За то, что — «себя не слышать».

Иногда вижу М. Л. Недавно с ним спорила. Он танец ставит на одну высоту *со словом*. «Бог — или истина — или красота — или добро» — когда человек так говорит, я знаю одно: что ему глубоко всё равно. Что он, даже, по существу ни одного называемого не ощущает. Так этот «Бог или красота или добро», по его мнению, равно проявляется в балерине и в пророке. На что я ему ответила, что можно любить балет больше Священного Писания, но что оправдать этого (уравнять их) — нельзя. Либо признать равенство души и тела, чего не признаю никогда. Еще пример: 82 л. Гете — Второй Фауст, а 80 летний танцор?? Не о бестелесных же танцах он говорит, не о хороводах же душ, а о — живом танце, т. е. тел. Всякий поэт хочет (удачно или неудачно) сказать свою душу, а из танцоров — один на миллион. Танцор хочет сказать свое тело: силу, легкость, грацию. *Это* через него хочет сказаться. Апогей тела, и в лучшем случае переборотый закон земного тяготения: но — силой ног (таких-то мускулов) лечу, не силой духа.

Согласны? Ответьте непременно.

Утверждения М. Л. — конечно, общее место, каждый эстет и под-эстет так говорит. Просто: ему одинаково (а м. б. и больше приятно) смотреть на балерину, как читать стихи. Приятнее смотреть, чем думать. Как большинству. (Хлеба и *зрелицу*.) (Смотреть есть *не думать*. — Пусть! Но зачем же пытаться оправдать это разумом? Слово — разум, танец — инстинкт. Ели жертвенное мясо, а потом танцевали, не знали *что* сказать — потому танцевали*). Козлы тоже тан-

* Не знают что сказать и потому танцуют! А постарше - играют в бридж.

цуют. И журавли, кажется. (И очень хорошо делают!) И ребенок скачет раньше, чем говорит. Танец — потребность тела. Слово — души.

Из всего этого М. Л. вывел, что я «просто ничего не понимаю в танце», который, кстати, сравнивается с архитектурой (NB! реймский собор). Такие вещи меня больше задевают, чем мои личные (бытовые и людские) неудачи и беды. Здесь *мое* задето. И только из-за таких вещей могу не спать.

(Страшно хотелось бы устроить об этом диспут, но всем *всё* — так всё равно!)... (пр. 26 с.)

... Милая А. А., если не трудно — присылайте нам те 20 фр. прямо, а то Карсавины собираются уезжать, — и все равно: Вы одна присылаете. Сердечное спасибо!

М. Ц.

№ 80

Clamart (Seine)
10, Rue Lazare Carnot
7-го марта 1933 г.

... Вчера у А. И. Андреевой — помните, черноглазая и даже *огнеокая* дама, у которой мы с Вами вместе были в гостях во Вшенорах? мы и здесь соседи — итак, у А. И. Андреевой я встретилась с г-жой Даманской, которая мне много и с большой симпатией говорила и рассказывала о Вас. Так я и увидела Вас — на фоне *той* Праги, даже не той, моего пребывания, а раньше, — м. б. просто Праги *сна*. (Прага и Брюгге — два самых сновиденных города, к-ые я знаю, но Прага еще больше — сон, п. ч. меньше об этом знают.) И я вспомнила тот сияющий день во Вшенорах, станцию, качающиеся корзины с цветами, рельсы, нашу беседу — без рельс, а м. б. прямой дорогой в бессмертие. (Мы говорили о некончании — нескончании — всего.)

Расскажу немножко о нас. Мы переехали — с огромными трудностями — на новую квартиру — (простите, если Вам уже об этом писала, — не помню) — тут же в Клараре, очень спокойную и просторную,

в довоенном доме, на 4 этаже. У меня своя комната, где даже можно ходить.

Зима прошла в большой нужде и холоде, топили редко — отопление свое, т. е. имеешь право мерзнуть — недавно приходили описывать: (saisir) — трое господ, вроде гробовщиков, но увидев «обстановку» — ящики, табуреты и столы — написали нам бумажку о немедленной высылке из Франции в случае неуплаты налогов — очень старых — из к-ых мы уже выплатили 500 фр., оставалось еще 217 фр. И в тот же день — увы! — долгожданный гонорар из Совр. Записок — 250 фр., к-ые почти целиком тут же пришлось отдать. Что будет с будущим термом — не знаю, все писатели сейчас устраивают вечера, а к моим парижане уже привыкли: не новость.

Стихов за зиму писала мало: большая работа о М. Волошине и перевод своей собственной вещи на французский: 9 (своих собственных настоящих) писем и единственное, в ответ, мужское — и послесловие: Postface ou Face Posthume des choses — и последняя встреча с моим адресатом, пять лет спустя, в Новогоднюю ночь. Получилась *цельная* вещь, написанная жизнью. Но с моим обычным везением — похвалы (французов) со всех сторон, а рукопись лежит. И очевидно будет лежать, — как и мой французский Молодец иллюстрированный Гончаровой.

Сейчас мне заказали книжку для детей о церкви, и, сужая: литургии, — тема для меня трудная, п. ч. службу знаю плохо — каждый знает лучше меня! И вообще я человек вне-церковный, даже физически: если стою — всегда у *входа*, т. е. у *выхода*, чтобы идти дальше. Кроме того, без уверенности, что получу гонорар, — заказ на авось. Да, Вы даже знаете заказчика: сестра Кати Кист — художница Юлия Рейтлингер, сделавшая ряд церковных картинок и жаждущая текста к иллюстрациям. — Не знаю что выйдет. И не знаю, получу ли что-нибудь... (пр. 31 с.)

... Как Прага? Началась ли уже весна?

Помню одну изумительную прогулку на еврейское кладбище, в полный цвет сирени... (пр. 4 с.)

Дорогая Анна Антоновна! Начнем с открытки, — это только оклик. Да, все на месте, я Вас не забыла, ибо *мне* забыть *Вас* — впасть вообще в беспамятство. А не писала так долго по малодушию: невозможность вместить все в одно письмо. М. б. через несколько дней от него отвязжусь, тогда сразу получите и карточки детей, самые недавние, и м. б. мою (я очень плохо выхожу!). Мы никуда не уехали (уже третье лето). Нищета, но другим еще хуже. Пишу прозу, п. ч. стихи никому не нужны, т. е. никто не берет. Но проза тоже неплохая. (В Посл. Нов. от 16-го июля, воскресенье, мой большой фельетон — «Башня в плюще» — о детстве в Германии). М. б. видели?... (пр. 7 с.)

Дорогая Анна Антоновна,
Наконец — письмо!

Пишу Вам в передышку между двумя рукописями: «Дом у Старого Пимена» — семейная хроника дома Иловайских (историк Иловайский — Вы наверное знаете? Мой отец был первым браком женат на его дочери, я *не ее* дочь) очень мрачная и правдивая история: дом, где все умирали, кроме старика, — вещь может быть пойдет в Совр. Записках, пишу стало быть в перерыв между «Старым Пименом» и «Лесным Царем» (попытка разгадки Гете). На помещение последней вещи мало надежды: кто сейчас, в эмиграции, интересуется Лесным Царем (Erlkönig) и даже Гете! Я, которую так долго травили за «современность» стихов — теперь вечно слышу упреки в несовременности *тем* моей прозы. (А Вы не думаете, что та «современность» и эта «несовременность» — одно, т. е. я?!)

Стихов я почти не пишу, и вот почему: я не могу ограничиться одним стихом — они у меня семьями, циклами, вроде воронки и даже водоворота, в который я *попадаю*, следовательно — и вопрос *времени*. Я не могу одновременно писать очередную прозу и стихи и не могла бы даже если была бы свободным человеком. Я — концентрик. А стихов

моих, забывая, что я — поэт, нигде не берут, никто не берет — ни строчки. «Нигде» и «никто» называются «Посл. Новости» и «Совр. Записки», — больше мест нет. Предлог — непонимание меня, поэта, — читателем, на самом же деле: редактором, а именно: в Посл. Нов. — Милоковым, в Совр. Зап. — Рудневым, по профессии — врачом, по призванию политиком, по недоразумению — редактором (NB! литературного отдела). «Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно»...

Эмиграция делает меня прозаиком. Конечно — и проза *моя*, и лучшее в мире после стихов, это — лирическая проза, но всё-таки — *после стихов!*

Конечно, пишу иногда, вернее — записываю приходящие строки, но чаще не записываю, — отпускаю их назад — ins Blaue (никогда Gгаue, даже в ноябрьском Париже!)

Вот мои «литературные» дела. Когда получу премию Нобеля (*никогда*) — буду писать стихи. Так же как другие едут в кругосветное плавание.

Премия Нобеля. 26-го буду сидеть на эстраде и чествовать Бунину. Уклониться — изъяснить протест. Я не протестую, я только несогласна, ибо несравненно больше Бунина: и больше, и человечнее, и своеобразнее, и нужнее — Горький. Горький — эпоха, а Бунин — конец эпохи. Но — так как это политика, так как король Швеции не может нацепить ордена коммунисту Горькому... Впрочем, третий кандидат был Мережковский, и он также несомненно больше заслуживает Нобеля, чем Бунин, ибо, если Горький — эпоха, а Бунин — конец эпохи, то Мережковский эпоха *конца* эпохи, и влияние его и в России и за границей несоизмеримо с Буниным, у которого *никакого*, в чистую, влияния ни там, ни здесь не было. А Посл. Новости сравнивавшие его стиль с толстовским (точно дело в «стиле», т. е. *пере*, которым пишешь!) сравнивая *в ущерб* Толстому — просто позорны. Обо всем этом, конечно, приходится молчать.

Мережковский и Гиппиус — в ярости. М. б. единственное, за-жизнь, простое чувство у этой сложной пары.

Оба очень стары: ему около 75, ей 68 л. Оба — *страшны*. Он весь перекривлен, как старый древесный корень Wurzelmannchen

(только — без уюта и леса!), она — раскрашенная *кость*, нет, даже страшнее кости: смесь остова и восковой куклы.

Их сейчас все боятся, ибо оба, особенно она, злы. Злы — как дүхи.

Бунина еще не видела. Я его *не люблю*: холодный, жестокий, самонадеянный *барин*. Его не люблю, но жену его — очень. Она мне очень помогла в моей рукописи, ибо — подруга моей старшей сестры (внучки Иловайского) и хорошо помнит тот мир. Мы с ней около полугода переписывались. Живут они в Grass'e (Côte d'Azur), цветочном центре (фабрикация духов), в вилле «Belvédère», на высочайшей скале. Теперь наверное взберутся на еще высочайшую.

Дома — неважно. Во-первых, если никто не болен (остро), то никто и не здоров. У Мура раздражение печени, диета, очень похудел — и от печени и от идиотской франц. школы: *системы*: сплошного сидения и зубрения... (пр. 7 с.) Аля все худеет, сквозная, вялая, видно сильнейшее малокровие. Шесть лет школы, пока-что, зря, ибо зарабатывает не рисованием, а случайностями, вроде набивки игрушечных зверей, или теперь м. б. поступит помощницей помощника зубного врача — *ибожить нечем*. Очень изменилась и внутренне... (пр. 23 с.) У нас грязь и холод (уголь и его отсутствие). Во Вшенорах тоже была грязь, но была большая уютная плита, за окнами был лес, был уют *нищеты* и душевный отвод *настоящей* природы. Все те места помню, все прогулки, все дорожки. Чехию — *добром* помню.

Огромное спасибо за ежемесячные присылки, всегда выручают в *последнюю* минуту!

Вы одна и уцелели.

№ 83

Клармар, 11-го декабря 1933 г.

Дорогая Анна Антоновна, только что Ваше письмо, откликаюсь сразу и сразу начинаю с просьбы: пришлите мне Вашу карточку! Какую хотите: либо последнюю, либо 1923 г. — 1925 г., когда мы с Вами встречались, и очень бы хотелось Вас — молодую (*тогда*). Знаете ли Вы — Вы, *конечно*, знаете! что Вы совсем, целиком, из чудесного

женского мира Лагерлеф и Унстед, что те — *Ваша* порода, а Вы — *их*. Страшно хотелось бы прочесть ту книгу «Дочь священника», если Вы записаны в немецкой библиотеке и она там есть, вышлите мне почитать, не задержу. Купить — нет возможности, а в Париже только одна крохотная нем. библиотека, и там переводов нет, вообще ничего нет, кроме сенсаций о развале немецкой Империи, а затем и демократии. Авторы этих книг сидят по парижским кафе. Всё это очень интересно, — и книги, и авторы, и Reich — но всё это неминуемо *пройдет*. А Ундсет и Erlkönig и Ваша «Дочь священника» — останется. (Точно кто-то меня с детства заколдовал: не любить ничего преходящего, кроме вечно возвращающегося преходящего природы). Итак, милая Анна Антоновна, если только имеется нем. библиотека, и если только Вы в ней записаны, и если только в ней имеется «Дочь священника», умоляю достать и выслать на короткий срок. Я такой книги — жажду. А Вам очень советую прочесть Olaf Dunn „Die Juwikinges“, два тома: I. — Peter Anders und sein Geschlecht, II. — Odin. По отзыву Ундсет — лучшая вещь о Норвегии и в Норвегии за последние годы. Совсем молодой.

Мне с моими вещами не везет: Erlkönig'a вернули, как «очень интересное филологическое исследование, но для среднего читателя негодящееся», а теперь Совр. Записки опять желают, чтобы я выкинула 8 стр. из своей рукописи «Дом у Старого Пимена». Сбравшись с духом наконец ответила, что *печатаюсь* я 1910 г. — 1933 г., т. е. 23 года, а пишу — еще дольше, что над Старым Пименом я работала всё лето, а над этими 8 страничками не меньше двух недель, что я *не любитель, не дилетант, не гастролер*, что пора меня счесть серьезным писателем, либо вовсе оставить в покое. Что от гонорара за эти 8 страниц отказываюсь на покрытие типографских расходов, но что если и это не поможет — пусть мой Старый Пимен остается при мне, а я — при нем.

Не знаю. Думаю — не согласятся. Но знаю, что иначе — не могла. Они ведь хотели, чтобы я выкинула всю середину о детях Иловайского, т. е. как раз самое насущное и сказочное: две ранних смерти двух несказанно трогательных существ. Им это «неинтересно», они лютуют анекдот, сенсацию, юмор. Чуть всерьез — уже «растянуто»

и «читатель не поймет». Я — лучшего мнения о читателе. Меня читатель (der Lesende und Liebende) понимал всегда.

Конечно с деньгами дело печально: выйдет, что я все лето даром работала. Через 2 недели Рождество — не будет подарков детям. Вообще, это была долгая и последняя надежда, но не могу, чтобы вещь уродовали, как изуродовали моего Макса, выбросив все его детство и юность его матери — всего только 10 страниц. Им 10 страниц, а мне (и Максу, и его матери, и читателю) целый живой *уцерб*. (пр. 13 с.)

...Во Франции мне плохо: одиноко, чуждо, *настоящих* друзей — нет. Во Франции мне не повезло. Дома тоже сиротливо. И очень неровно. Лучший час — самый поздний: перед сном, с книгой — хотя бы со старым словарем. Впрочем, это был мой лучший час и в шестнадцать, и в четырнадцать лет... (пр. 12 с.)

Dopis z Clamart-u (2. ledna 1934) k žádosti M. I. C. – spálila.

A. Tesková

№ 84

Клармар, 26-го января 1934 г. ?

Дорогая Анна Антоновна,

Вами открываю свой новый блокнот для писем. Приятно так обновить вещь — такую вещь.

Спасибо, спасибо, спасибо за чудесное, доброе, мудрое, убедительное, неопровержимое письмо. Гений рода? (У греков демон и гений — одно). Гений нашего рода: женского: моей матери рода — был гений ранней смерти и несчастной любви (разве такая есть?) — нет, нет: брака с не-тем. Моя мать с 13 л. любит одного — верховые поездки аллеями ночного парка, дедово имение «Ясенки», где я никогда не была и мимо которого проезжала, уезжая из России — совместная музыка, страсть к стихам. Мой дед, узнав, что он разведенный, запрещает ей выходить за него замуж, а по ее совершеннолетию разрешает с предупреждением, что она и дети, если будут, — да, ее же муж — никогда не будет для него существовать. Моя мать *не выходит*, выходит год спустя за моего отца: вдовца, только что потерявшего обожае-

мую жену, с двумя детьми, 8 летней девочкой и годовалым мальчиком — в апреле 1933 г., т. е. 10 мес. тому назад в Москве умершим моим единственным братом (полубратом) Андреем. Выходит, любя *того*, выходит, чтобы *помочь*. Мой отец (44 года — 22 года) женится, чтобы дать детям мать. Любит — ту. Моя мать умирает 35 лет от туберкулеза.

Ее мать, Мария Лукинична Бернацкая, моя бабушка, выходит замуж за ее отца (моего деда, того, кто *не разрешил*) любя другого и умирает 24 лет, оставляя полугодовалую дочь — мою мать. (Фамилия моего деда — Меуп, Александр Данилович, — была и сербская кровь. Из остзейских обрусевших немцев).

Мать моей польской бабушки — графиня Мария Ледоховская умирает 24 л., оставив семь детей (вышла замуж 16-ти). Не сомневаюсь, что любила другого.

Я — четвертая в роду и в ряду, и несмотря на то, что вышла замуж по любви и *уже* пережила их всех — *тот* гений рода — на мне.

Я в этом женском роду — последняя. Аля — целиком в женскую линию эфроновской семьи, вышла родной сестрой Сережиным сестрам... (пр. 3 с.). Женская линия может возобновиться на дочери Мура, я еще раз могу воскреснуть, еще раз — вынырнуть. Я, значит — те. Все те Марии, из которых я единственная — Марина. Но корень тот же... (пр. 121 с.)

... В следующий раз напишу Вам про две смерти: Андрея Белого и одного друга, покончившего с собой в новогоднюю ночь в Брюсселе.

Остался чемодан рукописей, которые никому кроме меня не нужны. Он был — *настоящий* писатель... (пр. 17 с.)

№ 85

Кламар, 2-го февраля 1934 г.

Дорогая и милая Анна Антоновна,

Не знаю, чудо, или случай, или Ваша любящая мысль — но Ваша чудная книга пришла как раз вчера: в день Муриноного рождения: девятилетия (1-го февраля), в такую же снежную бурю, как девять лет назад, когда тоже чуть ли не сносило крыши — в Париже вчера *сносило*, и С. Я. чуть не был убит огромной железной трубой с крыши

семиэтажного дома, упавшей меньше чем на сантиметр от него: пролетевшей по пальто и замазавшей его ржавчиной. Прохожие кинулись к нему, думая, что убит.

Такая же история была с моим отцом, давно, в Москве, в оттепель: на неучитимом расстоянии от него, прямо за ним свалилась и разбилась огромная ледяная глыба. И встречный татарин — философ и князь, как все восточные:

— Счастлив твой Бог, барин!

Книга лежит рядом с моим изголовьем, смотрю на нее с вожделением, но не читаю, потому что сначала должна кончить «Квентина Дорварда» Вальтера Скотта, которого купила для Мура и читаю с восхищением сама. Помните ли Вы его? Людовик XI (франц. Иоанн Грозный), такой же притягательный и отталкивающий, страшный и несчастный, человечески безумный и государственно-мудрый, как наш царь — и молодой боевой горячий великодушный и великолепный шотландец, сам Квентин.

Такая книга не «литература», а — деяние.

Будет случай — перечтите!

А вот Вам мой чудный Мур — хорош? Во всяком случае — похож. И более похож на Наполеоновского сына, чем сам Наполеоновский сын. Я это знала с его трех месяцев: нужно уметь читать черты. А в ответ на его 6 месячную карточку — Борис Пастернак — мне: «Всё гляжу и гляжу на твоего *наполеонида*». С 11 лет я люблю Наполеона, в нем (и его сыне) всё мое детство и отрочество и юность — и так шло и жилó во мне не ослабевая, и с этим — умру. Не могу равнодушно видеть его имени. И вот — *его лицо* в Мурином. Странно Или не странно, как всякое органическое чудо. Знаете ли Вы гениальную книгу о нем Эмиля Людвига? Единственную его гениальную, даже не понимаю, как он ее написал — принимая во внимание все блистательные, но не гениальные — *лучшую* книгу о Наполеоне, а я читала — всё.

Почему мы с Вами не вместе?? Мы бы с Вами ввек всего не переговорили, а с остальными, почти со всеми — мне так скучно, и им со мной!

Всё время ловлю себя на мысли: что у меня есть такого приятно-го? Какая-то радость... И, вдруг: A-a! Dixelius!

У меня даже чувство, что Вы — ее написали, так и буду читать.

Очень прошу Вас, милая Анна Антоновна, достаньте Совр. Записки, только что вышедшие, и прочтите мой «Дом у Старого Пимена», — мне очень хочется знать Ваше подробное и непосредственное впечатление. Я совсем не знаю, что это за вещь: я слишком много *втисала* в строки... (пр. 8 с.)

№ 86

Кламар, 9-го апреля 1934 г.

(пр. 19 с.) ... Писала ли я Вам, что мой вечер Белого (простое чтение о нем) прошел при переполненном зале с единым, переполненным сердцем. Возможно, что вещь пойдет в Совр. Записках, уже сдана на просмотр.

Читаю сейчас замечательного вересаевского Гоголя — *Гоголь в жизни*, — только документы современников, живые голоса. Огромный исчерпывающий трагический том. Если бы я выиграла в Нац. Лотерее хотя бы 200 фр. (билета у меня нет!) то мгновенно подарила бы Вам эту книгу. Есть ли она в Праге? Такую бы хорошо увезти на лето, на все три летних месяца, прожить их с Гоголем... (пр. 5 с.)

№ 87

Кламар, 26-го мая 1934 г.

(пр. 54 с.) ... Человечность через брак или любовь, — через *другого* — и непременно — *его* — для меня *не в цене*. Согласны ли Вы со мной? Ведь иначе выходит, что так, какая-то половинка, летейская тень, жаждущая во плоти... А Сельма Лагерлеф *никогда* не вышедшая змуж? А — Вы? А я, пяти, пятнадцати лет? Брак и любовь личность скорее разрушают, это испытание. Так думали и Гете и Толстой. А ранний брак (как у меня) вообще катастрофа, удар на всю жизнь. Я в такое лечение не верю... (пр. 31 с.)

... Пока я *жива* — ему (Муру) должно быть *хорошо*, а хорошо —

прежде всего — жив и здоров. Вот мое, по мне, самое разумное решение, и даже не решение — мой простой инстинкт: его — сохранения. Ответьте мне на это, дорогая Анна Антоновна, п. ч. все мои проводы в школу и прогулки с ним (час утром, два — после обеда) считают *сумасшествием*... Дайте мне сад — или хорошую, мне, замену — либо оставьте меня в покое. Никто ведь не судит богатых, у которых няньки и бонны, или *счастливых*, у кого — бабушки, почему же *меня* судят? А судят все — кроме А. И. Андреевой (помните ее? как она танцевала на вшенорском вокзале, от радости, что — хорошая погода??), которая меня по настоящему любит и понимает и которую судят — *все*. У нее четверо детей, и вот их судьба: старшая (не-андреевская) еще в Праге вышла замуж за студента-инженера и музыканта. И вот А. А. уже больше года содержит всю их семью (трое) ибо он работы найти не может, а дочь ничего не умеет. Второй — Савва танцует в балете Иды Рубинштейн и весь заработок отдает матери. Третья — Вера (красотка!) служит прислужгой и кормит самоё себя, — А. А. дала ей все возможности учиться, выйти в люди, — *не захотела*, а сейчас ей уже 25 лет. Четвертый — Валентин, тоже не захотевший и тоже по своей собственной воле служит швейцаром в каком-то клубе — и в отчаянии. Сама А. А. держит *чайную* при балете Иды Рубинштейн и невероятным трудом зарабатывает 20—25 фр. в день, на которые и содержит своих — себя и ту безработную семью. Живут они в Кламаре, с вечера она печет пирожки, жарит до 1 ч. ночи котлеты, утром везет все это в Париж и весь день торгует по дешевке в крохотном заго-не при студии Рубинштейн, кипятит несчетное число чайников на примусе, непрерывно моет посуду, в 11 ч. — пол, и домой — жарить и печь на завтра... (пр. 4 с.)

... Сдала в журнал «Встречи» маленькую вещь, 5 печатных стр. — Хлыстовка. (Кусочек моего раннего детства в гор. Тагусе, хлыстовском гнезде). Большого ничего не пишу, Б лого написала только потому, что у Мура и Али была корь, и у меня было *время*. Стихов моих нигде не берут, пишу мало — и без всякой надежды, что когда-нибудь увидят свет. Живу, как в монастыре или крепости — только без *величия* того и другого. Так одиноко и подневольно никогда не жила.

В ужасе от будущей войны (говорят — неминуемой: Россия — Япония), лучше умереть. (пр. 8 с.)

(пр. 4 с.)... В деревне мы с Муром уже с 31-го июля, недалеко от Парижа (вторая станция за Версалем), но настоящая деревня, — редкому дому меньше 200 лет и возле каждого — прудок с утками... (пр. 8 с.) Часть мебели привезли, часть дружески дали местные русские — муж и жена — цветоводы. Местность вроде чешских Иловиц — только Иловицы — лучше — должно быть оттого, что — выше. Но мы, по старой памяти, всё -таки ухитрились поселиться на холму. С собой взяла Kristin Laurinstochter, к-ую перечитываю каждое лето, — вот уже пятый раз. Т. е. пятый раз живу ее жизнь. Второй том — с Вашей надписью, — помните? Значит и Вас взяла с собой в Elancourt — в русск. переводе *олень* (старинное *елень*) бежит.

Была у меня здесь в гостях мой — уже старьей: 10 лет! — и верный друг, А. И. Андреева, наслаждалась простором и покоем. Ее сын Савва, к-му уже 25, а Але осенью будет 21 год! — принят в Casino de Paris — послужила ему его обезьянья лязьба по вшенорским деревьям! — танцор, и танцор замечательный. А весь облик — облик Парсифаля: невинность, доверчивость, высокий лад соединенный с полным дикарством... (пр. 3 с.)

... Аля на море, учит по франц. целое семейство (бабушку включая), нем.-еврейских эмигрантов. 150 фр. в месяц, но — море! И хороший корм (семья ест весь день), и добродушное отношение... (пр. 9 с.)

... Читали ли новую вещь Ундсет: Anna-Elisabeth? И, если да, — что это? Какое время? (С огорчением:) — неужели наше? Где происходит вещь? В какой стране? (С огорчением:) — Неужели не в Норвегии? Непременно напишите: той же *силы* вещь, или слабее, или, вообще, иное? Жажду знать... (пр. 10 с.)

Дорогая Анна Антоновна,

Знаете, что с нашего расставания 1-го ноября будет уже — 9 лет? А тогда Муру было — день в день — *д-е-в-я-т-ь-месяцев*. Правда, жуть? И эта жуть — жизнь.

Wenn die Noth am höchsten ist, so ist Gott am nächsten: вчера мы совершенно погибли от безденежья: в доме ничего не было (как мышь — всё приели), а денег — никаких, ибо только что (15-го) выплатили терм. И вдруг — Ваша присылка! Я почувствовала себя Ротшильдом, или гамбургским банкиром Bleichröder'ом, в семье которого Аля, этим летом, за 150 фр. в месяц обучала французскому — и всему, мытьё ушей включая — троих детей и их 80 летнюю бабушку, главную банкиршу (ее — только французскому).

Как видите, с фермы вернулись. Мур ходит в школу, Аля пока дома... (пр. 1 с.)

... Мы живем в чудном 200 летнем каменном доме, почти — развалина, но надеюсь, что на наш век хватить! — в чудном месте, на чудной каштановой улице, у меня чу-удная большая комната с двумя окнами и, в одном из них, огромным каштаном, сейчас желтым, как вечное солнце. Это — моя главная радость.

Пишу очередную главу своего детства «Чорт». Думаю, что после нее эмиграция от меня совсем *открестится*, хотя бы из-за своего глупого *лицемерия* и самого поверхностного *ханжества*.

Здесь все стали «святые», а как мало настоящей человечности!

Очень хочу, чтобы Вы прочли моего «Китайца» — 24-го октября, среда, Последние Новости... (пр. 4 с.)

(пр. 119 с.)... Мне все эти дни хочется написать свое завещание. Мне вообще хотелось бы не-быть. Иду с Муром или без Мура, в школу

или за молоком — и изнутри, сами собой — слова завещания. Не вещественного — у меня ничего нет — а что-то, что мне нужно чтобы люди обо мне знали: *разъяснение*. Свести *счеты*, хотя Маяковский и сказал:

Кончена жизнь — и не к чему перечень
Взаимных болёй, и ран, и обид...

Я джила до сорока лет и у меня не было человека, который бы меня любил больше всего на свете. *Это* я бы хотела выяснить. У меня не было *верного* человека. Почему? У *всех* есть. И еще — благодарность тем, кто мне помогали жить: Вам, А. И. Андреевой и Борису Пастернаку. Больше у меня не было никого.

Подымаю глаза, совершенно горящие от слез (целые дни!) и сквозь слезную завесу вижу лицо Зигрид Ундсет из серебряной рамки: недоумевающее, укоризненное, не узнающее (меня). А рядом — Рильке, под веткой боярышника, а м. б. терновика (острые листья с шипами и красные ягоды), которую я подобрала на улице. Но Р. отвернулся, смотрит вдаль, слушает — даль (это его последняя карточка, маленькая, любительская — снимала его русская секретарша и сиделка). Он на балконе: весна: еще черные ветки, он с наставленным, как у собаки, ухом стоит и слушает.

Внизу, как раз под моей комнатой, русская семья: старушка 81 года, помнящая Аделину Патти. Красивая, серебряноседая, изящная. И вот нынче слышу: *навзрыд* плачет. У нее две внучки, деади али лег, когда бабушка роняет вещь — ни одна не двигается, а говорит — прерывают или смеются. Старушка весь день бегаёт вверх и вниз по лестнице, п. ч. кухня внизу, а едят наверху. Готовит на семь человек, однамоет посуду. А внучки лежат на кроватях и — мечтают. Или негодуют на нищенскую жизнь. Бабушка тихо угасает, скромно. Понесла кому-то пирог — нечем дышать. «А воздух свежий. Значит — сердце». *Я вдвое* моложе ее (как вдвое старше Али и вчетверо — Мура). Вчера я принесла ей свой граммофон с лучшими пластинками, — как она блаженствовала! Но внук у нее — чудный, красавец, как она, — двадцать пять лет. Между нами — 15 лет — и начало дружбы, из которой конечно ничего не выйдет, — он боится моей «славы», а я его моло-

дости. Так и пройдем мимо. Но приятно — когда в глазах — восторг. Бываю я у них, именно потому что — соседи — редко, раз в две недели, но всегда отдыхаю душевно — от бабушки и от внука. Почему людям нельзя сказать что их любишь? ... (пр. 3 с.)

...Боюсь — глаза пропадут. А сердце — уже пропадает: я, рожденный *ходок*, стала задыхаться на ровном месте, и с каждым днем хуже. Жаль сердца — хорошо служило.

Сейчас лягу,

Und schlafen möcht ich, schlafen
Bis meine Zeit herum!

Обнимаю Вас.

М. Ц.

Я отчасти и из-за бабушки плачу: из-за ее слез, — от всех вместе.

У меня еще одно горе, — не горе: *обида*, *дико-незаслуженная!* Но о ней в другой раз.

№ 91

Ванв, 27-го декабря 1934 г.

(пр. 14. с.) ... А вот другое горе: мое. Чистое и острое как алмаз.

21-го ноября погиб под метро юноша — Николай Гронский. Он любил меня первую, а я его — последним. Это длилось год. Потом началось — неизбежное при моей несвободе — расхождение *жизней*, а весной 1931 г. и совсем разошлись: *наглухо*. За все три года я его видела только раз, в поезде, — позвала — не пришел. (Позвала «заходить» и он, не поняв словесного прикрытия, оскорбился). И вдруг, 21-го ноября утром в газете ...

— Но это не все. Юноша оказался *большим* поэтом. Вот его вещь, — мой грустный подарок Вам на Новый Год. Он и при мне (18, 19 лет!) писал стихи и были прекрасные строки, и я все спрашивала его, верней — себя: — Будешь ли ты — или нет — по том? И вот, расставшись, *стал*. Сохранилась вся наша переписка (лето 1928 г.) — целое Briefbuch. Он писал мне из Bellevue (под Парижем, где и мы жили первый год) в Pontillas на океан. Он должен был ко мне приехать, но придя перед поездом проститься с родителями, застал разъяснение: мать уходила от отца. Поставив чемодан у двери, вступил в «беседу» — тетым, — и сразу скажу, что чемодан этот 6 ч. спустя унес обратно на свой

чердак, где жил, т. е. остался — чтобы мать осталась — и никогда ко мне не приехал — и *никогда* уже не увидел Океана. А мать, 6 мес. спустя (он заработал по месяцу на чек!) все равно ушла, и жертва была — зря. Всё это сохранилось в его и моих письмах. Он подарил мне свой детский крестильный крестик, на котором «Спаси и сохрани». — «Я всё думал, что Вам подарить. И вдруг — понял: ведь больше этого — нет. А пока Вы со мной — я уже спасен и сохранен». Я надела ему — свой, в нем он и похоронен, — на новом медонском кладбище, совсем в лесу: был лес, огородили — и всё. Там он и лежит с 26-го ноября (вчера как раз был месяц!) под стражей деревьев, входящих в кладбище, как домой. Сколько раз мы мимо него ходили!

9-го дек. появилась его поэма Белла Донна (савойская горная цепь), я написала о ней «статью», и вот, просьба: не могли бы Вы, дорогая Анна Антоновна, ее перевести и поместить в Чехии? Статья небольшая: на полтора газетных фельетона. Если бы была надежда, я ее бы Вам переписала и послала, но это все-таки полных два дня работы, так что — без надежды — трудно приняться. Может быть пойдет в Посл. Нов. Статья интересная, ибо касается *всей* поэзии и, главным образом, отвечает на вопрос о языке, среде, почве, *корнях* поэта. Это — первый поэт, возникший в эмиграции. Первый *настоящий* поэт. Вы это сами увидите.

После него осталось 500 рукописных страниц стихов: много больших поэм (знаю, пока, только одну) и драматическая вещь «Спиноза». Через несколько месяцев выйдет первая книга, стран. на 130. Издает — отец. Отец его один из редакторов «Посл. Новостей».

Да, он был необычайно красив: как цветок.

У меня осталось к нему несколько стихотворений. Вот одно (1928 г., весна)

Лес! Сплошная маслобойня
Света: быстрое, рябое,
Бьющееся без забрал...
Погляди, как в час прибоя
Лес играет сам с собою!
— Так и ты со мной играл.

Не показывайте никому.

Жду отзыва на поэму. Обнимаю и люблю.

М. Ц.

А поэму непременно покажите Бему. Я бы хотела, чтобы он о ней сказал в печати — это все, что осталось у родителей: посмертная слава сына. Объясните ему, ибо если не понравится, пусть лучше не пишет. Это мой настоящий духовный выкормыш, которым я — горжусь.

Правда, какое бездарное предисловие Адамовича?

А *мне* написать — не дали.

№ 92

Ванв, 24-го января 1935 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Ваше письмо я прочла матери Гронского, в ее огромной и бедной студии (она — скульптор), где из стеклянного шкафчика глядит ее сын — то десятилетним фавнёнком (острые ушки!), то 16 летним почти-собой, и последняя скульптура — статуэтка во весь рост: сидит с чуть-наклоненной головой, руки в карманах, нога-на-ногу, — вот-вот встанет: сидение, как бы сказать, на отлете, дано ровно то мгновение до-приподымания. Вещь меньше, чем в 1/2 метра: как в обратную сторону бинокля... (пр. 9 с.)

...Счастлива, что так отозвались на поэму Н. П. 21-го с его смерти было 2 месяца, я случайно оказалась в этот вечер у его матери (мать и отец живут врозь) и слезла на том самом метро Pasteur, где он погиб. Долго смотрела — спрашивала.

Совсем не знаю, возьмут ли Посл. Нов. мой «Посмертный подарок». Вещь, разрубленная пополам и подписанная мною под ровно 300-ой строкой, чуть ли не посреди фразы, валяется. За 4 месяца не напечатали *ни одной* моей строки... (пр. 14 с.)

№ 93

Ванв, 18-го февраля 1935 г.

(пр. 6 с.) ... Читала статью Бема в Мече. Хорошо. В серьез—не только к автору и к поэме, но и к *стиху*... (пр. 5 с.)

2-го числа было мое чтение о Блоке, совместное с Ходасевичем. Я — «Моя встреча с Блоком», он — «Блок и его мать». (Пишу себя первой — п. ч. читала первой)... (пр. 69 с.)

...Начала было — точно уже в ответ на Ваше письмо — приводить в порядок все свои стихи после «После-России», — их много, но почти нет дописанных: не успевала... (пр. 1 с.). Но ничего: поспараюсь. Это — нужно сделать, чтобы хоть что-нибудь — от *этих лет* — осталось. (пр. 1 с.)

Сделаю.

Ибо — никто из нас не знает — *когда*.

П. П. Гронский в восторге от статьи А. Л. о Белла-Донне. Передайте, пожалуйста. Он, прямо — сиял. Матери, после чтения, еще не видела. Она всё хворает.

... Мне очень нравится — о сложности, которая *несложность*. Тонко и точно. Я, в конце концов, человек элементарный, люблю самые простые вещи. Сложна я была только в *любвонной* любви, да и то — если *гордость* — сложность. (По мне — сама простота. Но дает — *сложные* результаты).

Да и Пруст — прост. И Рильке. — Утверждаю.

А. И. Андреева переписала мне мое о Гронском на машинке, — только нужно вставить К (эта буква — выпала). Засяду, сделаю, пришлю.

Посл. Нов. вчера, 17-го, воскр., наконец напечатали мою Сказку матери, сократив и исказив до неузнаваемости. Сокращено в сорока местах, из к-ых — в 25-ти — среди фразы. Просто — изъяты эпитеты, придаточные предложения, и т. д. Без спросу. Даже — с запретом, ибо я сократить рукопись — отказалась. Потому и лежала 3 месяца. И вдруг — *без меня*. Я, читая, — *плакала*. Пришлю Вам и Посл. Нов. — *и свое*.

Расскажите Бэму: Сделал это негласный редактор П. Нов. — Демидов. М. б. Бэм его знает.

Книжку Белла-Донна? Было бы — чудно. Но надо запросить отца — он собирается издавать книгу стихов, но, кажется, одних стихов — без поэм. Запрошу его — в виде отдаленного плана — при встрече... (пр. 3 с.)

Дорогая Анна Антоновна! Вчера тщетно прождала весь вечер А. Головину, к-ая сама попросила придти ко мне вторично, чтобы прочитать свои стихи.

Мэе впечатление? Совсем не очарована. Ни малейшего своеобразия, — чистейший литературный тип. И интересы только литературные. За весь вечер — ни одного *своего* слова, — чужие умные. Скучно! — Кроме того, каждые пять — для честности: десять минут — вынимала зеркало и пудрила нос, с напряженным вниманием вглядываясь, точно не ее (нос). Так же часто и reinlich расчесывалась, прижимая волосы к ушам. Ничего личного — от нее ко мне, ни от меня к ней — я не почувствовала. Передо мной сидела литературная барышня (хотя она и «дама»), перед нею — усталая, загнанная, заработавшаяся, совсем не литературная — я. Я перед ней себя чувствовала *начинающей*, — нет, никогда и не начавшей! (Поймите — о чем я говорю: о причастности к литературной среде). Она очень бойкая — все находит, всюду проникает, никого и ничего не смущается. Ни слова (мне — всё равно, но характерно для нее) не спросила о *моем* писании, — все время о себе: напр. стоит ли ей писать прозу. (Откуда я знаю?? Я — никого не спрашивала — и 6-ти лет). Полная литературная поглощенность собой. — Чтó мне с этим делать? — Намеревалась идти к Ходасевичу советоваться с ним о своих писаниях. Ну, он пожётче, помэтрестее (maitre) — меня, я — чтó? могу только сказать — как я пишу, и совсем не возвожу этого в закон. Я — литературно — бесконечно, бездонно-невинна, — точно никогда и не писала... (пр. 1 с.)

... Я просила ее придти в четверг, чтобы познакомить ее с отцом Гронского (думала — о Вас), к-ый должен был принести фотографии сына. Хотела, чтобы она рассказала как понравилась поэма в Праге — он этим живет. (пр. 1 с.) Пришла в среду... (пр. 7 с.)

... Мой вывод: до чужой души мне всегда есть дело, а до чужой литературы — никогда. Ко мне надо — с душой и за душой, все остальное — тщетно... (пр. 3 с.)

А вот стихи Н. П. Гронского — мне — тогда — (1928 г.) — которых он мне никогда не показал:

Из глубины морей поднявшееся имя,
Возлюбленное мной — как церковь на дне моря,
С Тобою быть хочу во сне — на дне хранимым
В глубинных недрах Твоего простора.

Так, веки затворив, века́ на дне песчаном,
Ушел в просторный сон с собором черным,
Я буду повторять во сне «осанна»
И ангелы морей мне будут вторить хором.

Когда-же в день Суда, по слову Иоанна,
Совьется небо, обратившись в свиток,
И встанут мертвые, я буду говорить «осанна»
Оставленный на дне — и в день Суда — забытый.

Bellevue 1928 г.

Осанна = спасение
(Его пометка)

Отец сидел и читал письма (его — ко мне), я сидела и читала его скромную черную клеенчатую книжку со стихами... (ир. 11 с.)

... Говорили об издании стихов. Всего будет 3 тома. I — поэмы, Спиноза (драматическое) и немного стихов. II т. — то, что он называет Лирика. III т. — проза (к-ую я совсем не знаю, только письма). А лучший том — когда-нибудь — будет наша переписка, — *Письма того лета*. Этим летом непременно (огромная работа!) перепишу их в отдельную тетрадь, его и мои, подряд, как писались и получались. Потом умолю Андрееву переписать на машинке и — один экз. отцу, один экз. — Вам. Самые невинные и, м. б. самые огненные из всех *Lettres d'amour*. Говорю об этом спокойно, ибо — *уже так давно*, и один из писавших — в земле...

Самое странное, что тетрадь полна посвящений В. Д. (его невесте, к-ая вышла замуж за другого) — посвящений 1928 г., когда он любил — только меня. Но так как буквы — другим чернилом, он очевидно посвятил ей — ряд написанных мне, а мне оставил только это — неперепосвящаемое — из-за имени. (Марина: море).

Напр. — рядом с этим, т. е. в те же дни — посвященные В. Д. стихи о *крылатой и безрукой женщине*. Прочтя сразу поняла, что *мне*,

ибо всю нашу дружбу ходила в темно-синем плаще: крылатом и безруком. А тогда — никакой моды не было, и никто не ходил, я одна ходила — и меня на рынке еще принимали за сестру милосердия. И он постоянно снимал меня в нем. И страшию его любил. А его невеста — видала карточку — модная: очень нарядная и эффектная барышня. И никакого бы плаща не надела — раз не носят. Когда прочтете переписку, поймете почему двоелюбие в нем — немислимо. Очевидно — с досады, разошедшись со мной. Или ей — как подарок... (пр. 20 с.)

№ 95

Ванв, 12-го марта 1935 г.

(пр. 17 с.) ... Не везет моему Гронскому. Вот мое письмо к литературному хозяину Посл. Нов., некоему Игорю Платоновичу Демидову, ничем не соответствующему благородному звучанию своего имени (NB! вдобавок — потомок Петра, по боковой линии, — из себя — огромный скелет с губами упыря).

— Многоуважаемый И. П.

Прошу считать мою рукопись о поэме Н. Гронского «Белла-Донна» — *Посмертный подарок*, пролежавшую в редакции Посл. Новостей больше трех месяцев в ожидании «очереди» — аннулированной.

Подпись.

(пр. 71 с.) ... Решила свою рукопись о Гронском — расширенную и углубленную — читать на отдельном вечере его памяти. М. б. (сомневаюсь) возьмут «Совр. Записки» — для через следующей книги. Либо — в сербский «Русский Архив». Жаль, что не пойдет по русски... (пр. 8 с.)

№ 96

Ванв, 23-го апреля 1935 г.

(пр. 8 с.) ... Должно быть Вы, как я, любите только свое детство: то, что было тогда. Ничего, пришедшего после, я не полюбила. Так, моя «техника» кончается часами и поездками. (NB! Со светящимся циферблатом, очень удобных, но еще более — страшных, не выношу.

На автомобили, самые «аэродинамичные», смотрю с отвращением, и т. д.). Даже — такая деталь: почему-то у меня *никогда*, ни на одной квартире, в коридоре нет света. И вдруг, недавно, поняла: — Господи, да у нас в Трехпрудном был темный коридор, и я еще всегда глаза зажжимала, чтобы еще темней... Ведь это я — *восстанавливаю*.

И жужда деревьев в окне — оттуда, где в каждое окно входил весь зеленый двор, — огромный как луг, настоящий Hof — феодальный: с сараями, флигелями, голубятней, и, еще, постепенностью каких-то деревьев сзади, не наших, чьих-то, ничьих, кончавшихся зеленоватым рассветным небом, и о которых я никогда не узнала — *где*.

Как бы я написала свое детство (до-семилетие) если бы мне — дали.

Был мой вечер Гронского. Я за два дня лишилась голоса (глубокая горловая простуда), но отменить уже нельзя было — зал был снят за 2 недели, даны объявления, и т. д. И вот, прошептав два дня, в вечер третьего — прочла, громко. Сама удивилась, но чему-то в себе верила: не подведет. Зал был небольшой, но полный. Было много стариков и старушек. Был Деникин, с к-ым Н. П. дружил — сначала в Савоие, потом в жизни. Слушали внимательно, но вещь местами не доходила. Аудитория была *проста*, я же говорила изнутри поэмы и *стихотворчества*. А им хотелось больше о нем... Родители отнеслись сдержанно... (пр. 5 с.) Я рассматривала Гронского как готового поэта и смело называла его имя с Багрицким и другими... Им это м. б. было чуждо, они сына — не узнали. Кончилось тем, что сюрпризом отдала две его карточки — впервые отпечатать и увеличить, — подарок на Пасху. Величиной с этот лист. Одну из них, самую лучшую, посылаю. Я знала его — моложе, мягче, с более *люющим* лицом, менее твердым. Я знала его — между Jüngling и Mädchen, еще — душою. Мэй он — другой. Это — их — всех.

Но знаете, жуткая вещь: все его последующие вещи — несравненно слабее, есть даже совсем подражательные. Чем дальше (по времени от меня) — тем хуже. И этого родители не понимают. (Они, вообще, не понимают стихов). Приносят мне какие-то ложно-«поэтические» вещи и восхищаются. И я тоже — поскольку мне удается *ложь*. Какие-то поющие Музы, слащавые «угодники», подблоковские

татары. — Жаль. — О его книге навряд ли смогу написать. Боюсь — это был поэт — одной вещи. (А может быть — одной любви. А может быть — просто — медиум). Я не все читала — отец не выпускает тетрадь из рук — но то, что читала, — *не нравится*. Нет *силы*. Убедена, что Белла-Донна лучшая вещь. Бему об этом ни слова: 1. не хочу, волей-неволей, влиять на его оценку 2. боюсь испортить его отзыв о будущей книге (появится в июне) и этим огорчить родителей 3. любопытно — проверить.

— Теперь Вы знаете героя Белла-Донны — спасшегося, чтобы затем погибнуть. Напишите — таким ли Вы его видели по стихам. Эту же карточку родители получают в величину с этот лист, и еще другую, где он у одного из трех озер Белла-Донны. Пасхальный подарок.

Все никак не соберусь выслать «Посмертный подарок», — сколько мелких дел! Но это Вы знаете... (пр. 2 с.)

Покажите карточку Бему (пр. 4 с.)

№ 97

La Favière par Bormes (Var)
Villa Wrangel
2-го июля 1935 г.

Дорогая А. А.! Вкратце: перед самым концом блистательного учебного года и за 2 недели до нашего *train de vacances* — на юг (вместо 400 фр. — 215 фр. в оба конца) — у Мура стал побаливать живот: — аппендицит — немедленная операция. 14-го его оперировали: Алексинский, еще российское светило. Пролежал 10 дней в *Ville-Juif*'ском госпитале (евреи — не при чем: старинное название пригорода) и на 14-ый день, с божьей и дружеской помощью, выехали с ним — тем самым поездом — на юг.

Нынче морю и югу — четвертый день. Сняли мансарду — просторное, но — пёкло, пёкло — но просторное — и делевое: чердак баронессы Врангель, к-ая оказалась моей троюродной сестрой: ее отец, писатель-народник (и врач) — поколения Чириков — С. Я. Елпатьевский — был двоюродный брат моего отца. Но я — больше взволновалась этим открытием, чем она. (Баронесса она по мужу: не Главно-

командующему, а земскому деятелю, но — очевидно — одна семья)... (пр. 22 с.)

... Море — блаженное, но после Океана — по чести сказать — скучное. Чуть плещется, — никакого морского *зрелища*. Голубая неподвижность — без событий. Пляж — чудесный: песчаный и дно очень долго — мелкое. Вода — изумительного цвета. Но (Вам — скажу) — скучно. Я плохой пловец, — не моя стихия, а лежать для меня — самый тяжелый труд. С Муром же ходить — нельзя, и долго нельзя будет. А какие вокруг горы! Сосна, лаванда, мирт, белый мрамор. И какие — доступные. Я нынче писала С. Я.: здешние горы — Чехия, выигравшая 5 милл. в Нац. Лотер., но — *Чехия*: то же обожаемое мною соединение сосны, камня и суши. (Чехия осталась у меня в памяти как *один синий день*. И одна — *туманная* ночь).

Наш сад переходит в горку, немножко нынче с Муром побродили, я сразу влюбилась в какой-то куст, оказался — мирт, — посылаю веточку.

О встрече с Пастернаком (— *была* — и какая *невстреча!*) напишу, когда отзоветесь. Сейчас тяжело — и неуверенно, м. б. Вы уже переехали на дачу и письмо не дойдет? Но все же — надеюсь.

— О многом напишу, о чем не могу писать никому. О том, что я — *aus dem Spiel*, совсем, *aus jedem*. Смотрю на нынешних двадцатилетних: себя (и все же — *не себя!*) 20 лет назад, а они на меня — не смотрят, для них я скучная (а м. б. «странная») еще молодая, но уже седая, — значит: немолодая — дама с мальчиком. А м. б. просто не видят — как предмет. Горько — вдруг сразу — выбыть из строя — живых.

Вечера — самое тяжелое. Мур в 9 ч. спит, в мансарде — жарко и крохотная керосиновая лампа, на воле темно и писать нельзя. К морю — тоже нельзя. Никуда нельзя. И никого нет. Вокруг русские радостные голоса: — идем? идем! — не забудьте кофточку: свежо! — палку взяли?

И — пошли.

А я хожу — быстрее их!... (пр. 4 с.)

... Я давно уже выбита из колеи писания. Главное — нет стола, а если бы и был — жара на чердаке тропическая. Но еще главней:

это (вся я) никому не нужно. Это, в лучшем случае, зовется «неврастения». Век меня — миновал. Но об этом — в другой раз. Целую Вас, дорогая Анна Антоновна, и жду быстрой весточки, что — дошло.

М. Ц.

№ 98

La Favière, 12-го июля 1935 г.

(пр. 27 с.) ... Живем вторую неделю. Я — томлюсь. Сейчас объясню, и надеюсь Вы меня поймете. Мне вовсе не нужно *такой* красоты, *столькой* красоты: море, горы, мирт, цветущая мимоза и т. д. С меня достаточно — *одного* дерева в окне, или моего вшенорского верескового холма. Такая красота на меня накладывает ответственность — непрерывного восхищения. (Ведь сколько народу, на моем месте, было бы счастливо! *Все.*) Меня эта непрерывность красоты — угнетает. Мне *ничем* отдарить. Я всегда любила скромные вещи: простые и пустые места, которые никому не нравятся, которые *мне* доверяют себя сказать — и меня — я это чувствую — *любят*. А любить — Côte d'Azur — то же самое, что двадцатилетнего наследника престола, — мне бы и в голову не пришло. (Пришло — Марии Вечере, но тому не было — двадцать лет, было за тридцать, а ей — семнадцать, и он не был красавцем — и это она его одаривала!)

... Так же как не могла бы любить премированную собаку, с паспортом высокорожденных дедов и бабок (то, из-за чего обыкновенно и любят!)

Второе: я, из-за Мура, целый день должна сидеть или лежать у моря: на него (море) глядеть: ничего не делать, ибо писать на воле никогда не могла, а читать — это в каком-то смысле — тоже ничего-не-делать.

Третье: у меня здесь никого нет, ни души — для беседы, как у Мура — никого — для игры. Нас русские, явно, бойкотируют. Никто (а много — знакомых, напр. вся семья кн. Оболенских) за 2 недели нас ни разу не позвала к себе — хотя бы на террасу, не говоря о том, что — не зашел. М. б. наша явная *бедность*, — не знаю.

С 9 ч. веч., уложив Мура, томлюсь. Ведь весь день, либо зажигала примус, либо бессмысленно переливала песок из ладони в ладонь. Сажу в кухне, открыв дверь на лестницу (окна нет), слушаю чужие

голоса: кто-то идет на море, кто-то — в гости, — бог с ними, конечно, — и не мое это «море», и не мои это «гости», и м. б. я бы первая от всего это о веселья отстранилась: слишком много уж женского визгу и мужского хохоту! — но все-таки, каждый вечер сидеть на кухне, без ни-души...

Купаюсь, но мало: я мало люблю — воду: плохо плаваю и сразу замерзаю. Муру доктора разрешили, сняв бандаж, немножко полоскаться. Но и он скучает: играть не с кем, а он в школе привык к детскому обществу... (пр. 7 с.). И так — каждый день, и не знаю, как я так буду жить до 1-го октября.

Главная беда: у меня нет твердого места для писания: в хорошей комнате, сокнуом и сосной в нем, спит Мур (днем и с 9 ч. веч.), а в кухне — нет окна, и вся еда, и лук, и жара от примуса, и стол — непоправимо, целиком расшатанный, на к-ый гляжу с отвращением, всячески — взглядом — обхожу.

Еще беда, что здесь нет органического населения: что я, всегда, так люблю, — ни одного старого дома, ни одной старой стены: только дачи и дачники, не считая нескольких франц. ферм, тоже — со вчерашнего дня. Это — эмигрантский поселок в сосновом лесу. Зажиточно-эмигрантский, т. е. буржуазный. (Рядом со мной 2 дачи Милюкова, где никто не живет — и не будет жить). Мы в этот поселок *не вошли*: здесь все — либо хозяева пансионеров, либо пансионеры. Мы — сбоку, на вышке чужого (пока — пустого) дома, — как на маяке (пр. 10 с.)

[К письму приклеен засушенный цветок с надписью] — Цветок олеандра.

№ 99

Фавиер, 11-го августа 1935 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Я недолго жила в Чехии и собственно жила не в Чехии, а на краю деревни, так что жила в чешской *природе*, за порогом культуры, т. е. природы плюс человека, природы плюс народ. И — руку на сердце положу — люблю. Люблю бескорыстно и безответно — как и полагается любить. И — может быть — даже безнадежно, ибо:

увидю ли еще когда? (Люди, когда *безнадежно* — перестают любить). То малое, что я видала от Праги — так далеко живя — навсегда для меня включилось в *Märchen meines Lebens*, как свою жизнь назвал Андерсен. А Пражский Рыцарь — навеки *мой*.

Еще расскажу Вам: иногда в T.S.F. слышится музыка, от которой у меня сразу падает и взлетает сердце, какая-то повелительно-родная, в которой я *всё* узнаю — хотя слышу в первый раз. И это всегда — Сметана. Вообще — чешское. Так я под прошлое Рождество прослушала целый концерт чешских народных песен — нечаянно попала — и была заворожена.

Ваша русская пианистка (простите!) — бревно, ей бы столбом рояля стоять, а не сидеть за клавиатурой. Народ — *весь* — в пении, а чешский народ *есть* пение, знак равенства.

Но — будьте уверены — Ваши соседи-патриоты и своей Patria не знают, разве что казачий хор по граммофону и несколько мелких рассказов Чехова. Ибо — знающий Россию, *суций* — Россия, прежде всего и поверх всего — и самой России — любит *всё*, *ничего* не боится любить. Это-то и есть Россия: безмерность и бесстрашие *любви*. И если есть тоска по родине — то только по безмерности мест: отсутствию границ. Многими же эмигрантами это подменено ненавистью к *загранице*, тому, что я из России глядя, называю заморщиной: заморьем. Вспомните наши сказки, где *всегда* виноград, которого ни одна баба в глаза не видала. И *всегда* — орел. И всегда — в самых степных местах возникшие — *горы*, да еще свинцовые или железные. — Мечта. —

А вот эти ослы, попав в это заморье, *ничего* в нем не узнали — и не увидели — и живут, ненавидя Россию (в лучшем случае — *не видя*) и, одновременно, за границу, в тухлом и затхлом самоварном и блинном прошлом — не историческом, а их личном: чревном: вкусовом: имущественном, — обывательском, за которое — копейки не дам.

Презрение к Чехии есть *хамство*. И больше ничего. Жаль только, что чехам приходится так долго таких гостей терпеть.

Недавно, на пляже — пристает лодка. Трое в купальных костюмах: отец, мать, дочь. (Все молодые). Слышу родное, но не русское. И вдруг, к своему удивлению, хотя не русское — все понимаю. — Чехи! — (Удивилась, п. ч. не ждала, Фавиер — не курорт: глухой

уголок). Было приятно смотреть как они радовались. Вот уж воспользовались «зámорьем»! Ныряли, валялись в песке (как дети, как собаки!) лазили на камни, скакали с них в воду, всё это громко крича и даже визжа и совершенно не думая о зрителях. Потом по команде отца вскочили в лодку и совершенно мокрые, песочные и счастливые — отплыли — поплыли. Больше я их не видала. Очевидно на своей лодке объезжали всю Côte d'Azur. Какой-нибудь чиновник, наверное долго мечтавший и копивший — и ждавший, чтобы дочь кончила школу... (пр. 10 с.)

... В следующий раз напишу о короткой и прелестной встрече с русской швейцаркой, д-ром Базельского Университета, которая мне напомнила Вас (пр. 7 с.)

№ 100

Ванв, 30-го сентября 1935 г.

(пр. 1 с.) ... Ваше письмо в Фавьере получила последним, — прямо в последнюю минуту, так что читала его уже в вагоне.

Переезд был трудный и сложный, — я с 18 лет путешествую с кастрюлями (дети!) — по морю до последней минуты было блаженно-синим, и часть моей души — надолго там.

Итог лета: ряд приятных знакомств (приятельств) и одна дружба — с молодым русским немцем — в типе Даля, большим и скромным филологом, — о нем был отзыв в последней книге Совр. Записок: специалист по русскому языку XVI в. с странной фамилией (Унгеб) — вот и ошиблась: Унбегаун... (пр. 4 с.)

... Итог другого лета — не людского — три пробковых пояса из таких вот [нарисованы два концентрических кружка — В. М.] круглых аккуратных пробочек от сетей, морем выброшенных и мною подобранных, и благодаря им — полная свобода в воде — как на земле, свобода в страшной для меня стихии воды. Могу сказать, что плавала даже не *в море*, а *над морем* (я очень мало вешу, так что пояса меня выносили) — вроде хождения по водам. И целые связки эвкалипта, мирта, лаванды. И еще итог — несколько стихов: немного, и половина поэмы (о *пезице*: себе) — чудный мулатский загар, вроде нашего крымского. Люди думают, что я «помолодела», — не помолодела, а просто

— вымылась и, на 40—50 градусном солнце — высушилась. Много снимали, но проявлять будем здесь — там было втридорога. Непременно пришло карточки, — и свою... (пр. 30 с.)

№ 101

Ванв, 28-го декабря 1935 г.

(пр. 44 с.) ... Мур живет разорванным между моим гуманизмом и почти что фанатизмом — отца ... (пр. 4 с.) Очень серьезен. Ум — острый, но трезвый: *римский*. Любит и волшебное, но — как гость.

По типу — деятель, а не созерцатель, хотя для деятеля — уже и сейчас умен. Читает и рисует — неподвижно — часами, с тем самым *умным* чешским лбом. На лоб — вся надежда.

Менее всего развит — душевно: не знает *тоски*, совсем не понимает.

Лоб — сердце — и потом уже — душа: «нормальная» душа десятилетнего ребенка, т. е. — зачаток. (К сердцу — отношу любовь к родителям, жалость к животным, все элементарное. — К душе — все беспричинное болевое.)

Художественен. Отмечает красивое — в природе и везде. Но — не пронзён (Пронзён = душа. Ибо душа = боль + всё другое).

Меня любит как свою вещь. И уже — понемножку — начинает ценить (пр. 1 с.)

О себе: так как выгребаю и топлю три печки, стираю на трюх — всё, хожу на рынок, готовлю, мою посуду и т. д. — прислуга за всё и на всех — пишу мало, урывками, последнее время — стихи. Весной будет легче: отпадет весь уголь и вся зола... (пр. 14 с.)

... Я — годы — дружу с Верой Буниной, урожденной Муромцевой, бывшей подруги моей Halbschwester Валерии, ученицы, по истории искусств, моего отца, — счастливейшие дни своей жизни проведенной в *нашем* доме в Трехпрудном — Вы наверное о нем читали. Познакомилась и подружилась я с пей — здесь. Она мне написала, я отозвалась — и пошла, и продолжается, и никогда не кончится — ибо тут нечему кончаться: всё — вечное.

Вы, м. б., знаете, что у Бунина — лет 10 как молодая любовь

(приемная дочь? роман? — *любовь*) — бывшая пражская студентка, Галина Кузнецова. Живет с ними, ездила с ними в Швецию, *ихняя*. Вера стерпела — и приняла. Все ее судят, я — восхищаюсь: Бунин без нее, Веры, не может, значит — осталась: поступила, как *мать*.

С Галиной я — вежлива.

С Буниным у нас дружественные отношения, без близости: при-
кожу к *Вере*.

— Ну, вот. —

Недавно, на моем вечере стихов, Бунин у кассы познакомился с Алей, не зная, что моя дочь. — «Милая барышня» — и так пробе-
седовал, прошутил с ней мин. 10. В антракте — опять к ней (пр. 1 с.).
Всю вторую часть в залу не входил, сидел с ней у кассы. Тут же при-
гласил ее к себе — на завтра — обедать... (пр. 9 с.)

... Если бы мне большой писатель сказал: — «Милая барыш-
ня...» я бы и в 15 лет ответила: отметила: — Меня зовут — Марина —
(и, подумав:) — Ивановна. (Bin weder Fräulein, weder schön — kann
ungeleitet nach Hause gehn!) Потому меня *не любили*. (Так — мало!
так — вяло!) По мужски — не любили. Даже — *тогда* (Духи любили,
души — любили: поэты, одинокие старики, собаки, чудачки...)

Забыла прибавить, что сейчас Кузнецова в отъезде, кажется —
где-то лечится... а м. б. — другое: устала. Словом, ее в доме давно
нет... (пр. 3 с.)

... Завтра (воскресенье, 29-го) у нас гости — Фаворские, друзья
Унбегауны и Замятины, он и она... (пр. 6 с.)

№ 102

Ванв, 20-го января 1936 г.

С Новым Годом, дорогая Анна Антоновна! (пр. 1 с.)

Ваше большое письмо получила.

О таком (ручно-умственном) объединении мечтаю уже давно,
хотя бы в самой элементарной форме: кто-то читает, я — шью. Но
мне никто не читает, Муру — некогда (школа, уроки), С. Я. и Али нет
никогда. Сижу вечерами и до одурения вяжу — уже три месяца —
Муру огромное одеяло из всех остатков шерсти (Аля раньше много
вязала на-заказ)... (пр. 1 с.)

Ручной труд есть — круг (вокруг лампы, лучше — керосиновой, на тяжелой лапе, была у нас такая в Трехпрудном, — медная: медведь лезет в улей). Кстати «Трехпрудный» — моих вещах — Трехпрудный переулок, где стоял наш дом, но это был целый мир, вроде именья (Hof), и целый психический мир — не меньше, а м. б. и больше *дома Ростовых*, ибо дом Ростовых плюс еще сто лет.

Еще в 1909 году — совсем девочкой — я писала

Засыхали в небе изумрудном
Капли звезд — и пели петушки...
Это было в доме старом, в доме — чудном...
Чудный дом, наш дивный дом в Трехпрудном —
Превратившийся теперь в стихи!

Это я писала, еще будучи *в нем*, но уже зная, чуя...

А потом — 1919 г. — стоим с уже 6 летней Алей — перед нами: окнами залы, и видим, как на подоконниках, из глиняных мисок, чужие люди хлебуют вареную воблу.

А потом — 1920 г. — стою перед ним — *и нету*. Закрываю глаза — есть, открываю — нет: одни развалины камина торчат. — Снесли на дрова, ибо был деревянный: из мачтовой строевой сосны. Было ему — около 100 лет. Его старик Иловайский (дед моих старших Halbb Bruder и Halbschwester) дал в приданное своей дочери Варваре Дмитриевне, когда выходила замуж за моего отца.

Значит — *не мой* дом, и получил его после отца в наследство брат Андрей*), но любила и воспела его — я.

Видите — как далеко заводят: ручной труд и ламповый круг!...

Мне хорошо только со старыми людьми — и вещами. Из молодости люблю только молодую листву и траву.

Сейчас — *культ* молодости. В мое время молодость себя стеснялась. Сейчас: «мне 20 лет — кланяйся в ноги!»

А я не кланяюсь — п. ч. это — кумир. На глиняных ногах, п. ч. *завтра* 20 летнему будет сорок лет, как мне — *вчера* — было двадцать.

Хвастаться титулом — хвастаться состоянием — хвастаться мо-

* умер в 1932 г. в Москве, от туберкулеза

людостью. Но первое и второе хоть — если не твоя — то чужая заслуга! Хоть *чей-то* — труд. Там — кичиться чужим титулом, здесь — обыкновенным ходом вещей, вне человека лежащим, то же самое, что гордиться — солнечным днем.

Помимо всего — мне с молодыми скучно — п. ч. им *с собой* скучно: оттого непрерывно и развлекаются... (пр. 25 с.)

№ 103

Ванв, 15-го февраля 1936 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Когда я прочла *Furchtlosigkeit* — у меня струя по хребту пробежала: *бесстрашие*: то слово, которое я все последнее время внутри себя, а иногда и вслух — как последний оплот — произношу: первое и последнее слово моей сущности. Роднящее меня — почти со всеми людьми! Борис Пастернак, на к-го я *годы подряд* — через сотни верст — оборачивалась, как на второго себя, мне на Пис. Съезде шопотом сказал: — Я не посмел не поехать, ко мне приехал секретарь С-на, я — испугался. (Он страшно не хотел ехать без красавицы-жены, а его посадили в авион и повезли).

... Не знаете ли Вы, дорогая Анна Антоновна, хорошей гадалки в Праге? Ибо без гадалки мне, кажется, не обойтись. Все свелось к одному: ехать или не ехать. (Если ехать — так навсегда).

Вкратце: и С. Я. и Аля и Мур — рвутся. Вокруг — угроза войны и революции, вообще — катастрофических событий. Жить мне — одной — здесь не на что. Эмиграция меня *не любит*, Посл. Новости (единственное платное место: шутя могла бы одним фельетоном в неделю зарабатывать 1800 фр. в месяц) — П. Нов. (Миллюков) меня выжили: не печатаюсь больше никогда. Парижские дамы-патронессы меня терпеть не могут — за независимый нрав.

Наконец, — у Мура здесь никаких перспектив. Я же вижу этих двадцатилетних — они в *тутшке*.

В Москве у меня сестра Ася, к-ая меня любит — м. б. больше чем своего единственного сына. В Москве у меня — всё-таки — друг настоящих писателей, не обломков. (Меня здешние писатели не любят, не считают своей.)

Наконец — природа: просторы.

Это — за.

Против: Москва превращена в Нью-Йорк: в идеологический Нью-Йорк, — ни пустырей, ни бугров — асфальтовые озера с рупорами громкоговорителей и колоссальными рекламами: нет, не с главного начала: *Мур*, к-го у меня эта Москва сразу, всего, с головой отберет. И, второе, главное: я — с моей *Furchtlosigkeit*, я *не умеющая* не-ответить, я не могущая подписать приветственный адрес великому Сталину, ибо *не я* его назвала великим и — если даже велик — это не мое величие и — м. б. важней всего — ненавижу каждую торжествующую, казенную церковь.

И — расстанусь с Вами: *с надеждой* на встречу! — с А. И. Андреевой, с семьей Лебедевых (больше у меня нет никого).

— Вот. —

Буду там одна, без Мура — мне от него *ничего* не оставят, в первых п. ч. всё — во времени: здесь после школы он — мой, со мной, там он — их, всех: пионерство, бригадирство, детское судопроизводство, летом — лагеря, и всё — с соблазнами: барабанным боем, физкультурой, клубами, знаменами и т. д. и т. д. . . . (пр. 5 с.)

... Может быть-так и надо. Может быть — последняя (-ли?) *Kraftsprobe*? Но зачем я тогда — с 18 лет растила детей?? Закон природы? — Неутешительно. —

— Сейчас, случайно подняв глаза, увидела на стене, в серебряной раме, лицо Зигрид Ундсет — *un visage revenu de tout* — никаких самообманов! И вспомнила — *Kristin*, как от нее постепенно ушли все дети и как ее — помните, она шла на какое-то паломничество — изругали чужие дети — так похожие на ее!

Ну, вот. Как же без гадалки? Погадайте на меня, за меня! (Француженкам *я не верю: ясно видят* — только вещь в витринах!)

Положение двусмысленное. Нынче, напр., читаю на большом вечере эмигрантских поэтов (все царьжские, вплоть до развалины-Мережковского, когда-то тоже писавшего стихи). А завтра (не знаю — когда) по просьбе своих — на каком-то возвращенческом вечере (NB! те же стихи — и в обоих случаях — безвозмездно) — и может выглядеть некрасивым.

Это всё меня изводит и не дает серьезно заняться ничем.

Обрываю письмо, чтобы сразу отправить. Могла бы писать Вам не отрывая пера еще два часа, — но сделаю это в другой раз, сейчас это только отклик.

М. Ц. (пр. 8 с.)

№ 104

Ванв, 19-го марта 1936 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Последние мои сильные впечатления — два доклада Керенского о гибели Царской Семьи (всех было — три, на первый не попала). И вот: руку на сердце положу скажу: невинен. *По существу* — невинен. Это не эгоист, а эгоцентрик, всегда живущий своим данным. Так, смешной случай. На перерыве первого доклада подхожу к нему (мы лет 7—8 часто встречались в «Днях», и иногда и в домах) с одним чисто фактическим вопросом (я гибель Царской Семьи хорошо знаю, и К-ского на себе, себя — на нем (NB! наши знания) проверяла) — кто был при них комиссаром между Панкратовым и Яковлевым. — Никого. Был полковник Кобылинский. — Но он же не был комиссаром. — Нет. Комиссара три месяца не было никакого. (И вдруг, от всей души): — Пишите, пишите нам!! (Изумленно гляжу. Он, не замечая изумления, категорически): — Только не стихи. И не прозу. Я: — Так — что же?? — Общественное. Я: — Тогда *вы пишите* — поэмы!

Он — *слепой* (слепой и физически, читает на два вершка от книги, но очков носить *не хочет*). Увидел меня: ассоциация: — пишет, а писать — значит — общественное (...«нам» в его возгласе означало — в новый, его, журнал — не знаю, как называется).

О докладе, в двух словах: хотел спасти, в Царском Селе было опасно, понадеялся на тишину Тобольска. О царе — хорошо сказал: — Он совсем не был... простым обыкновенным человеком, как это принято думать. Я бы сказал, что это был человек — либо *сверхъестественный*, либо *подвѣстственный*...» (Говорил это по поводу его невозмутимости).

Открыла одну вещь: К-ский Царем был очарован (пр. 1 с.) и Царь был К-ским — очарован, ему — погере: ил. (пр. 1 с.)

Царицы К-ский недопонял: тогда — совсем не понял: сразу оттолкнулся (как *почти* все!), теперь — пытается, но д.с.п. претыкается о ее гордость — чисто — династическую, к-ую, как либерал, понимает с трудом. Мой вывод: за 20 лет — вырос, помягчал, стал человеком. Доклад — хороший: сердце — *хорошее*.

Публика на втором (последнем) докладе ставила вопросы и возражала. Был вопрос: — Почему Вы из России бежали и правда ли что в женском платье? — но он на него (было за- полночь и зал закрывали) не успел ответить... (пр. 5 с.)

... Второе: смерть поэта Кузмина, Михаила Кузмина — петербургского, царскосельского, последнего близкого друга Ахматовой. Я его встретила раз — в первых числах, а м. б. и 1-го января 1916 г. — последнего года старой России. В Петербурге. В полную вьюгу. В огромной (домашней) зале.

Сейчас — пишу: его — и себя тогда. Он был на 20 с чем-то лет меня старше: такой — тогда, как я — теперь. Доклад К-ского о Семье и моё о Кузмине — вот и тогдашняя Россия.

Руднев обещал взять в Современные... (пр. 21 с.)

№ 105

Ванв, 29-го марта 1936 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Живу под тучей — отъезда. Еще ничего реального, но мне — для чувств — реального не надо.

Чувствую, что моя жизнь переламывается пополам и что это ее — последний конец.

Завтра или через год — я всё равно уже не здесь («на время не стоит труда...») и всё равно уже не живу. Страх за рукописи — что-то с ними будет? *Половину* — нельзя везти! а какая забота (любовь) — безумная жалость к последним друзьям: книгам — тоже половину нельзя везти! — и какие оставить?? — и какие взять?? — уже сейчас тоска по здешней воле; призрачному состоянию чужестранца, которое я так любила (*stranger hear*) ... состоянию сна или шапки-невидимки...

Уже сейчас тоска по последним друзьям: Вам, Лебедевым, Андреевой (все это мне дала Прага, Париж не дал никого: что дал (Гронского) взял...

Уже сейчас ужас от веселого самодовольного... *недетского* Мура — с полным ртом программных общих мест... (пр. 2 с.)

... Мне говорят: а здесь — что? (далее).

— Ни-че-го. Особенно для такого страстного и своеобразного мальчика — иностранца. Знаю, что отчуждение все равно — будет, и что *здесьняя* юношеская пошлость отвратительнее тамошней базарщины, — вопрос только во времени: там он уйдет *сразу*, здесь — оттяжка...

(Не дал мне бог дара слепости!)

Та́к, тяжело дыша, живу (не-живу).

То, встав утром радостная: заспав! — сразу кидаюсь к рукописи, (пр. 2 с.) то — сразу вспомнив — *à quoi bon?* всё равно не допишу, а — допишу — всё равно брошу: в лучшем случае похороню заживо в каком-нибудь архиве: никогда не смогу перечесть! (не то, что: *прочесть* или — напечатать)...

С. Я. держать здесь дольше не могу — да и не держу — без меня не едет, чего-то выжидает (моего «прозрения») не понимая, что *я — такой умру*.

Я бы на его месте: либо — либо. Летом еду. Едете?

И я бы, конечно, сказала — да, ибо — не расставаться же. Кроме того, одна я здесь с Муром пропаду.

Но он этого на себя не берет, ждет чтобы я *добровольно* — сожгла корабли (по нему: распустила все паруса).

Все думаю, что сделала бы на моем месте Сельма Лагерлеф или Зигрид Ундсет, которая (которые) для меня — образец женского мужества. — Помните, в сказке, Иван-Царевич на раздорожьи: влево поедешь — коня загубишь, вправо поедешь — сам пропадешь.

Мур там будет счастлив. Но — сохранит ли душу живу (всю!)

Вот франц. писатель Мальро вернулся — в восторге. М. Л. ему: — А — свобода творчества? Тот: — 0! Сейчас не время...

Сколько в мире несправедливостей и преступлений совершалось во имя этого *сейчас*: часа — сего!

— Еще одно: в Москве жить я не могу: она — американская (точный отчет сестры).

С. Я. предлагает — Тифлис. (Рай). — А Вы? — А я — где скажут: я давно перед страной в долгу.

Значит — и жить не вместе, ибо я в Москву *не хочу: жуть!* (Детство — юность — Революция — три *разные* Москвы: точно живьем в сон, сны — и *ничто* не похоже! все — неузнаваемо!)

Вот — моя личная погудка... (пр. 6 с.)

... Больше всего бы мне хотелось — к Вам в Чехию — навсегда. Нашлись бы спутники, обошла бы пешком всю Чехию, увидела бы *зámки*, старые городки... А — лес!!! А — Вы!!! Дружба — с Вами! (Меня ни один человек *по-настоящему* не любит).

Мне бы хотелось берлогу — до конца дней.

В следующий раз опишу свой инцидент с Керенским. Пока же целую и тороплюсь опустить. Пишите!

М. Ц.

№ 106

Ванв, 7-го июня 1936 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Из Бельгии я Вам писала коротко, — там у меня не было письменного стола: только круглый, качкий, — о нелепость! соломенный — заранее обескураживающий, кроме того я все время была на людях и в делах. И чужой дом — особенно такая крепость быта, как на той открытке, всегда для меня — труден.

Я Вам тогда писала до моих чтений, — они прошли очень хорошо — и французское и русское. Читала — для бельгийцев — Mon Père et son Musée: как босоногий сын владимирского священника (не города Владимира, а деревни Талицы), голыми руками поставил посреди Москвы мраморный музей — стоять имеющий пока Москва стоит.

Для русских читала: Слово о Бальмонте и, второе, Нездешний вечер — памяти поэта М. Кузмина: свою единственную с ним встречу в январе 1916 г.

На заработок с обоих вечеров имела счастье одеть Мура, и еще немножко осталось на лето.

Вечера были в том самом доме, к-ый Вы видели на открытке, — частные, организованные моей недавней бельгийской приятельницей (русской, вышедшей замуж в бельгийский дом, тот самый).

Но — я мечтала о дружбе с ней, за этим и с этим ехала — а дружбы *не вышло*: она поглощена домом и своей женской тоской по любви и от надвигающихся неженских лет (сейчас 32 года, но она живет вперед) — и *для меня* в ее душе не оказалось места. Поэтому, несмотря на всю успешность поездки, вернулась с чувством неудачи: с пустыми руками души. Мне все еще нужно, чтобы меня любили: давали мне любить себя: во мне нуждались — *как в хлебе*. (И скромно — и *безумно* по требовательности).

Ездила с Муром, и только там обнаружила, насколько он невоспитан (11 лет!). Встречает утром в коридоре старушку-бабушку — не здоровается, за обед благодарит — точно лает, стакан (бокал, каких у нас в доме нет) берет за голову, и т. д. Дикарь. Я к этому, внутри себя, отношусь с улыбкой: *знаю*, что *все* придет (от ума!) другие же (молча) меня жалеют и... удивляются: на фоне моей безукоризненной, непогрешимой воспитанности, вдруг — медведь и даже ведмедь! Не понимая, что воспитанность во мне не от моего сословия, а — от поэта во мне: сердца во мне. Ибо я получила столько воспитаний, что должна была выйти... ну, просто — морским чудищем! А главное — росла без матери, т. е. расшибалась обо все углы. (*Уловатость* (всех росших без матери) во мне осталась. Но — скорей внутренняя. — *И сиротство*.)

К сожалению, нигде кроме Брюсселя не была: мои хозяева и их дети все время болели, да и времени было мало: на седьмой день выехала. Да и не умею «бывать», я хочу жить и быть, *пребывать*. В Брюсселе я высмотрела себе окошко (в зарослях сирени и бузины, над оврагом, на старую церковь) — где была бы *счастлива*. Одна, без людей, без друзей, одна с новой бузиной. Стоило оно, т. е. полагающаяся к нему комната, 100 бельг. франков, т. е. 50 французских... С услугами и утренним завтраком. Таковы там цены.

Но не могу уехать от С. Я., к-ый связан с Парижем. В этом всё. Нынче, 5/18 мая исполнилось 25 лет с нашей первой встречи — в Коктебеле, у Макса, я только что приехала, он сидел на скамеечке перед морем: всем Черным морем! — и ему было 17 лет. *Оборот назад*

— вот закон моей жизни. Как я, при этом, могу быть коммунистом? И — достаточно их без меня. (Скоро весь мир будет! *Мы — последние могикане*). (пр. 10 с.)

№ 107

Moret-sur-Loing (S. et M.)

18, Rue de la Tannerie,

chez M-me V-ve Thierry

10-го июля 1936 г.

Дорогая Анна Антоновна, а это — ответ на замо́к. Этими воротами выходили на реку, собственно — речку, с чудным названием Loing (loin!). Речка — вроде той, где купалась в Тульской губ., 15-ти лет, в бывшем имении Тургенева, — там, где Бежин луг. Но — там не было ни души (только пес сидел и стерег), а здесь — сплошь «души»: дачи, удильщики, барки, — ни одного пустынного места.

Приехали — мы с Муром — 7-го, сразу устроились и разложились — и расходились: в первый же день — три длинных прогулки: и на реку, и на холм, и в лес. Мур — отличный ходок. Moret — средневековый городок под Фонтенбло, улочки (кроме главной, торговой) точно вымерли, людей нет, зато множество кошек. И древнейших старух. Мы живем на 2-ом этаже, две отдельных комнаты (потом придет С. Я.) выходящих прямо в церковную спину. Живем под химерами.

Наша церковь (эта) основана в 1166 г., т. е. ей 770 лет. (И сколько таких церквей во Франции! Лучшие — не в Париже). Но внутри хуже чем снаружи. Чудные колонны переходящие в арки, купола покрыты известкой, не давая дышать старому серому камню, вместо скромных и непреложных скамей — легкомысленные суетливые желтые стулья. Церковь люблю пустую — без никого и ничего. Хорошо бы пустую — с органом. Но этого не бывает.

Хозяйки тихие: старушка 75 лет — с усами — и дочь, сорока, сорока-пяти — в параличе: 7 лет не выходила на улицу. Мы им все покупаем и они за это нам трогательно благодарны. Дом — очень католический, и не без католической лжи: напр. два *достоверных*

портрета Иисуса Христа и Богородицы: один — „tel qu'il fut envoyé au Sénat Romain par Publius Lentulus alors gouverneur de Judée“, другой (Богородицын) „peint d'après-natur par St. Luc, Evangéliste, lors de son séjour à Jérusalem“ — и где Богоматерь 20 лет!!! (а писал — уже *Евангелист*).

Оба — с злыми, надменными, ледяными лицами и одеты в роскошные мантии. — Чудовищно! — А невинные люди — верят. (Носы у них — орлиные).

Перевожу Пушкина — к годовщине 1937 г. (На французский, стихами). Перевела: Песню из Пира во время чумы (Хвалу Чуме), Пророка, Для берегов отчизны дальней, К няне и — сейчас — К морю (мои любимые). Хочу за лето наперевести целый сборник моих любимых. Часть (бесплатно) будет напечатана в бельгийском пушкинском сборнике. *Знаю, что так не переведет никто.* Когда отзоветесь, пришло образцы.

У Али ряд приглашений на лето: и в Монте-Карло, и в Бретань, и на озеро, и в деревню. С грустью отмечаю, что меня за 11 лет Франции не пригласил *никто*. Спасибо за Прокрасться. Размер — тот, но это все, о чем я могу судить. Как я понимаю перевод — увидите из *моих*. (Пришлю непременно, только отзовитесь). Целую Вас и жду точного адр. и вообще — весточки. Сердечный привет Вашим.

М. Ц.

№ 108

Ванв — но пишу еще из
Савойи: последний день!
16-го сентября 1936 г.

Дорогая Анна Антоновна — Вы меня сейчас поймете — и обиды не будет. Месяца два назад, после моего письма к Вам еще из Ванва, получила — уже в деревне — письмо от брата Аллы Головиной — она урожденная Штейгер, воспитывалась в Моравской Тшебове — Анастоллия Штейгера, тоже пишущего — и лучше пишущего: по Бему — наверное — хуже, по мне — лучше.

Письмо было отчаянное: он мне когда-то обещал, вернее я у него попросила — немецкую книгу — не смог — и вот, *годы спустя* — об этом письмо — и это письмо — вопль. Я сразу ответила — отозвалась *всей собой*. А тут его из санатории спешно перевезли в Берн — для операции. Он — туберкулезный, давно и серьезно болен — ему 26 или 27 лет. *Уже привязавшись* к нему — обещала писать ему каждый день — пока в госпиталь, а госпиталь затянулся, да как следует и не кончился — госпиталь — санатория — невелика разница. А он уже — привык (получать) — и мне было жутко думать, что он будет — ждать. И так — каждый день, и неотписки, а большие письма, трудные, по существу: о болезни, о писании, о жизни — все сызнава: для *данного* (трудного!) случая. Усугублялось все тем, что он сейчас после полной личной катастрофы — кого-то *любил*, кто-то — *бросил* (больного!) — только об этом и думает и пишет (в стихах и в письмах). Мне показалось, что ему от моей устремленности — как будто — лучше, что — оживает, что — м. б. — выживет — и физически и нравственно — словом, первым моим ответом на его первое письмо было: — Хотите ко мне в сыновья? — И он, всем существом: — Да.

Намечалась и встреча. То он просил меня приехать к нему — невозможно, ибо даже если бы мне дали визу, у меня не было с собой заграничного паспорта — то я звала (мне обещали одолжить денег) — и он совсем-было приехал (он — швейцарец и *эта часть* ему легка) — но вдруг, после операции, ухудшение легких — бессоница — кашель — уехал к себе *auf die Höhe* (санатория в бернском Oberland'e). Дальше — письма, что м. б. на зиму переедет в Leysin, и опять — зовы. Тогда я стала налаживать свою швейцарскую поездку этой осенью, уже из Парижа, — множество времени потратила и людей вовлекла — осенью оказалось невозможно, но вполне-возможно — в феврале (пушкинские торжества, вернее — поминание, а у меня — переводы). Словом, радостно пишу ему, что *всё — сделано*, что в феврале — встретимся — и ответ: Вы меня не так поняли — а впрочем и я сам точно не знал — словом (сейчас уже я говорю) в ноябре выписывается совсем, ибо легкие — что осталось — залечены, и процесса — нет. Д-р хочет, чтобы он жил зиму в Берне, с родителями, — и родители тоже конечно — он же сам решил — в Париж.

— п. ч. в Париже — Адамович — литература — и Монпарнасс — и сидения до 3 ч. ночи за 10-ой чашкой черного кофе —
— п. ч. он все равно (после той любви) — мертвый . . .

(Если не удастся — так в Ниццу, но от этого дело не меняется).

Вот на что я истратила и даже растратила *le plus clair de mon été*.

На это я ответила — правдой всего существа. Что нам *не по дороге*: что моя дорога — и ко мне дорога — уединенная. И всё о Монпарнассе. И все о *душевной* немощи, с которой мне нечего делать. И благодарность за листочек с рильковской могилы. И благодарность за целое лето — заботы и мечты. И благодарность за правду.

Вы, в открытке, дорогая Анна Антоновна, спрашиваете: — М. б. большое счастье?

И, задумчиво отвечаю: — Да. Мне поверилось, что я кому-то — как хлеб — нужна. А оказалось — не хлеб нужен, а пепельница с окурками: не я — а Адамович и Сопр.

— Горько. — Глупо. — Жалко.

Никому ни слова: ни о нашей дружбе, ни о его Париже — уезжает он, кажется, *обманом* — ибо навряд ли ему удастся убедить родителей и врачей, что единственное место, где он может дышать — первое по туберкулезу место Европы.

Есть у меня к нему несколько стихов. Вот — первое:

Снеговая тиара гор —
Только бренному лику — рамка.
Я сегодня плющу — пробор
Провела на граните замка.

Я сегодня сосновый стан
Догоняла на всех дорогах.
Я сегодня взяла тюльпан —
Как ребенка за подбородок

(пр. 24 с.)

Теперь усиленно принимаюсь за Пушкина, — сделано уже порядочно, но моя мечта — перевести все мои любимые (отдельные) стихи.

Это вернее — спасения души, которая *не хочет* быть спасенной. (пр. 2 с.)

№ 109

Ванв, 26-го октября 1936 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Всего несколько слов: что я в эти тяжелые Ваши дни, в этой наступившей пустыне Ваших дней — неизменно с Вами, что если не писала — то только из своего прирожденного и здесь законного страха быть лишней — да кто в такой час не лишний? Все, кроме того, кого нет — не писала, потому что не о чем писать, потому что здесь нужно не писать, а присутствовать — молча (вместе пойти на кладбище, как я ходила с матерью молодого Гронского, на чудное просторное лесное кладбище, мимо которого мы так часто с ним ходили — в *наши* дни...) — потому что здесь невозможно — о себе, а о другом — страшно.

Так что не сочтите это, дорогая Анна Антоновна, за письмо, и из всех этих строк услышите только два слова: *люблю и помню*.

М. Ц.

№ 110

Ванв, 14-го ноября 1936 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Вот Вам — вместо письма — последняя элегия Рильке, которую, кроме Бориса Пастернака, никто не читал. (А Б. П. — плохо читал: разве можно после такой элегии ставить свое имя под прошением о смертной казни (Процесс шестнадцати)?!)

Я ее называю — Marina Elegie — и она завершает круг Duineser Elegien, и когда-нибудь (после моей смерти) будет в них включена: их заключит.

Только — просьба: *никому* — кроме Вас и сестры: *никому*. Это — моя тайна с Р., его — со мной. И к этой тайне я всегда возвращаюсь,

когда меня так явно оскорбляют — недостойные развязать ремня его подошвы.

Обнимаю Вас. Сердечное спасибо за присланное.

М. Ц.

Это *последнее*, что написал Р.: умер 7 мес. спустя. И *никто* не знает.

В декабре 1936 г. — через полтора месяца — будет 10 лет с его смерти. Я помню день: утром 31-го пришел Слоним — приглашать на встречу Нового Года в ресторан — и: — «А Вы знаете? Р. умер». (Умер 30-го). Впрочем, м. б. Вы читали мое «Новогоднее» в Верстах — там все есть.

— Десять лет. Муру было десять месяцев. Теперь он почти с меня, сороковой № обуви. У меня седая голова (я была совсем молодая — помните?), Рильковской второй внучке — почти десять лет (родилась после его смерти). (пр. 1 с.)

Ну, читайте. Здесь ответ — на все.

М. Ц.

*...Ich schrieb Dir heut ein ganzes Gedicht
zwischen den Weinhängeln, auf eines warmen
(leider noch nicht ständig durchwärmten)
Mauer sitzend und die Eidechsen festhaltend
mit seinem Aufklang.*

*Château de Muzot s/Sierre (Valais) Suisse
am 8. Juni 1926 (abends).*

ELEGIE FÜR MARINA

O die Verluste ins All, Marina, die stürzenden Sterne!
Wir vermehren es nicht, wohin wir uns werfen, zu welchem
Sterne hinzu! Im Ganzen ist immer schon alles gezählt.
So auch, wer fällt, vermindert die heilige Zahl nicht.
Jeder verzichtende Sturz stürzt in den Ursprung und heilt.
Wäre denn alles ein Spiel, Wechsel des Gleichen, Verschiebung,
nirgends ein Name und Kaum irgendwo heimisch Gewinn?
Wellen, Marina, wir Meer! Tiefem, Marina, wir Himmel!
Erde, Marina, wir Erde, wir tausendmal Frühling, wir Lerchen,
die ein ausbrechendes Lied in die Unsichtbarkeit wirft!
Wir beginnens als Jubel: schon übertrifft es uns völlig.

Plötzlich, unser Gewicht biegt zur Klage den Sang, abwärts.
Aber auch so: Klage? Wäre sie nicht jüngerer Jubel nach unten?
Auch die unteren Götter wollen gelobt sein, Marina.
So unschuldig sind Götter, sie warten auf Lob wie die Schüler.
Loben, du Liebe, lass uns verschwenden mit Lob.
Nichts gehört uns. Wir legen ein wenig die Hand um die Häuse
ungebrochener Blumen. Ich sah es am Nil, in Kom-Ombo:
s o, Marina, die Spende selber verzichtend, opfern die Könige.
Wie die Engel gehen und die Thüren bezeichnen jener zu Rettenden,
also rühren wir dies und dies, scheinbar Zärtliche, an.
Ach, wie weit schon Entrückte, ach, wie Zerstreute, Marina,
ach, noch beim innigsten Vorwand. Zeichengeber, sonst nichts.
Dieses leise Geschäft, wo es der Unsrigen einer
nicht mehr erträgt und sich zum Zugriff entschliesst,
racht sich und tötet. Denn dass es tödtliche Macht hat,
merkten wir alle seiner Verhaltung und Zahrtheit
und an der seltsamen Kraft, die uns aus Lebenden zu
Uferlebenden macht. Nichtsein: weisst Du's wie oft
trag uns ein blinder Befehl durch den eisigen Vorraum
neuer Geburt... Trug...: uns? – Einen Körper aus Augen,
unter zahllosen Liedern sich weigernd. Trug das in uns
niedergeworfene Herz eines ganzen Geschlechts. An ein Zugvogelziel
trug er die Gruppe, das Bild unserer schwebender Wandlung.
Liebende dürften, Marina, dürfen so viel nicht
von dem Untergang wissen. Müssen wie neu sein.
Erst ihr Grab ist alt, erst ihr Grab besinnt sich, verdunkelt
unter dem schluchzenden Baum. Besinnt sich auf Jeher.
Erst ihr Grab bricht ein; sie selber sind biegsam wie Ruthen,
was übermässig sie biegt, ründet sie reichlich zum Kranz.
Wie sie verwehen im Maiwind! Von der Mitte des Immer,
drin Du athmest und ahnst, schliesst sie der Augenblick aus.
(O wie begreif ich Dich, weibliche Blüthe am gleichen
unvergänglichen Strauch. Wie streu ich mich stark in die Nachtluft,
die dich nächstens bestreift). Frühe erlernten die Götter
hälften zu heucheln. Wir, in das Kresen bezogen,
füllten zum Ganzen uns an, wie die Scheibe des Monds.
Auch in abnehmender Frist, auch in den Wochen der Wendung,
niemand verhilfe uns je wieder zum Vollsein, als der
einsame eigene Gang über der schlaflosen Landschaft.

R.

(Geschrieben am 8. Juni 1926)

С Новым Годом, дорогая Анна Антоновна!

Вам эту дату пишу — первой.

Дай в нем Бог Вам и Августе Антоновне и всем, кого Вы любите, здоровья и успешной работы, и хороших бесед, и верных друзей.

Не поздравила Вас раньше потому что болела, обычный грипп, но при необычных обстоятельствах нашего дома — несколько затянувшийся. Но елка, все-таки, была, и Мурины подарки (благодаря Вашему, за который Вас горячо благодарю) — были. Получил книжки: „Les Contes de ma Grand-Mère“ (Жорж Занд) — „L'histoire merveilleuse de Peter Schlehmil“ во французском переводе самого Chamisso — кстати, был француз (эмигрант) — и себя на французский — переводил!! — и цветную лепку, из которой отлично лепит.

Я, как встала после гриппа, так сразу засела за переписку своей прозы — Мой Пушкин. *Мой Пушкин* — это Пушкин моего детства: тайных чтений головбй в шкафу, гимназической хрестоматии моего брата, к-ой я сразу завладела, и т. д. Получается очень *живая* вещь.

Не знаю — возьмут ли Совр. Записки, но во всяком случае буду эту вещь читать вслух на отдельном вечере.

Да, та „Dichterin“, о к-ой Рильке пишет Пастернаку — я. Я последняя радость Рильке, и последняя его *русская* радость, — его последняя Россия и дружба.

Как мне бы хотелось с Вами встретиться. Авдруг — в этом году?? Давайте — подумаем. А м. б. — и решим?? (пр. 7 с.)

Дорогая Анна Антоновна,

А меня Ваше письмо сердечно обрадовало: в нем все-таки есть надежды... Дрога — великая вещь, и только наш страх заставляет нас так держаться за обжитое и уже непереносное. Перемена ли квартиры, страны ли — тот же страх: как бы не было хуже, а ведь бывает — и лучше.

К путешествию у меня отношение сложное и думаю, что я *пешеход*, а не путешественник. Я люблю ходьбу, дорогу под ногами — а не из окна того или иного движущегося. Еще люблю *жить*, а не посетить, — случайно увидеть, а не осматривать. Кроме того, я с самой ранней молодости ездила с детьми и нянями: — какое уж путешествие! Для путешествия нужна духовная и физическая свобода *от*, тогда, м. б., оно — наслаждение. А я столько лет — 20, кажется — вместо паровоза везла на себе все свои мешки и тюки — что первое чувство от путешествия у меня — беда. Теперь, подводя итоги, могу сказать: я всю жизнь прожила — в неволе. И, как ни странно — в *вольной* неволе, ибо никто меня, в конце концов, не заставлял так все принимать всерьез, — это было в моей крови, в немецкой ее части (отец моей матери — Александр Данилович Мейн-Меуп — был русский остзейский немец, типа барона: светлый, голубоглазый, горбоносый, очень строгий... Меня, между прочим, сразу угадал — и любил).

... Но Вы едете — иначе. Ваше путешествие — *Pilgerschaft*, и в руках у Вас — *Wanderstab*, и окажетесь Вы еще в Иерусалиме (Небесном).

Паломник должен быть внутренне-одинок, только тогда он проникается всем. Мне в жизни не удалось — паломничество. (А помните *Kristin* — под старость лет — когда ее ругали мальчишки, а она, улыбаясь, вспоминала *своих* — когда были маленькими... Точно со мной было).

У меня три Пушкина: Стихи к Пушкину, которые совершенно не представляю себе чтобы кто-нибудь *осмеллся* читать, кроме меня. Страшно-резкие, страшно-вольные, ничего общего с канонизированным Пушкиным не имеющие, и всё имеющие — обратное канону. *Опасные* стихи. Отнесла их, для очистки совести, в редакцию Совр. Записок, но не сомневаюсь, что не возьмут — *не могут* взять. Они *внутренно* — революционны — так, как никогда не снилось тем, в России. Один пример:

Потусторонним:
Залем царей:
... А нецаревонный?
Мраморный сей,
Столь величавый
В золоте барм?

— Пушкинской славы
Жалкий жандарм.

Автора — хаял,
Рукопись — стриг.
Польского края —
Зверский мясник.
Зорче взглядыся
Не забывай:
Певцоубийца
Царь Николай
Первый.

Это месть поэта — за поэта. Ибо не держи Н.И. Пушкина на привязи — возле себя поближе — выпусти он его за границу — отпусти на все четыре стороны — он бы не был убит Дантэсом. Внутренний убийца — он.

Но не только такие стихи, а мятежные и помимо событий пушкинской жизни, внутренне — мятежные, с вызовом каждой строки. Они для чтения в Праге *не подойдут*, ибо они мой, поэта, единоличный вызов — лицемерам *тогда и теперь*. И ответственность за них должна быть — единоличная. (Меня после них могут просто выбросить из Совр. Записок и вообще — эмигранты). Написаны они в Медоне, в 1931 г. летом — я как раз тогда читала Щеголева: «Дуэль и Смерть Пушкина» и задыхалась от негодования.

Есть у меня проза — «Мой Пушкин» — но это мое раннее детство: Пушкин в детской — с поправкой: *в мой*. Ее я буду читать на отдельном вечере в конце февраля.

И есть, наконец, французские переводы вещей: Песня из Пира во время Чумы, Пророк, К няне, Для берегов отчизны дальней, К морю, Заклинание, Приметы — и еще целый ряд, которых никак и никуда не могу пристроить. Всюду — стена: «У нас уже есть переводы». (Прозой — и *ужасные*). Вчера на французском чествовании в Сорбонне, по отрывкам, читали *бог знает что*. Переводили — «очень милая барышня» или «такой-то господин с женой» — частные лица никакого отношения к поэзии не имеющие. Слоним мои переводы пред-

ложил проф. Мазону — Вы наверное знаете — бывает в Праге — так он: — *Mais nous avons déjà de très bonnes traductions des poèmes de Pouchkin, un de mes amis les a traduites avec sa femme...*

И это — профессор, и даже, кажется — светило.

Кончаю. Очень надеюсь на встречу. Вместе поедem в Версаль — там лучшее — *Petit Trianon*, весь заросший, заглохший, хватающий за душу. И в *Fontainebleau* — где *Cours des Adieux* (Наполеона с Францией). Хорошо бы — весной, и на подольше в Париж — устроиться можно дешево — даже в гостинице. Быт — легкий, есть всё на все цены. И весна в Париже — лучшее время. И — бог знает — что со мной будет потом...

Если есть более или менее реальные планы — в смысле времени и мест — пишите сразу. Хорошо бы начать с Франции.

Обнимаю Вас и всячески приветствую Вашу мечту... (пр. 4 с.)

№ 113

Ванв, 2-го мая,
первый день русской Пасхи

Христос Воскресе, дорогая Анна Антоновна! (Убеждена, что и Вы русскую Пасху считаете немножко своей). Несколько дней тому назад с огорчением увидела из Вашей приписочки, что Вы моего большого письма вскоре после Алиного отъезда с описанием его и предшествующих дней, не получили, — потому-то Вы говорите о моем долге молчания — а я как раз удивлялась, почему так долго молчите — Вы. Может быть дала кому-нибудь опустить в городе (от нас идет на-день дольше) — и человек протаскал или забыл в снятом пиджаке, — сейчас невозможно установить, ни восстановить, — с Алиного отъезда уже полтора месяца — уехала 15-го марта.

Повторю вкратце: получила паспорт, и даже — книжечкой (бывают и листки), и тут же принялась за обмундирование. Ей помогли — все: начиная от С. Я., который на нее истратился до нитки, и кончая моими приятельницами, из которых одна ее никогда не видала. (пр. 3 с.) У нее вдруг стало все: и шуба, и белье, и постельное белье, и часы, и чемоданы, и зажигалки — и все это лучшего качества,

и некоторые вещи — в огромном количестве. Несли до последней минуты, Маргарита Николаевна Лебедева (Вы м. б. помните ее по Праге, Воля России) с дочерью принесли ей на вокзал новый чемодан, полный вязаного шелкового белья и т. п. Я в жизни не видала столько новых вещей сразу. Это было настоящее приданое. Видя, что мне не угнаться, я скромно подарила ей ее давнюю мечту — собственный граммофон, для чего накануне поехала за тридевять земель на Marché aux Puces (живописное название здешней Сухаревки), весь рынок обойдя и все граммофоны переиспытала, наконец нашла — лучшей, англо-швейцарской марки, на манер чемодана, с чудесным звуком. В вагоне подарила ей последний подарок — серебряный браслет и брошку — камею и еще — крестик — на всякий случай. Отъезд был веселый — так только едут в свадебное путешествие, да и то не все. Она была вся в новом, очень элегантная, (пр. 1 с.) перебегала от одного к другому, болтала, шутила. (пр. 7 с.) Потом очень долго не писала... (пр. 2 с.) Потом начались и продолжают письма (пр. 5 с.)... Живет она у сестры С. Я., больной и лежачей, в крохотной, но отдельной, комнатке, у моей сестры (лучшего знатока английского на всю Москву) учится по английски. С кем проводит время, как его проводит — неизвестно. Первый заработок, сразу как приехала — 300 рублей, и всяческие перспективы работы по иллюстрации. Ясно одно: *очень* довольна... (пр. 22 с.)

... Вы спрашиваете о моей дружбе с Головиной. Она очень больна, месяцами не встает (я только раз видела ее на ногах), очень проста и человечна, (пр. 2 с.) очень ко мне привязана, неизменно мне радуется и ничего не требует. Она несравненно лучше своих стихов: ничего искусственного (простите за кляксу: пишу *style* старой системы: не *доглядывай* — *прольется*). Во многом --- ребенок. Город ее не испортил, но здоровье ее — сгубил. Не рассказывайте моего отзыва Бэму, а то он напишет ей, и получится, что я ее только жалею, а это — не совсем так, п. ч. и уважаю -- она совершенно лишена эгоизма, *никогда* не жалуется... (пр. 4 с.)

...Кончаю, п. ч. нужно идти на рынок. Приедете ли, дорогая Анна Антоновна, на выставку? Сделайте — все. Это — эпоха. (1900 г. по 1937 г.) Между этими датами — двух всемирных выставок — кончился один мир и начался новый. Я осталась в старом. (пр. 2 с.)

(пр. 13 с.) ... Была на выставке. Эти фигуры — работа женская. Сов. павильон похож на эти фигуры: *есть* — эти фигуры. А немецкий павильон есть крематорий плюс Wertheim. Первый *жизнь*, второй *смерть*, причем не моя жизнь и не моя смерть, но все же — *жизнь* и *смерть*. И всякий живой — так скажет. Видела 5 павильонов — на это ушло 4 часа — при чем на советский добрых два. Если интересно — обещаю написать подробно. (А, догадалась! Первый — жизнь, второй — мертвечина: мертвецкая.) Павильон не германский, а прусский и мог бы быть (кроме технических новоизобретений) в 1900 году. Не фигуры по стенам, а *идолы*. Кто строил и устраивал???

Неужели Вы не приедете на выставку? И неужели приедете — когда меня не будет? (Если уеду — то вначале июля до конца сентября. Есть надежда на Океан, который для меня — Мурино младенчество — и встречи с Рильке...). (пр. 2 с.)

От Али частые письма. Пока — работа эпизодическая, часто анонимная, но хорошо оплаченная, сейчас едет с сестрой С. Я. (с которой живет) в деревню, а осенью надеется на штатное место в Revue de Moscou. Очень довольна своей жизнью. Пишет, что скучает... (пр. 3 с.)

... Очень много нужно Вам написать, дорогая Анна Антоновна, но у меня срочная перебелка рукописи *Пушкин и Пугачев* для нового большого серьезного русск. журнала «Русские Записки» имеющего выходить в Шанхае. Если есть вид мариенбадского дома где жил Гете — пришлите! Хотелось бы также хороший его старый портрет. Пишите! Целую, всегда помню и всегда люблю. (пр. 2 с.)

Lacanau-Océan (Gironde)
Av. des Frères Estrade
Villa Coup de Roulis
16-го июля 1937 г.

Дорогая Анна Антоновна! Приветствую Вас с Океана. Мы здесь шестой день. (Мы: Мур и я, С. Я. приедет в августе). Это мое четвер-

тое море во Франции — из к-ых — третий океан, и вот скажу Вам, что каждый раз — разное. St. Gilles (Пастернак, Рильке, Мурины первые шаги) — рыбацкая деревня, Pontailac — курорт, La Favière — русский дачный морской поселок, и наконец, Lacanau-Océan — пустыня: пустыня берега, пустыня океана. Здесь сто лет назад не жил никто. Место было совсем дикое, редкие жители — из-за болот — ходили на ходулях. И что-то от этого — не от ходуль, а от дикости — осталось. Здесь, напр., ни одного рыбака, ни одной лодки — и ни одной рыбы. Просто — нет. В Фавьере — ловили, но не продавали, здесь — просто не ловят. Странно? Но — так.

Поселок новый, постоянных жителей — несколько семей, остальные — сдают и живут только летом. Огромный, безмерный пляж, с огромными, в отлив, отмелями. И огромный сосновый лес — весь сáженный: сосна привилась и высушила болота. (Но и болота-то — странные: на песчаных дюнах, даже трудно верить). Во всем лесу (100 кил.) одна (цементированная) тропинка: песок — дорог не держит, следов не держит. Неподалеку (уже ходили) пресное озеро — откуда?! Там старый, старый старик пас стадо черных коров с помощью одноглазой собаки. Там я впервые увидела траву и чуть-чуть земли. Здесь земли нет совсем.

Живем мы в маленьком (комната, кухня, терраска) отдельном домике, в маленьком песчаном садике, в 5 мин. от моря. Домик чистый и уже немолодой, все есть, мебель деревенская и староватая: все то, что я люблю. Хозяев — они же владельцы единственного пляжного кафэ — почти не видим: уходят утром, приходят ночью... (пр. 5 с.)

... Дачников, пока, довольно мало — главный съезд в августе — общий тон очень скромный: семьи с детьми, — никаких потрясающих пижам, никакой пляжной пошлости. *Хорошее* место — только если бы рыба!

Купанье — волны. Плавать почти нельзя. Оно мелкое, постепенное. За два дня было целых три утопленника, к-ых всех троих спас русский maître-pageur, юноша 21-го года, филолог-японовед. В прошлом году он спас целых 22 человека. Люди не умеющие плавать заходят по горло в воду и при первой волне — тонут. А волны непрерывные и сильные: здесь не залив, а совершенно открытое море.

Прочла (здесь уже) Sigrid Undset — „Ida-Elisabeth“. Первое разочарование: Ida. Правда — пустое, дамское, лже-поэтическое и не старинное, а старомодное — имя? (Что́ бы: *Anna-Elisabeth!*) А дальше и разочарования не было, п. ч. я *знала*, что 1. второй Kristin ни ей, ни мне, никому не написать, 2. читала Jenny и не полюбила. Ей (Ундсет) дано только (!!!) прошлое, гений только на прошлое. Кто *эта* Ida-Elisabeth? Что в ней такого, чтобы Undset о ней писать, а нам читать — 500 стр.? Где-то она сама о себе говорит, что она Durchschnittmensch. Durchschnittmensch — и есть. Никакой личности, никакого очарования, — *только* хорошее поведение. Этого — для героини — мало. И дети бесконечно лучше даны в Kristin, чем здесь. Хороша, конечно, природа, но мне — как в жизни — в ней мешают Auto и Moto: ее героиня пол-книги ездит на автомобиле.

С нетерпением жду *Вашей* оценки, дорогая Анна Антоновна: читая, все время о Вас думала: на Вас оглядывалась.

Но я все-таки никогда не думала, что Undset способна на *скудную* книгу!!!

А вот С. Лагерлеф — *неспособна*. Какая улада — после Ida-Elisabeth — ее Marbacka: их трехсотлетняя родовая усадьба, где она родилась и выросла, к-ую пришлось продать и к-ую она потом, уже пожилая, выкупила: дом и сад. Если читали — напишите, если не читали — прочтите, тут же, летом. И подумайте, что ей 80 лет!

Пишу свою Сонечку. Это было женское существо, которое я больше всего на свете любила. М. б. — больше *всех* существ (мужских и женских). Узнала от Али, что она умерла — «когда прилетели Челюскинцы». И вот теперь — пишу. Моя Сонечка должна остаться. Было это весной-летом 1919 г. Без малого — 20 лет назад! (Уехала я в 1922 г. А из Чехии — в 1925 г. Боже! *Как годы летят!*)

Эпиграф к моей Сонечке, из V. Hugo:

Elle était pâle – et pourtant rose,
Petite – avec de grands cheveux...

(пр. 12 с.)

Нет, дорогая Анна Антоновна, я Вам писала последняя, и очевидно письмо пропало, странствуя вслед за Вами — в этом письме было прибытие к нам испанского республиканского корабля — беженцев из Сангандера, и день проведенный с испанцем, ни слова не зная по франц., как я — по испански, — в оживленной беседе, в которую вошло решительно — все. Теперь друг — на всю жизнь.

20-го мы вернулись, а следующий за нами поезд, которым мы чуть-чуть не поехали, потерпел крушение: были стерты в порошок два вагона — п. ч. — деревянные. А мы тоже ехали в деревянном, я раньше и не разбираюла.

Странно (верней — не странно), я как раз вчера вечером купила заграничную марку — писать Вам, а нынче утром — Ваше письмо. Я чувствовала, что Вы моего испанского не получили, — Вы никогда так долго не молчите.

Все лето писала свою Сонечку — повесть о подруге, недавно умершей в России. Даже трудно сказать «подруге» — это просто была *любовь* — в женском образе, я в жизни никого так не любила — как ее. Это было весной 1919 г. — это была весна 1919 г. И с тех пор все спало — жило внутри — и весть о смерти всколыхнула все глубины, а м. б. я спустилась в свой тот вечный колодед, где все всегда — живо. Словом, это лето я прожила с ней и в ней, и нынче как раз поставила последнюю точку. Писала все утра, а слышала, слушала ее внутри себя — целый день... (пр. 3 с.)

... Вышла большая повесть: 230 моих рукописных страниц. Пойдет (тьфу, тьфу, не сглазить) в новом русском шанхайском журнале «Русские Записки», где мне, пока-что, дают полную волю.

Ничего другого не писала, только письма. (пр. 14 с.)

... Нет, дорогая Анна Антоновна, не хочу быть для Вас ни идей, ни видением: если бы Вы знали, насколько я *жива*. Даже загнанная в невылазную щель *быта*.

... Сплошная обида: так часто люди ездят в Прагу — «съездил в Прагу», «неделя как вернулся из Праги», и — только я не могу, п. ч. у меня никогда не будет таких денег. (Откуда — у них? Должно быть — какие-нибудь казенные, общественные, кому-то нужно, чтобы

такой-то ехал в Прагу, — и никому не нужно, чтобы ехала — я: только мне одной!) — Видела в кинематографе похороны Масарика: его строгий замок, его белую бедную комнату с железной кроватью, — сопровождающие факелы — стражу у гроба, с молодыми прекрасными лицами, — плачущий народ... И его — в гробу. *Орлиное* лицо... (пр. 16 с.)

... Читали ли Вы Pearl Buck:

1. La Terre Chinoise
2. Les Fils de Wan-Lung
3. La Famille dispersée

Она дочь амер. миссионера, родившегося в Китае.

Да, еще *замечательная* ее книга: *Mère*.

№ 117

Вань, 17-го ноября 1937 г.
(пр. 64 с.)

№ 118

Вань, 3-го января 1938 г.

С Новым Годом, дорогая Анна Антоновна, и с прошедшими праздниками, с которыми я Вас, увы, не поздравила, хотя непрерывно о Вас думала, особенно под нашей маленькой елочкой, верней сказать — *над!* На ней еще чешские *настоящие* елочные шишки — из вшенорских лесов: само-вызолоченные!... (пр. 8 с.)

... Это моя последняя зима в этом доме, в к-ом мы живем без малого четыре года и который я, несмотря на все, а верней — смотря на все *вокруг*, мой каштан, Мурину бузину, неизвестно — чьи огороды — люблю и буду любить — пока жива буду. (Как все, что когда-либо любила). У меня сильнейшее чувство благодарности к «неодушевленным» предметам.

Жизнь идет тихо, Мур учится с учителем, учится средне, п. ч. — скучно: одному, без товарищей, без перерыва *игры*, и учитель — скучный: честный, исполнительный, но из русских немцев и неопишимо-однообразный. Но это все-таки лучше чем полная незанятость. А я — не могу: из-за печей, и мелочей, и кухни, в к-ой мороз и в к-ой про-

вожу пол-дня, а мне кажется, я всякого — всему — выучу, особенно — тому, что мне самой — трудно, п. ч. я отлично понимаю, как можно *не понимать*. И потому что *каждое* дело — делаю *со страстью* . . . (пр. 13 с.)

№ 119

Ванв, 7-го февраля 1938 г.

— мне все еще хочется писать 1937 — люблю эту цифру — любимую цифру Рильке —

(пр. 15 с.) . . . За всю эту зиму не написала — ничего. Конечно — трудная жизнь, но когда она была легкая? Но просто нет душевного (главного и единственного) покоя, есть — обратное.

(Простите за скучные открытки: такие торжественные здания — *всегда* скучные, но сейчас ничего другого нет под рукой, а на письмо я неспособна).

Утешаюсь погодой: сияющей, милостивой, совсем не зимней, мы уже две недели не топим: лучше сносный холод, чем этот (мелкий, жалкий!) ад. А на улице просто — расцветаю, хотя смешно так говорить о себе, особенно мне — сейчас: я самое далекое, что есть — от цветка. (Впрочем, и 16-ти лет им не была — и не хотела быть. Тогда же — стихи:

Это были годы роста:
Рост — жесток.
Я не расцвела просто —
Как цветок.

Это — в 16 лет! Умная была, но не очень счастливая. —)

Утешюсь еще Давидом Копперфильдом (*какая книга!*) и записками Mistress Abel — бывшей маленькой Бетси Балькомб — о Наполеоне на Св. Елене: она была его *последней* улыбкой . . . (пр. 6 с.)

№ 120

Ванв, 23-го мая 1938 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Думаю о Вас непрерывно — и тоскую, и болею, и негодную — и *надеюсь* — с Вами.

Я Чехию чувствую свободным духом, над которым не властны — тела.

А в личном порядке я чувствую ее *своей* страной, *родной* страной, за все поступки которой — отвечаю и под которыми — заранее под-писываюсь.

Ужасное время.

Я все еще погружена в рукописную работу, под которой — иногда — погибаю. Поэтому так долго не писала. Но думала — каж-дый день.

Сейчас 6 ч. утра, пишу в кухне, за единственным столом, могу-щим вместить 8 корректур сразу. Из кухни не выхожу: не рукописи — так обед, не обед — так стирка, и т. д. Весны в этом году еще не ви-дела. (пр. 4 с.)

№ 121

Шартр, 5-го августа 1938 г.
(пр. 5 с.)

№ 122

Paris 15-me,
32, Boulevard Pasteur,
Hôtel Innova, ch. 36
24-го сентября 1938 г.

Дорогая Анна Антоновна,
Нет слов, но они должны быть.

— Передо мной лежит Ваша открыточка: белые здания в чер-ных елках — чешская Силезия. Отправлена она 19-го августа, а дошла до меня только нынче, 24-го сентября — между этими датами — всё безумие и всё преступление.

День и ночь, день и ночь думаю о Чехии, живу в ней, с ней и ею, чувствую изнутри нее: ее лесов и сердец. Вся Чехия сейчас одно огром-ное человеческое сердце, бьющееся только одним: тем же, чем и мое.

Глубочайшее чувство опозоренности за Францию, но это *не Франция*: вижу и слышу на улицах и площадях: вся настоящая Фран-

ция — и *тѣлы и лбы* — за Чехию и *против* себя. Так это дело не кончигся.

Вчера, когда я на улице прочла про генерала Faucher — у меня слезы хлынули: наконец-то!

До последней минуты и в самую последнюю верю — и буду верить — в Россию: в верность *ее* руки. Россия Чехию сожрать *не даст*: попомните мое слово. Да и насчет Франции у меня сегодня великие — и радостные — сомнения: не те времена, чтобы несколько слепцов (один, два — и обчелся) вели целый народ — зрячих. Не говоря уже о позоре, который народ на себя принять *не хочет*. С каждым часом негодование сильней: вчера наше жалкое Issy (последнее предместье, в котором мы жили) выслало на улицу четыре тысячи манифестантов. А нынче будет — сорок — и кончится громовым скандалом и полным переворотом. Еще ничто не поздно: ничего не кончилось, — все только начинается, ибо французский народ — часу не теряя — спохватился еще до событий. Почитайте газеты — левые и сейчас единственно-праведные, под каждым словом которых о Чехии подписываюсь обеими руками — ибо я их писала, изнутри лба и со-вести.

А теперь — возьмите следующую страничку и читайте:

Nous sommes un peuple qui devant le tyran jamais ne s'est courbé
Et qui jamais n'a accepté d'être conduit par un homme injuste.
Nous avons conquis la gloire à la pointe de nos lances.
Notre voisin est respecté, et qui vit sous notre égide ne craint rien.
De nos pères nous avons hérité de solides épées
Qui seules représentent leurs testaments.
Qui veut nous résister, qu'il résiste; et qui veut nous céder, qu'il cède.
Nous distinguons la bonne et la mauvaise monnaie.

(El Korayz ibn Onayf)

On nous blâme de ce que nous ne soyons pas nombreux.
Je leur réponds: Petit est le nombre des héros!
Mais ils ne sont pas en petit nombre ceux qui sont représentés
Par des jeunes gens qui montent à l'assaut de la gloire –
Et d'être peu nombreux ne nous nuit guère.
Nous avons une montagne qui abrite ceux que nous protégeons,
Inexpugnable, qui fait baisser les yeux de fatigue.

Sa base repose profondément dans la Terre
Et sa cime s'élève superbe jusqu'aux étoiles.
Notre race est pure, sans mélange, issue
De femmes nobles et de héros.
Nous sommes comme l'eau des nuages: utiles
A nos semblables: il n'est point d'avares parmi nous.
Nous donnons un démenti aux paroles d'autrui
Et personne ne peut démentir notre dire.
Si un d'entre nous vient à périr, un autre se lève
Eloquent, mettant en action les propos des âmes hautes.
Notre feu est toujours allumé pour accueillir le voyageur
Et jamais hôte n'eut à se plaindre de notre hospitalité.
(El Samaoual)

Qui dispense ses biens pour préserver sa gloire
La préserve, et qui ne répudie pas l'insulte, et insulté;
Qui est fidèle à son serment ne saurait être jugé,
Qui n'honore pas son âme, ne peut être honoré!
Qui ne protège pas son champ par les armes, est perdu.
La langue et le coeur, l'homme est fait de ces deux moitiés.
Le reste, chair et sang, n'est qu'une image.

Si tu es atteint par le malheur
Revêts-toi de patience – cela est plus digne.
Surtout garde-toi de te plaindre à tes semblables.
Ainsi tu te plaindrais du Dieu de la miséricorde –
à des gens sans miséricorde!

Si la fortune te combat – prends patience,
Car la fortune n'a pas de patience.

Prends courage. Jusqu'au dernier souffle de ta vie
Cache aux ennemis ton découragement.
La joie de tes ennemis est de te voir bas et las,
Mais ils sont dans la tristesse à te savoir patient.

C'est un temps difficile – mais il sera suivi par l'abondance.
C'est un malheur – il sera suivi d'une joie prochaine.
Réfléchis: un chagrin qui doit passer
Vaut mieux qu'un bonheur qui ne peut pas durer.

Si le malheur te frappe encore, de façon
A rendre vains tes malheurs passés,
Et si après cela de nouveaux malheurs arrivent
Qui te font prendre en horreur la vie –
Espere!
Car tes malheurs touchent à leur fin.

Hier m'a fait pleurer.
Aujourd'hui je pleure hier.

Это — арабская поэзия, чистым случаем попавшая мне в руки —
в *нужную* минуту. Все это сказано больше тысячи лет назад.

Хочу знать о Вас и страстно жду весточки. Если бы события нас
разъединили — говорю на всякий *невозможный* случай — знайте, что
Вы — *всегда* со мной — но знайте еще, что я *всё сделаю*, чтобы и наша
внешняя связь не порвалась.

Обнимаю Вас и в Вашем лице — всю мою родную Чехию: «mit
dem heimatischen «prosim» – (Rilke).

М.

Мне сейчас — стыдно жить.
И всем сейчас — стыдно жить.
А так как *в стыде* жить нельзя...

— Верьте в Россию!

Р. С. Полгода назад — здешний ясновидящий Pascal Fortuny —
старинный и старомодный старичок с белой бородой — профессор —
подошедши ко мне, севшей нарочно подальше, поглубже — сказал:

– Je Vous vois dans une ville ancienne... Beaucoup d'eau... beau-
coup d'eau... Vous êtes sur un pont – avec des statues... pour ainsi dire...
flottantes... Et je vois un crucifix, un très grand crucifix...

– J'ai bien été à Prague, Monsieur, mais beaucoup d'eau s'est é'coulé
sous le Karlov Most depuis que je m'y suis accoudée pour la dernière fois...

Теперь я поняла: он просто видел — будущее. (А тогда я обиде-
лась за моего рыцаря — что *его не помянул!* Обнимите его за меня!)

Дорогая Анна Антоновна!

Дней 8—10 назад отправила Вам большое письмо, но не знаю, дошло ли: в нем были арабские стихи (по французски) о великом, свободном, верном слову, народе. Повторю вкратце: Чехия для меня сейчас — среди стран — единственный человек. Все другие — волки и лисы, а медведь, к сожалению — далёк. Но — будем надеяться, надеюсь — твердо.

Лучшая Франция: толпы и лбы — думают и чувствуют, как я, а те, что *поступают* — ничего не чувствуют и — мало думают.

Бесконечно люблю Чехию и бесконечно ей благодарна, но не хочу *плакать* над ней (над здоровым не плачут, а она, среди стран — единственная здоровая, больны — те!), итак, не хочу плакать над ней, а хочу *ее петь*.

Мне бесконечно жаль, что у меня нет ни одного отличия, чтобы сейчас их вернуть: швырнуть.

Нынче, среди бесчисленного списка протестующих, с радостью и даже со счастьем прочла имена François Joliot и Igène Curie, тех, что в этом темном мире продолжают светлейшее и труднейшее дело радия. (Madame Curie, открывшая радий, мать нынешней, сама родилась в угнетенной, затемнённой стране, что не помешало ей — осветить весь мир — а может быть и *заставило*. Наравне с радием она любила родину. И свободу). Прочтите книгу о ней ее дочери: Evá Curie — Madame Curie, лучший памятник дочерней любви и человеческого восхищения.

Жду весточки. Поскорее. Надеюсь, что скоро начнут ходить настоящие письма. Получила письмо от Али: вспоминает детство, дремучие леса, игру Вашей мамы, Вас с сестрой, кота Муцика.

Обнимаю Вас от всей души и жду, жду, жду — хотя бы нескольких слов. Ваша открытка из темных лесов — последнее.

М.

Штемпель: CENSUROVÁNO

Дорогая Анна Антоновна! Ваша открытка — большая радость, переписала ее Але. Счастлива знать, что хоть немножко ободрила Вас в Вашем семейном горе, которому сочувствуют все мои близкие, все когда-либо подошедшие к Вашей семье. Недавно, в кинематографе, я так живо вспомнила Вас и Ваших: секундное видение города — такой красоты, что я просто рот раскрыла (не хватило глаз!). Ряд мостов — где то среди них — мой, с Рыцарем — точно ряд радуг — меня просто обожгло — красотой! Подпись: Прага. И я подумала: чтобы любить город, нужно никого в нем не любить, не иметь в нем любви, кроме него: *его* любить — тогда и поллюбишь, и напишешь. («Любить» беру: неразумно, безумно — любить). Вы для меня — настоящее лицо Вашего города. (А помните уроки вязания при лунном свете у лесничего? Я — помню...)

Читаю сейчас книжку «По золотой тропе», надписанную: «Дорогая М. И., мне очень хотелось посвятить Вам эту книгу» — декабрь 1928 г.: 10 лет (вечность!) назад. Книга, как всё этого автора — легкомысленная: слишком много любил, кроме этой «золотой тропы», но все-таки — ландшафты, имена, кусочки истории, кусочки жизни... Не знаете ли Вы какой-нибудь другой вещи — в этом роде, но лучше — где бы и история, и география, и *легенды* — лучше всего: книга для юношества, хорошо бы — с картинками, можно, в кр. случае, и на чешском: со словарем — справлюсь. Вроде: Родной край, для больших детей, мне это бы очень пригодилось для одной моей литературной мечты. И еще просьба: страстная: пришлите мне *большое* изображение моего Рыцаря, другое — города, снятого с Градчан, — чтобы *весь город*, с рекой и мостами, а м. б. можно и с *Градчанами*? Словом, Вам виднее, но не снимок с картины и не цветное, а хорошую точную фотографию. Эти два изображения следовали бы за мной повсюду, как та каменная пряжа из Шартрского собора: уже 500 лет — в живом солнечном луче — сидит и прядет...

Вы мне однажды — тоже десять лет назад! — уже посылали Рыцаря (большого, во весь рост), но у меня его тогда вымолил покойный Н. П. Гронский, и я сейчас давно уже — и тщетно — ищу

его следов. (Часть вещей взяла мать, часть — отец, часть — сестра, часть — друзья...) Я бы хотела с *очень ясным* лицом, чтобы видны были черты и чтобы сам он был большой: поменьше фону и побольше его: *большую* фигуру. — Если мыслимо. — Очень, очень буду счастлива: заветная мечта, здесь — неосуществимая. И — поскорее!

О, как я скучаю по Праге и зачем я оттуда уехала?! Думала — на две недели, а вышло — 13 лет. 1-го ноября будет ровно 13 лет, как мы: Аля, Мур, я — въехали в Париж. Мур был в Вашем голубом, медвежьем, вязаном костюме и таком же колпачке. Было ему — ровно — день в день — 9 месяцев. — Тринадцать лет назад. Обнимаю Вас и сестру, всегда и во всем — с Вами. Сердечный привет от Мура.

М.

Рыцаря — тоже фотографию, не снимок с картины!!!

Штемпель: CENSUROVÁNO

№ 125

Hôtel Innova,
10-го ноября 1938 г.

Дорогая Анна Антоновна! Все получила — и книгу и открытку. Книга — чудесная, как раз то, что мне нужно, и бесконечно Вам за нее благодарна, не расстанусь с ней никогда. Здесь, кстати, на днях пойдет пьеса Карла Чапека к театре Rideau de Paris, и, как Вы наверное знаете, ведется лучшей частью интеллигенции горячая кампания за присуждение ему нобелевской премии, есть подпись Joliot-Curie (обоих, неизменно присущая под всяким правым делом: они для меня, некий барометр правды). О Рыцаре не беспокойтесь: пришлите мне, если есть простую открытку, где он возможно крушнее и яснее, чтобы можно было увеличить, это мне сделают, и будет у меня *большой* Рыцарь. Только не туманную (художественную), а простую фотографию, по возможности face. Очень рада, что дошло мое большое пись-

мо, арабские стихи остаются в силе. А вот еще одна хорошая строка, из Мистралья: — *Croire mère à la victoire!* — и прочла я ее в печер того дня, утром которого кому-то сказала: — «Я даже не выношу, чтобы ее жалели, *только* верили!» и вдруг, у Мистралья (читаю в переводе: писал на провансальском) этот возглас. Книгу показываю всем друзьям, и даже недрузьям, и даже недрузья — чувствуют. А на другом языке я бы сейчас ее и читать не стала. Я тоже (в первый раз в жизни!) читаю все газеты, и первый вопрос, утром, Муру, приходящему с газетой: — А что с Чехией? Вижу ее часто в кинематографе, к сожалению — слишком коротко, и стараюсь понять: что за стенами домов — таких старых, таких испытанных, столько издавших — и перестоявших. А в магазинах (*Uni-Prix*), когда что-нибудь нужно, рука неизменно тянется — к чешскому: будь то эмалированная кружка или деревянные пуговицы, т. е. : сначала понравится, а потом, на обороте: „*Made in Tchecoslovaquie*“. Вот и сейчас пью из такой эмалир. кружки. И недавно, у знакомой выменяла кожаный кошелек, на кортонную коробочку для булавок, с вытесненной надписью: *Praha, Václavské nám. u Musea*. Всё это, конечно, чепуха, но такую чепухой любовь — живет. Если бы я могла, у меня все бы было — чешское. Вы пишете о прохладности друзей — о 20ти годах дружбы — эх! — Я давно отказалась понять других: *всё по другому*, не с чего начать. Напр., вдова недавно умершего русск. писателя, живущая только им, не едет 1-го и 2-го ноября на кладбище, п. ч. очереди на автобус, и ее могила в эти дни, когда у всех гости, остается — одна. Потому что трудно сесть на автобус. Убейте — не пойму. Любовь — дело, кто только чувствует — не любит: любит — свои чувства.

Что мне Вам прислать отсюда, дорогая Анна Антоновна? П. ч. изредка бывают оказии. Есть чудесные книги: Шартр, Реймс, раннее средневековье: не читать: только глядеть. Но м. б. у Вас есть какое-нибудь предпочтение? Отзовитесь непременно. И знайте, что из Ваших русских друзей я все эти месяцы от Вас не выходила.

О себе: живу как во сне, почти не пишу: почти все пришлось раздать по рукам — и руки опускаются. „*Et pourtant il y avait quelque chose — là!*“ (А. Шенье, указывая на лоб). Потом поймете. — Читаю сейчас, первый раз в жизни, полную Хижину дяди Тома: отличная книга, мужественная и — вполне современная. Прочла *Le*

J. Süß — Фейхтвангера: тоже современно. Все обиды — стары как мир... (пр. 6 с.)

...Целую Вас крепко и бесконечно благодарна за чудесную книгу о чудной стране. Пишите!

М. Ц.

№ 126

Hôtel Innova
24-го ноября 1938 г.

Дорогая Анна Антоновна! Вот — стихи. Пометка к третьему стихотворению (если неясно): — Есть в груди народов — язва: *нам* убит! То-есть народы *эту* беду оплакивают — как свою, ибо радости от этой беды не будет *ни одному народу*: только — лицам. И не только *как свою* (оплакивают) — и как *свою будущую*, если не... Но отсутствие выводов не только свойство народов и народа, а и так называемых «культурных людей». — «Какой ужас — опять отобрали 60 поселков...» «Какой ужас с евреями!»... «Какой ужас — вместо 65 сант. — марки. — 90 сантимов!» И все — «ужас», а *почему* все эти ужасы, и почему они все вместе — никто (из моего окружения: культурного: пишущего) не хочет понять — и даже вопроса не ставит — слишком боясь услышать *ответ*. Все это то же малодушие, и косность, и *жизн* (или — тяга к нему!) — которые сделали то — что сделано. Я в цельности и зрячести своего негодования — совершенно одинока. Я не хочу, чтобы всех их — жалели: нельзя жалеть живого, зарытого в яму: нужно живого — выкопать, а зарывшего — положить. Такая жалость — откупиться. — «Какой ужас!» — нет, ты мне скажи — *какой* ужас, и, поняв, уйди от тех, кто его делают или ему сочувствуют. А то: — «Да, ужасно, бедная Прага», а оказывается — роман с черносотенцем, только и мечтающим вернуться к себе с чужими штыками или — просто пудрит нос (дама), а господин продолжает читать Возрождение и жать руку — чорт знает кому. В лучшем случае — слабоумие, но видя, как все отлично умеют устраивать *свои* дела, как отлично *в них* разбираются — не верю в этот «лучший случай». Просто — lâchez: то, что (нынешним) миром движет.

Я вчера — после очень долгого промежутка — виделась с М. Л.,

и мы во всем с ним спелись. Но такие беседы — раз в год, а «жить» мне приходится — с такими другими! Вернее — живу одна, с собой, с другими — не живу: или бьюсь о них лбом — как об стену — или молчу. Я думаю, что худшая болезнь души — корысть. И страх. Корысть и страх.

Теперь, дорогая Анна Антоновна, большая просьба: 1. напишите мне, где именно, в точности, у Вас добывается радий? М. Л. назвал Иохимов — но это наверное город? Назвал еще — отроги Крконош, но м. б. у этих отрогов есть какое-нб особое, *местное* имя? (Здесь, в Савойе, напр., у каждой горы есть имя, кроме собирательного: у каждой вершины). Где в точности, в *какой горе* добывается радий? Мне это срочно нужно для стихов. И дайте немножко ландшафт. Я помню — в Праге был франц. лицей, как бы мне хотелось чешскую (природную) географию для старших классов, со всеми названиями горных пород и земных слоев — и такую же историю. Два учебника — по возможности по французски, но если — нет, постараюсь понять и по чешски, куплю словарь. Я помню — в разговорах Гете с Эккерманом — целый *словарь* горных пород! а дело ведь было в Богемии.

И еще просьба: дайте прочесть мои стихи чешским поэтам, и вообще своим друзьям — чтобы знали — что есть один бывший чешский гость, который добра — *не забыл*.

Еще одна просьба: безумно хочу ожерелье (длинное) из богемского *дымчатого* (*не белого!*) хрустала, гранёного. Узнайте, сколько такое стоит: не вокруг шеи, а чтобы лежало на груди, т. е. длинное граненое, дымчатое, по возможности из круглых и крупных бус (бывают „*moderne*“ — какие-то кривые, я их не люблю), и я тогда Вам вышлю нужную сумму с оказией, а Вы мне его пошлете — *échantillon recommandé* (не знаю как по чешски). *Очень* прошу Вас! Хотелось бы, чтобы все бусы были одной величины, не: на шее крохотные, потом больше, потом громадные, но если одинаковой величины *не делают*, то узнайте мне и цену постепенного — *лучшего*. (Помню, в Москве, на Кузнецком мосту: *Богемский хрусталь графа Гарраха.*) — Пишу Вам под звуки торжественного марша в честь парижского почетного гостя Чемберлена, в данную минуту входящего в Hôtel de Ville. Ему сейчас подносят 2 тома „*La Ville de Paris*“, переплетенных каким-то знаменитым мастером, с золотом вытесненной подходя-

щей надписью — как Александру I на Венском Конгрессе — Ч. вошел: „J'ai peine à me représenter que ce grand vieillard qui est en train de distribuer des sourires pleins de bonhomie a pu tenir dans ses mains fragiles le sort de millions et de millions d'êtres... (точные слова спикера)... Описание чая и сандвичей — и огромного роста лорда Галифакса — и „la fine fleur de l'aristocratie française, qui est venue ici pour faire honneur à nos hôtes — их платьев и фраков — sous la lumière crue des lustres. — Музыка (довольно легкомысленная). Спикер объясняет: ария из оперетки — „Une tasse de thé — prise dans l'intimité“ — и уточняет: c'est du thé du Ceylan.

Встречать миротворца — арией из оперетки — такого бы и романист — и юморист — не придумал! Но м. б. они здесь снизошли к его возрасту! полагая, что *такому* старику всё, кроме оперетки, уже трудно. Начались речи. „Madame, j'aurais voulu que tout Paris...“ (Это он жене говорит. Что он „touché jusqu'aux larmes“ и благодарит ее за „sourire“ Это — Prevost de Launey). „L'homme d'Etat et l'homme de coeur qui avec la collaboration de notre Chef d'Etat et de son premier Ministre a su conjurer les horreurs de la guerre... Vous avez fait dans l'histoire une entrée impérissable... Pour avoir conçu et réussi une telle entreprise il a fallu être le continuateur de *d'Israeli* (!!! — еврейские погромы) et de Gladstone... M. le Premier Ministre est issu du même terroir que notre Duguesclin... Je suis sûr, M. le M., d'exprimer les sentiments de tous les Parisiens, de toutes nos provinces et de toute la France... (Говорил — Président du Conseil Municipal). Теперь — другой — не успеваю записывать, но приводится фраза самого Ч., что без „dignité morale la vie ne vaut pas être vécue...“ Теперь говорит — по французски, к-го не знает — сам Ч.: „Qu'il me soit permis d'exprimer ma profonde gratitude pour la réception que m'a faite Votre belle capitale...“ — „je suis sûr que cette conviction est partagée par tous les peuples du monde... Ma tâche est noble et mérite tous nos efforts...“ (Conviction — что сделанное им дело — единственное правильное) ... „Je pense — comme nos amis du Figaro...“ (допотопная газета, к-ую читают только vieux rentiers и к-ая вызывает только юмор). Словом, говорил старый благодушный господин, неспособный и мухи обидеть: *пребывший* первый ученик. Рукоплескания были — иначе не скажу — круглые: как портфели рукоплещущих. Вот бы Вашему Чапеку — жи-

вошпсать эту встречу: иллиуминировашный Hôtel de Ville — председа-
тель с лентой — дамы в голон и мужчины в черном — никого из парод-
да: ни одного из целого народа — благодарность — от имени этого
(недопущенного) народа за... услугу — другому народу — отвстная,
паизустная речь на языке, которого не знает — марш и чай — оперет-
ка и сандвичи — и — моравская хата, новый пограничный столб, вся
мрачность ноябрьской ночи...

... Но другое: на Лионском вокз. — 100 арестов и отаянная драка,
а перед зданием англ. посольства женская англ. толпа кричала: Да
здравствуют Черчилль и Идэн! И было столько свистков и улюлюканий
по дороге с Лионского вокз. в посольство, что пришлось прекратить
радио-репортаж, но слушавшие — слышали. Нет! Французский на-
род — не при чем, и скажите это всем. Ведь и Наполеону изменили мар-
шалы (задáренные!), а не гренадеры, собственная жена, а не troisième
bergerse его сына, приславшая ему на Св. Елену — под видом *своих*
(седых!) волос собственному сыну: слуге Наполеона — золотую прядь
его сына. Les humbles — *всегда* верны, и всегда верно видят и судят.
Ваша страна была (и вновь будет) страна этих *humbles*, где им были
даны — *все права*, где решали — они. И за это я *Вашу* страну — люблю
и чту — больше всех стран на свете. Вы не лили крови. Вы только —
на всех полях — *лили свою*.

Я думаю, Чехия — мое первое такое горе. Россия была слишком
велика, а я — слышком молода. Горюю и о том, что я и для той Чехии
была слишком молода: еще слышком была занята людьми, еще чего-то
от них ждала, еще чего-то хотела, кроме — страны: кроме Рыцаря
и деревьев, что в Карловом Тыну́, глядя из окна на море вершин —
еще чего-то хотела — кроме. И — тринадцать лет спустя — нет, уже
пятнадцать! — скажу, что лучшее в Праге было — Рыцарь, а в Карло-
вом Тыну — не мой юный спутник (к-го давно забыла!) а — сам старый
Тын. — Un cas délicat se posera d'ailleurs aux autorités policières. Devant
l'ambassade se trouvait un groupe d'Anglais qui n'accueillirent pas les
Ministres avec des cyclamens mauves, comme l'avaient fait quelques dames
françaises dix minutes avant, sur le quai de la gare, mais avec les cris:
„Vive Iden! Vive Churchill!“

Кончаю — вместе с листом. Вопросы: гора радия 2. главный:
пришлите мне поскорее и чешский текст и *дословный* перевод «Где

мой дом» — *весь текст* 3. учебник физической географии и истории 4. цену дымчатого хрустального ожерелья, самого лучшего. (Книгавионом не посылайте: дорого, буду ждать сколько угодно). Нашшите как понравились стихи. Писала их — потоком: они сами себя писали. Обнимаю и всегда помню.

М.
(пр. 1 с.)

СТИХИ К ЧЕХИИ

1.

Полон и просторен
Край. Одно лишь горе:
Нет у чехов — моря.
Стало чехам — море —

Слез: не надо соли!
Запаслись на годы!
Триста лет неволи:
Двадцать лет свободы.

Не бездельной, птичьей —
Божьей, человеческой.
Двадцать лет величья,
Двадцать лет наречий —

Всех — на мирном поле
Одного народа.
Триста лет неволи:
Двадцать лет свободы!

— Всем. Огня и дома —
Всем. Игры, науки, —
Всем. Труда — любому —
Лишь бы были руки.

На поле и в школе
Глянь — какие всходы!
Триста лет неволи:
Двадцать лет свободы!

Подтвердимте ж, гости
Чешские, все вместе:

Сеялось — всей горстью!
Строилось — всей честью!

Два десятилетия
(Да и то не целых!)
Как нигде на свете
Думалось и пелось.

Посерев от боли
Стонут Влтавы воды:
— Триста лет неволи:
Двадцать лет свободы.

На орлиных скáлах
Как орел расевшись —
Что с тобою сталося,
Край мой, рай мой, **чешский?**

Горы — откололи,
Оттянули — воды...
...Триста лет неволи
Двадцать лет свободы!

В селах — счастье ткалось —
Красным, синим, пестрым...
Что с тобою сталося,
Чешский лев двухвостый?

Лйсы побороли
Леса воеводу!
Триста лет неволи:
Двадцать лет свободы!

Слушай каждым древом,
Лес, и слушай, Влтава:
Лев рифмует с гневом,
Ну, а Влтава — с славой.

Лишь на час — не боле —
Вся твоя невзгода!
Через ночь неволи —
Белый день свободы!

Париж, 12-го ноября 1938 г.

2.

Горы — турам поприще!
Черные леса,
Долы в воды смотрятся,
Горы — в небеса.

Край — всего свободнее
И щедрей всего.
Эти горы — родина
Сына моего.

Долы — ланям пастбище:
Не смутить зверья —
Хаты крышей застятся,
А в лесу ружья

Сколько бы ни пройдено
Верст — ни одного.
Эти доли — родина
Сына моего.

Там растила сына я,
И теплы — вода?
Дни? или гусиные
Белые стада?

...Празднует смородина
Лета рождество...
Эти хаты — родина
Сына моего.

Было то рождение
В мир — рождением в рай.
Бог, создав Богемию
Молвил: — «Славный край!

Все дары природные —
Все — до одного!
Пощеднее родины
Сына Моего!»

Чешское подземие:
Брак ручьев и руд!

Бог, создав Богемию
Молвил: — «Добрый труд!»

Всё было — безродного
Лишь — ни одного
Не было — на родине
Сына моего.

Прóкляты — кто зánяли
Тот смиренный рай,
С зайцами и с ланями,
С перьями фазаньями...

Трѐсляты — кто прóдали
— Ввек не прощены! —
Вековую родину
Всех кто без страны!

Край мой, край мой, проданный,
Весь, живьем, с зверьем,
С чудо-огородами,
С горными породами,
С целыми народами
В поле, без жилья,
Стонущими:

— Родина!

Родина моя!

Чехия! Богемия!
Не лежи как пласт!
Бог давал обеими —
И опять подаст.

В клятве руку подняли
Все твои сыны —
Умереть за родину
Всех — кто без страны!

17-го ноября 1938 г.

3.

Есть на карте — место.
Взглянешь — кровь в лицо!

Бьется в муке крестной
Каждое сельцо.

Поделил — секирой
Пограничный шест.
Есть на теле мира
Язва: всё проест!

От крыльца — до статных
Гор — до орльих гнезд —
В тысячи квадратных
Невозвратных вёрст —

Язва. Лег на отдых —
Чех: живым зарыт.
Есть в груди народов
Язва: *нам* убит!

Только край тот назван
Чешский — дождь из глаз!
Жир, аферу празднуй!
Славно удалась.

Жир, Иуду чествуй!
Мы ж, в ком сердце — есть:
Есть на карте — место
Пусть: наша честь.

Париж, 22-го ноября 1938 г.

№ 127

Hôtel Innova, 12-го декабря 1938 г.
(пр. 9 с.)

№ 128

Hôtel Innova, 26-го декабря 1938 г.

С Новым Годом, дорогая Анна Антоновна!

Но каким ударом кончается — этот! Только что Мур прочел мне в газете смерть Кареля Чапека. 48 лет! Мог бы жить — еще 20! И именно сейчас, когда так важен и нужен — каждый, когда *человек*

уже зпачит — *герой*. От какой болезни умер? В газете только — „après une courte maladie“. Я просто — ушам не поверила: — Да это — ошибка! Не может быть! Ведь только что — разговоры о премии Нобеля! (NB! точно это может отвратить — смерть!) И только когда сама, глазами, прочла — поверила. Жалею в нем чеха, жалею в нем человека, жалею в нем собрата, жалею в нем — *свое* поколение. Нашего полку — еще убыло.

С сентябрьских дней — дня не прошло, чтобы я утром не спросила Мура: — А что — про Чехию? и как часто: — Про Чехию — ничего. А нынче — *чего*.

Я совсем оглушена этим ударом. Точно год, на прощание, поднес свой последний подарок: взяв — все, взял — еще это. И какое чувство — укора, точно я, живя во Франции, какой-то — соубийца. (Так нужно понимать третье стихотворение: оно от лица — лучшей — Франции. Я неустанно чувствую, что жизнь нации сейчас идет — помимо народа: против народа, и что это — почти везде на земном шаре: что никогда так не шли врозь: народ — и вожди).

Бедный Чапек! Что он унес на прощание? Измену — предательство — победу грубой силы. *Горько* — так умереть.

Одно — немножко — утешает, смягчает: чудесность дня. Он, как Симеон, дождался Христа. Пусть — не ждал, все равно — дождался! Хочется сказать: в Рождество умирающий — не умирает. Еще думаю: может быть — в окно лечебницы — видел снег — большие хлопья — и от этого — тише уснул. Господи, дай, чтобы он когда-нибудь — откуда-нибудь — увидел свою страну — воскресшей! Чтобы оба воскресли — страна и он! — Amen. —

Вспоминаю в Праге, в Градчанах, церковь — которую я окрестила: Святой Георгий под снегом — потому что камень из которой она построена — мерцающий, снежный — даже летом. Я помню, я раз зашла — и полчаса стояла — и всё время пела одно: — Святой Георгий, помилуй нас! Только эти слова. И вот, из-за снега, сейчас вспомнила. И тоже — стою и говорю: — Святой Георгий, помилуй нас!

Я страшно мерзну — и днем и ночью, и на улице и в доме: пятый этаж, отопление еле тэплится, ночью сплю в вязаной (еще

пражской) шапке, вспоминаю Вшеноры, нашу чудную печку, которую топила *своим*, добытым хворостом. И ранние ночи с лампой, и поздние приходы занесенного снегом, голодного С. Я. — и Алю с косами, такую преданную и веселую и добрую — где всё это?? Куда — ушло??

Я — страшно одинока. Из всего Парижа — только два дома, где я бываю. Остальное все — отпало. Если бы эти мои друзья — случайно — уехали, у нас бы не осталось — никого. На весь трехмиллионный город. (У одних бываем — раз в неделю, у других — раз в две, а то и в три: не зовут — не идем: не позовут — не пойдем).

Если бы я сейчас была в Праге — и Вам было бы лучше — и мне. Здесь мое существование — совершенно бессмысленно. А там бы я с новым жаром все любила. И может быть — опять стала бы писать. А здесь у меня чувство: к чему? Весь прошлый год я дописывала, разбирала и отбирала (потом — поймете), сейчас — всё кончено, а нового начинать — нет кураж^у. Раз — всё равно не уцелеет. Я как кукушка, рассовала свои детища по чужим гнездам. А растить — на убой...

Но ёлочка все-таки — была. Чтобы Мур когда-нибудь мог сказать, что у него не было Рождества без елки: чтобы когда-нибудь *не мог* сказать, что *было* Рождество — без елки. Очень возможно, что никогда об этом не подумает, тогда эта жалкая, одинокая елка — ради моего детства и ради тех наших чешских елок с настоящими еловыми и сосновыми шишками, которые сами золотили — жидким золотом. •Всё меня возвращает — в Чехию.

Я никогда, ни-ког-да, ни разу не жалела, что мне не двадцать лет. И вот, в первый раз — за все свои *не-двадцать* — говорю: Я бы хотела быть чехом — и чтобы мне было двадцать лет: чтобы дольше — драться. В Вашей стране собрано все, что мне приходится собирать — и любить — врозь. А если у Вас нет моря — я его, руку на сердце положу, никогда не любила: не любила — *больше всего*, значит — не любила. (Читали ли Вы «Мой Пушкин» — там всё: о море и мне).

Спасибо за Яхимов. Но не было бы (верней: нет ли) у той радионосной горы — отдельного названия? Яхимов — город, где обрабатывали, а гору — как звали? Или, хотя бы — весь горный хребет? (Здесь, напр., в Савойе, в Арденнах, и в Alpes Maritimes, есть свое

ими — у каждой горы и даже вершины: la pic de... Мне это очень важно — для стихов).

Жду истории своего Рыцаря. Всё, что знаю — что это он добыл Праге двуххвостого льва. Напишите мне, дорогая Анна Антоновна, всё про него: с кем дрался, где блуждал, откуда привёл льва? И еще одна просьба: знаю, что — трудная: записывайте про Чехию — всё, всё, все маленькие случаи, как с теми крестьянками (нарядами) и детьми (конфетами). — Ведите *дневник страны*. Кто будет перечитывать старые газеты? Да наверное и в газеты-то не всё попадает. Простые записи: там-то — и тогда-то — то-то. Несколько строк в день. Будет — *памятник*.

— Рада, что стихи дошли — до глаз и сердца. Я их *очень* люблю и они мне самой напоминают (особенно — второе) те несмолчные горночешские ручьи: так они и писались — потоком.

Кончаю вечером, Мур уже спит. Нынче вечером — грустная радость: несколько слов о Кареле Чапеке — в одной из двух газет, под каждым словом о Чехии которых в те дни подписывалась. Автор — известный поэт и публицист. Напишите — как понравилось.

Нет, дорогая Анна Антоновна, *не будем*.

Всё знаю, но зная еще, что все это — на час, что есть la justice des choses, наше народное: Бог правду видит — да не скоро скажет. Знаю еще, что бывают — чудеса, у которых — свой закон.

Дай Вам Бог в Новом Году — новой надежды — и веры. Вспомните „La dernière classe“ Daudet („Lettres de mon moulin“) — и Польшу, давшую Шопэна и открывшую радий.

— Да сбудется!

М.

Очень рада, что понравился мой львенок. Я такого гладила в Праге — в цирке. Он — жёсткий.

Нынче (27-го) читаю, что большинством голосов (4 тыс. на 2 тыс.) некий конгресс признал свою ошибку — 3 мес. назад. Что сказать, кроме: бессовестные идиоты, дальше носу своего не видящие? Где они *тогда* были?? Ах, ясно: когда дело коснулось собственных

дел — прозрели, увидели, завопили. Вот что значит — жить нынешним днем и «своя рубашка к телу ближе». Вы не думаете, что это — начало la justice des choses? Ты предал — предадут и тебя. Кому предал — тот и предаст. Только жаль, что платить будут — невинные, знавшие — и не могшие ничего отвратить. Нельзя от лица народов — делать мерзости!

№ 129

Hôtel Innova, 3-го января 1939 г.

С Новым Годом, дорогая Анна Антоновна! Поздравляю Вас торично. После Вашего большого письма, где Вы писали о радни ви о деревенских детях, было два больших моих: одно — сразу (т. е. недели 2 назад), другое — 26-го декабря, сразу после смерти Карела Чапека и всё письмо было о нем, с отзывами на смерть здешних писателей. Дошли ли, кстати, до Вас слова Б. Шоу: — Почему он умер, а не я? Почему молодой, а не старый? Он его называет своим близким другом и оплакивает его — всячески... (пр. 13 с.)

... Просила в тех письмах — прежних — непременно сообщить мне подробную историю Рыцаря: все что знаю — что добыл двухвостого льва (львенка). — «А то ё мало» — как говорила ехидная старушка, продававшая зеленину по хатам, в ответ на мое: Нынче — ниц. Я всю Чехию прожила в глубоком сне — снах — так и осталась сном, вся, с зайцами и с ланями, с перьями фазаньими — которые, кстати, у меня еще хранятся, подобранные по лесным чащам, по которым я лазила — сначала с Алеї, потом с молодым Муром на руках.

Мур (скоро 14 лет, ростом почти с отца) на подаренные мною на праздники деньги купил себе книгу про зверей, книгу странных историй (Histoires à dormir debout) и звериное вырезание (картонаж — всякие Mickey, коровы и собаки). Мне — пепельницу и пачку папирос. У нас была (и еще есть) ёлочка, маленькая и пышная, как раздувшийся ёжик. Получила от Али на Новый Год поздравительную телегр. Вот, кажется, и все наши новости. Тснерь жду — Ваших. Никогда, когда долго нет вестей, не думайте, что я не пишу: пишу — всегда, и всегда сама отправляю. Ну, еще раз — с Новым Годом! Дай Бог — всего хорошего, чего нету, и сохрани Бог — то хорошее,

что есть. А есть — всегда, — хотя бы тот моральный закон внутри нас, о к-ом говорил Кант. И то — звездное небо! Обнимаю Вас, сердечный привет и пожелания Августе Антоновне.

М.
(пр. 2 с.)

№ 130

Hôtel Innova, 23-го января 1939 г.

(пр. 11 с.) ... Часто вижу в кинематографе Прагу, и всегда — как родной город, и еще чаще слышу ее по T.S.F.-у (radio) — и всегда как родную речь и музыку. Это место, которое больше всего меня волнует — на всей карте. Недавно перечитывала Голема и сразу окунулась в тот мир туманов и видений, которым для меня осталась Прага. (Деревню я помню — сияющей, Прагу — сновиденной: цвета сна).

Недавно — случайно — встретила одного своего приятеля — тех дней, и сразу почувствовала себя — на мосту, глядящей в воду.

Читали ли Вы что-нибудь Rosamond Lehman? Я — две вещи: *Intempéries* — и *Poussière*, и есть в *Poussière* (да и в *Intempéries*) что-то от той меня, тех дней. Обе эти книги (да наверное — все ее) написаны — как будто не словами: как бы не написаны — а приснились. Я бы очень хотела, чтобы Вы их прочли, особенно *Poussière*: что-то от радуги — и паутины — и фонтана (и меньше всего от пыли!) и — в конце-концов — в ладони — горстка золы... (пр. 8 с.)

№ 131

Hôtel Innova, 28-го февраля 1939 г.

Дорогая Анна Антоновна! Неделю назад, а м. б. уже десять дней, отправила Вам большое письмо — с благодарностью: благодарностями. Повторю вкратце: и Рыцарь и жизнеописание его — дошли, и в последнем меня поразило... страх Рыцаря перед ласковостью льва. Не боявшийся чудовищ — кротости убоился. Сам Рыцарь — чудесен, и очень хорош формат: весь в высоту. Еще раз — огромное спасибо: не расстанусь до конца дней.

Любопытна легенда, повсеместно: и в баснях и в сказках и в рассказах первых путешественников — заставляющая льва жить в лесу и даже царить в нем, тогда как лев *никогда* в лесу не живет — только в пустыне — на всей свободе. Царь леса — тигр, и ласкового тигра бы и я испугалась. Жажду весны еще из-за зоологического сада: когда я долго не вижу (больших) зверей — у меня тоска, и уже был такой день со всеми блаженными дуновениями когда мне *дика* — как зверю — захотелось к ним. Так же захотелось в зверинец, как зверям — из него... Вчера был исторический день — и до чего я не выношу истории и до чего ей предпочитаю (Ваш словарь, к-ый я оценила) «басенки»... А слышали ли Вы кстати про новый (американский) танец: „la chamberlainé“, к-ый танцуют (кавелер — один) с зонтиком. Вчера слышала подробное и серьезное описание в T.S.F. — Очень надеюсь, что мое большое письмо дошло, стихи (сбежавшие!) пришло в следующем. Отзовитесь! Ваш голос — неизменная радость. Обнимаю и горячо, горячо благодарю.

М.

№ 132

22-го мая 1939 г.

Дорогая Анна Антоновна! Надеюсь, что Вы сейчас настолько поправились, что без труда сможете прочесть мое письмо. Стараюсь писать ясно.

Все последнее время я очень много пишу, — уже целая маленькая отдельная книжка, и всё никак не могу кончить — да и жалко расставаться, столько еще осталось сказать хорошего — и верного. Стихи идут настоящим потоком — сопровождают меня на всех моих путях, как когда-то — ручьи. Есть резкие, есть певучие, — и они сами пишутся. Очень много о драгоценных камнях — недрах земли — но и камни — живые! Зная, как Вы любите стихи, все время, пока пишу, пока они пишутся, о Вас думаю. Часто бываю в кинематографе, особенно люблю — видовые, и при виде каждой старой башни — опять Вас вспоминаю. Словом, мы с Вами — точно и не расставались, и поэтому мне особенно грустно, именно сейчас, Ваше молчание. Я понимаю, что при недомогании — трудно, но я письма и не прошу — только открыточку...

Не знаю, дошла ли до Вас (давно уже) моя благодарность за фотографию — она у меня вставлена в (старинную) рамку и висит над изголовьем, но так как карточка — узкая, а рамка широкая, я вставила еще одну фотографию — совсем недавнюю и безумно похожую: одно лицо: случайного человека на мосту. И окружила все это народными деревянными бусами, к-ые случайно нашла в здешнем Uni-Prix — Вы же знаете как я люблю народное искусство. (NB! Я сама — народ.) Простите за все эти мелочи, но они — живые... (пр. 5 с.)

№ 133

31-го мая 1939 г.

Дорогая Анна Антоновна! Мы наверное скоро тоже уедем в деревню, далекую, и на очень долго. Пока сообщаю только Вам. Но где бы я ни была — я всю (оставшуюся) жизнь буду скучать по Вас, без Вас, которые для меня неразрывны с моим стихотворным потоком. Стихи я как раз сегодня получила в нескольких экз. (машинка), сейчас (12 ч. ночи, Мур давно спит) буду править, а потом они начнут свое странствие. Аля уже получила, получит и Эдди, он ведь тоже любит стихи, как и ручьи, и леса. Так приятно доставить человеку радость! Получилась (бы) целая книжка, но сейчас мне невозможно этим заниматься. Отложу до деревни. Там — сосны, это единственное, что я о ней знаю. А помните рассказы из Вашего детства, как Вы уезжали из одной деревни — Вам не позволили взять с собой Вашу любимую (синюю, с цветами) шкатулку или коробку. Вы это рассказывали Але, а рядом Ваша мама играла Шопэна. Я все помню! Господи! этому уже 14 лет (Мурины — 14!). А всего прошло — 17. И тоже был май.

У меня сейчас много работы и заботы: не хватает ни рук ни ног, хочется моим деревенским друзьям привезти побольше, а денег в обрез, надо бегать — искать «казионов» или распродажу — и одновременно разбирать тетради — и книги — и письма — и пришивать Муру пуговицы — и каждый день жить, т. е. готовить — и т. д. Но — я, кажется, лучше всего себя чувствую, когда вся напряжена. И — отдых будет долгий: друзья мои живут в полном одиночестве, как на островке, безвыездно и зиму и лето. Барышня на работу ездит в город, а мне

вовсе будет незачем. Вспоминаю *мою* деревню, как я в последнюю минуту побежала попрощаться с кустом (верней, деревцем) можжевельника (кажется — Hollunderbaum — иль — busch), к-ый меня всегда первый привествовал наверху горы. А у нас сейчас мода (у меня *всегда* была!) деревенские пестрые платья: вся юбка в сборку, лиф — обтяжной, темно-синие, с цветочками. И куклы такие есть: нашла два ожерелья, себе и Але — „moraves“ — и чувствую их *Ваши*. Своё ношу не снимая. — Что ещё (сказать)? Радуюсь, что поправляетесь, лето зимы мудренее, время идет и пройдет. Вижу уже по почерку, я его отлично разбираю, хотя есть какая-то перемена. Безумно обрадовалась Вашей открытке, она пришла утром и была — как луч (из под двери, п. ч. письма здесь просовывают под дверь). Я целый день ей радуюсь, и сейчас, перед сном, опять перечту — и буду с ней спать, под Вашей карточкой в рамке, с Вашими бусами на шее. Это — *всегда* будет со мной: пока буду — я. Обнимаю, отзовитесь сразу, может еще застать. Перед отъездом еще напишу, и *бесконечно* Вас люблю. Сердечный привет Авг. Антоновне. Я тоже вспоминаю Рильке Mit dem heimatischen grosim. Книги его — везу.

М.

№ 134

7-го июня 1939 г.

Дорогая Анна Антоновна! Пишу поздней ночью — или очень ранним утром. (Я так родилась — ровно в полночь: — Между воскресеньем и субботой — я повисла, птица вербная — На одно крыло — серебрянная — На другое — золотая . . .) Это — мой последний привет. Все дни — бешеная переписка, и разборка, и укладка, и бешеная жара (бешеных собак), в обычное время я бы задыхалась, но сейчас я — и так задохнулась: всем — и, как иог — ничего не чувствую. Жалею Мура, который — от всего — извелся — не находит себе места — среди этого развала. Ну — скоро конец, а конец — всегда *покой*. (Конец — нет, п. ч. сразу — начало).

Спасибо за ободрение, Вы сразу меня поняли, (пр. 2 с.) но выбора не было: нельзя бросать человека в беде, я с этим родилась, да и Муру в таком городе как Париж — не жизнь, не рост . . . — Ну — вот.

Спасибо за те тропинки детства, но и за другие не менее родные, спасибо — за наши. Тропинки, превратившиеся в поток — когда-нибудь — сами — докатятся и до Вас: поток — всегда сам! и его никто не посылает — кроме ледника — или земли — или Бога... «Так и стою, раскрывши рот: — Народ! какой народ!» Но Вы мой голос — всегда узнаете.

Боже, до чего — тоска! Сейчас, сгоряча, в сплошной горячке рук — и головы — и погоды — еще не почувствываю, но знаю что меня ждет: себя — знаю! Шью себе свертку — гляди назад: на Вас, на Ваш мир, на наш мир... Но одно знайте: когда бы Вы обо мне ни подумали — знайте, нато думаете — *в ответ*. В моей деревне — тоже сосны, буду вспоминать тот можжевельный куст.

... Вы человек, который исполнил *все* мои просьбы и превзошли все мои (молчаливые) требования преданности и памяти. Так, как Вы, меня — никто не любил. Помню всё и за всё бесконечно и навечно благодарна. — Ответить не успеете, едем 10-го, подумайте о нас, и долго думайте — каждый день, много дней подряд. Желаю хорошего лета, отдыха, здоровья, тихих людей и хороших книг. Спасибо за Lawrens-Tochter, увожу, не расстанусь никогда. За *все* спасибо, как только поправимся — напишу. А встреча — будет! Ваша всегда и навсегда.

М.

№ 135

12-го июня 1939 г., в еще стоящем поезде.

Дорогая Анна Антоновна! (Пишу на ладони, потому такой детский почерк). Громадный вокзал с зелеными стеклами: страшный зеленый сад — и чего в нем не растет! — На прощание посидели с Муром, по старому обычаю, перекрестились на пустое место от иконы (сдана в хорошие руки, жила и ездила со мной с 1918 г. — ну, когда-нибудь со всем расстанешься: *совсем*! А это — урок, чтобы потом — не страшно — и даже не странно — было...) Кончается жизнь 17 лет. Какая я тогда была счастливая! А самый счастливый период моей жизни — это — запомните! — Мокропсы и Вшеноры, и еще — та моя родная гора. Странно — вчера на улице встретила ее героя, к-го не

видала — годы, он налетел сзади и без объяснений продел руки под руки Муру и мне — пошел в середине — как ни в чем ни бывало. И еще встретила — таким же чудом — старого безумного поэта с женою — в гостях, где он *год нѣ был*. Точно все — почувяли. Постоянно встречала — всех. (Сейчас слышу, гулко и грозно: *Express de Vienne...* и вспомнила башни и мосты к-ых никогда пе увижу). Кричат: — *En voiture, Madame!* — точно мне, снимая меня со всех прежних мест моей жизни. Нечего кричать — сама знаю. Мур запасся (па этом слове поезд тронулся) газстами. —

— Подъезжаем к Руану, где когда-то людская благодарность сожгла Иоанну д'Арк. (А англичанка 500 л. спустя поставила ей на том самом месте памятник). — Миновали Руан — рачьте дале! — Буду ждать вестей о всех вас, передайте мой горячий привет всей семье, желаю вам всем здоровья, мужества и долгой жизни. Мечтаю о встрече на Муриной родине, к-ая мне роднее своей. Оборачиваюсь на звук ее — как на свое имя. Помните, у меня была подруга Сонечка, так мне все говорили: «Ваша Сонечка». — Уезжаю в *Вашем* ожерельи и в пальто с *Вашими* пуговицами, а на поясе — *Ваша* пряжка. Все — скромное и безумно-любимое, возьму в могилу, или сожгусь совместно. До свидания! Сейчас уже не тяжело, сейчас уже — судьба. Обнимаю Вас и всех ваших, каждого в отдельности и всех вместе. Люблю и лобуюсь. Верю как в себя.

М.

[Отправлено из Le Havre-Gare в 16,30 — 12. 6. 39]

Примечания
к вступительным
статьям

- 1 Немцова Божена (1820—1862), чешская писательница, одна из зачинателей реализма в чешской литературе. Ее жизнь прошла в тяжелых материальных условиях.
- 2 Письмо от 18-го декабря 1926 г.
- 3 Цикл «Деревья» в книге «После России», Париж, 1928 г.
- 4 Палацкий Франтишек (1798—1876), чешский историк и политический деятель. Автор многотомной «Истории чешского народа», сыгравшей огромную роль в пробуждении национального самосознания.
- 5 Ригер Франт. Ладислав (1818—1903), чешский политический деятель, зять и соратник Палацкого, руководитель консервативной партии «Старочехов».
- 6 Неруда Ян (1834—1891), чешский поэт и писатель, один из основоположников чешского реализма.
- 7 Добровский Иозеф (1753—1829), выдающийся чешский ученый-языковед. Основатель славистики, как науки. Боролся против германизации славян. Один из первых чешских просветителей. Был известен далеко за пределами родины, в частности в России, где был почетным членом «Российской академии» в С.-Петербурге, «Общества ревнителей российской словесности» в Москве, ученого общества в Харькове и др.
- 8 См. журнал „Máj“, 1904, стр. 253 — „Vzpomínka na Dobrovského“ («Воспоминание о Добровском»), „Máj“, 1905, стр. 242 — „Z pražského Ungeltu“ («В пражском Унгельте»)
- 9 Гавличек-Боровский Карел (1821—1856), чешский журналист, пользовавшийся огромным влиянием. Посещение России относится к 1842—43 гг. В результате своего разочарования всем русским, склонился к теории австро-славизма. В равной мере, однако, ненавидел и австрийский абсолютизм, с которым постоянно боролся. Был австрийским правительством сослан в глухую альпийскую деревушку, где провел 4 года.
- 10 Хельчицкий Петр (1390—1460), чешский писатель и философ, сторонник гусситов. Его идеалом была первоначальная христианская община, основанная на принципах совершенной свободы, равенства и братства.
- 11 Письмо от 15-го ноября 1922 г.
- 12 Об А. Л. Беме см. примечание к тексту, письмо № 69
- 13 Письмо от 27-го января 1932 г.

Примечания
к отдельным
письмам

- № 2 «в Едноте» — подразумевается общество Чешско-русская Еднота, собиравшееся в «Китайском зале» отеля Беранек. См. о нем в предисловии.
- № 3 «Охрана материнства», ныне женское и родовспомогательное отделение больницы в Праге 7, — родильный дом, помещавшийся на острове Штванице, посередине реки Влтавы.
- № 4 Sonntagskind (немец.) — воскресное дитя
- № 5 Нидерле Либор (1865—1945), чешский историк-славист.
Кондаков Никодим Павлович (1844—1925), историк-византолог. С 1919 г. жил за границей, с 1922 г. профессор пражского Карлова университета. Его именем был назван Византинологический институт в Праге (1925—1939). «для чешского журнала» — нельзя установить для какого.
«Воля России» — ежемесячный журнал политики и культуры под редакцией В. И. Лебедева, М. Л. Слонима, Е. А. Сталинского и В. В. Сухомлина, Прага, 1922—1932.
«Современные Записки» — ежемесячный общественно-политический и литературный журнал, издаваемый при ближайшем участии Н. Д. Авксентьева, И. И. Бунакова, М. В. Вишняка, А. И. Гуковского, В. В. Руднева, Париж, 1922—1939.
«Дни» — ежедневная газета под редакцией А. Ф. Керенского, Берлин, 1922—1928.
Кубка Фр. (1894—1969). — чешский писатель, публицист и переводчик. Был хорошо знаком с Цветаевой. Позднее написал о ней воспоминания — „Smutná romance o Marině Cvetajevové“ в книге „Hlasy od Východu“, Praha, 1960.
«Звено» — еженедельный литературный журнал, основанный М. М. Винавером и П. Н. Милоковым, Париж, 1923—1925.
- № 6 «Вольный проезд» был напечатан в «Совр. Записках», кн. 21
- № 9 Степун Федор Антонович (1884—1965), писатель и публицист. После Второй мировой войны издал в Америке сборник прозы М. Ц. В описываемое время прочел в Праге два доклада, и именно — 8-го мая 1925 г. — «О старых грехах и новых задачах русской демократии» и 11-го мая — «Советская и зарубежная Россия». Нельзя установить, на каком из докладов присутствовала М. Ц.

«Г-жа А.» — Анна Ильинишна Андреева, жена писателя Леонида Андреева, с которой М. Ц. дружила во все время своего пребывания за границей.

№ 12 «Земгорская здравница» — в дореволюционной России «Земгор» — Союз земств и городов — благотворительное добровольное учреждение (помощь раненым). Основанный в Праге Земгор занимался тоже благотворительной и культурной деятельностью. Устраиваемые им собрания происходили в «Русском Доме», помещавшемся в полуподвальном зале в Панской ул.

№ 12 (ныне ночной клуб).
„Prager Presse“ — официальная чехословацкая газета на немецком языке, Прага, 1921 — 1939.

Воспоминания о В. Брюсове — «Герой труда» — были напечатаны в «Воле России», кн. 9 — 10 и 11 за 1925 г. В чешских изданиях перевод этой вещи нами не был обнаружен.

№ 14 *petite vitesse* (франц.) — малой скоростью

М. Л. — Марк Львович Слоним (р. 1894), ведавший литературной частью «Воли России».

«пражского рыцаря на — вернее под Карловым мостом» — Н. А. Еленев, в своих воспоминаниях (см. примечание к письму № 32), рассказывает: — Однажды я показал Марине пражский Карлов мост с его статуями, рассказал ей его историю и легенды, связанные с этим замечательным архитектурным созданием средневековья. На одном из мостовых устоев высится изваяние так называемого пражского Роланда, иначе — Брунцвика. Статуи подобного рода в северной Германии, олицетворявшие права и свободу горожан, восходят к XIII веку. Пражский рыцарь, сооруженный в конце XV столетия, уничтоженный шведским обстрелом города в 1638 году и возобновленный, не соответствуя, однако, фрагментам, в 1884 г. Людвигом Шимеком, понравился Марине больше всего. Стройная фигура юноши в доспехах, с поднятым мечом и щитом у ног отвечала ее вкусу... Марину тронул, оказался ей искренне-значительным герб Вацлава IV, изображающий зимородка в венке, — символ женской верности, символ доброго гения, предотвращающего несчастье и беду. Зимородок по-чешски — «птачек-леднячек». — «Как хорошо звучит «птачек-леднячек»... Это название весело, ласково звучит...» — повторила она. — «Но пойдемте взглянуть еще на пражского рыцаря».

Вниз по реке медленно шли огромные плоты. Полуголые, загорелые плотовщики сплавляли корабельный лес. Близкие пороги гулко шумели. Роланд охранял реку и прапа горожан, на которые уже никто не посягал. Сказочный образ юного витязя, как всякая сказка, говорила Марине больше, чем история. Осенью того же года появилось стихотворение Цветаевой «Пражский Рыцарь». Однако, символическое изваяние для Марины послужило только предлогом для передачи личных чувств. И, что можно заметить не сразу, эти стихи заключают в себе оттенок удачно переключенного и усложненного «цыганского романса».

- № 17 Ева Юрчинова (литературный псевдоним Анны Веберовой, р. 1890), чешская писательница.
Шопен Фредерик (1810—1849), польский композитор и пианист.
Жорж Санд (литературный псевдоним Авроры Дюдеван, 1804—1876), франц. писательница, автор многочисленных романов романтического, но и социального направления.
- № 18 «Крысолов» был начат во Вшенорах в марте 1925 г., окончен в Париже в ноябре того же года. Напечатан в «Воле России» кн. 4, 5, 6, 7—8 и 12 за 1925 г. и в кн. 1 за 1926 г.
- № 19 „Vûche de Noël“ — рождественское полено.
«У наших хозяев» — подразумевается Ольга Елисеевна Колбасина с дочерьми Ольгой, Наталией и Ариадной, у которых М. Ц., по приезду в Париж, некоторое время жила.
«Последние Новости» — ежедневная газета под редакцией П. Н. Миллюкова, Париж, 1920—1939. В рождественскую пору 1925 г. проза М. Цветаевой напечатана не была. В «Днях» в номере от 25-го декабря напечатана статья «О любви».
«Ковчег» — сборник Союза русских писателей в Чехословакии под редакцией В. Ф. Булгакова, С. В. Завадского, Марины Цветаевой, кн. I, Прага, изд. «Пламя», 1926 г. — очевидно был выпущен еще в конце 1925 г.
- № 20 «О Германии» было напечатано в газете «Дни» от 12-го декабря 1925 г.
- № 22 «Версты» — сборники под редакцией кн. Д. П. Святополк-Мирского, П. П. Сувчинского, С. Я. Эфрона и при ближайшем участии Алексея Ремизова, Марины Цветаевой и Льва Шестова, Париж, 1926—1928 г.
«Благонамеренный» — журнал русской литературной культуры, редактор кн. Д. А. Шаховской, Брюссель, 1925 г. Статья «Поэт о критике» была напечатана в № 2. В той же книжке напечатан «Цветник» М. Цветаевой, представляющий подборку цитат из «Литературных бесед» Г. Адамовича, помещенных в журнале «Звено» за 1925 г. «Цветник» был составлен так, чтобы доказать литературную беспринципность Г. Адамовича, и послужил причиной многолетней литературной вражды обоих.
Адамович Георгий Викторович (р. 1894), поэт «петербургской школы», эссеист и критик. В течении многих лет вел литературный отдел «Последних Новостей».
Струве Петр Бернгардович (1870—1944), русский экономист, публицист и философ, в молодости представитель т. н. «легального марксизма». В эмиграции занимал крайне консервативные позиции.
Laisser dire (фр.) — предоставьте им говорить.
- № 23 Tous les vents se donnent rendez-vous (фр.) — все ветры назначили свидание.
Henri de la Rochejaquelein (1772—1794) — предводитель роялистического восстания в Вандее, направленного против Французской Республики. Дата приводимая М. Ц. или ошибочна, или относится к другому государственно-му деятелю.

Чирикова Новелла Евгеньевна, дочь писателя Евгения Николаевича Чирикова.

Булгаков Валентин Федорович (1886—1966), последний секретарь Л.Н. Толстого. Вынужденный в 1923 г. покинуть СССР, поселился в Чехословакии, где принял участие в международном движении христианского коммунизма. Был председателем чехословацкой секции Движения сторонников мира. Заведовал Русским музеем, находившимся в г. Збраславе, недалеко от Праги. Во время Второй мировой войны в немецком концентрационном лагере. Через несколько лет после освобождения уехал в СССР, где жил и умер в Ясной Поляне.

Die schönsten Sagen des klassischen Altertums (немец.) — Красивейшие легенды классической древности.

№ 24 *Âmes en peine* (фр.) — неприкаянная душа.

Рачьте дале — *račte dále* (чешск.) — следуйте дальше.

№ 25 Письмо без даты. Время его написания приблизительно определяется предыдущим письмом.

Mitten drinnen (немец.) — в самой середине, в самой гуще. *Ding* (немец.) — вещь.

№ 26 Добужинский Мстислав Валерианович (1875—1957), русский художник, с 1926 г. жил за границей.

Билибин Иван Яковлевич (1876—1942), русский художник-иллюстратор. После 1918 г. жил долго за границей, но потом вернулся в СССР.

«вся устрашающая» — в письме пропущено слово.

Руднев Вадим Васильевич (1879—1940), врач, редактор «Современных Записок». Ц. часто жаловалась на его литературную неспособность и невежливость.

№ 28 *Deutschland über alles* (немец.) — Германия превыше всего — начало старого немецкого гимна. *Preussen* — Пруссия.

Евразийство — общественно-политическое направление, в котором принимал деятельное участие С. Я. Эфрон, как и вся редакция «Вёрст». По представлению евразийцев географическое пространство между Карпатами и Тихим океаном, которое они называли Евразией, имело свое собственное, отличное от Европы и Азии, развитие. Движение это, одно время, было сильно распространено среди русских, живущих за границей.

Милюков Павел Михайлович (1859—1943) — профессор истории, общественный и политический деятель. До революции — глава конституционно-демократической партии, в первые дни Временного правительства — министр иностранных дел. С 1920 г. — эмигрант, глава республиканско-демократической партии, главный редактор газеты «Последние Новости». В конце жизни, в период Второй мировой войны, перешел в ряды «оборонцев» (см. ниже) и признал Советскую власть.

Розанов Василий Васильевич (1856—1919) — русский писатель, публицист и критик — христианско-философского направления.

- № 29 С-ним и М. Л. С. — Марк Львович Слоним.
Dichter (немец.) — поэт. Geist der Dichtung — дух поэзии. Auf Wiederschen (немец.) — до свидания.
- № 30 Свой доклад о творчестве М. Ц. М. Л. Слоним читал 11-го февраля 1927 года в Чешско-русской Едноте.
Le beau rôle... n'est pas pour moi, — mais... je me fiche des beaux rôles! (фр.) — прекрасная роль, не правда ли, для меня... но я плюю на прекрасные роли. Брей Александр Александрович, вполне обрусевший англичанин, литератор и актер. В Москве, в 1915 г. и позже, работал в кинематографической промышленности. Долго жил во Вшенорах, недалеко от М. Цветаевой. Умер в Лондоне незадолго до 2-ой мировой войны.
Рильке Райнер Мария (1875—1926), выдающийся австрийский поэт-мистик, уроженец Праги. Был в дружбе с М. Ц.
«Поэма» — очевидно — «Новогоднее», написанное 7-го февраля. Напечатана была в № 3 «Верст» за 1928 г.
«Проза» — очевидно — «Твоя смерть», напечатанная в «Воле России», кн. 5—6 за 1926 г.
Denn Dir liegt nichts an den Fragenden: sanften Gesichtes siehst Du den Fragenden zu (немец.) — так как тебе не важно мнение спрашивающего — смотри на него приязненно.
Coer de cheval, foie de cheval, rognons de cheval (фр.) — конское сердце, конская печенька, конские почки.
«Русская Мысль» — журнал под ред. П. Б. Струве, Париж, 1927 г. В № 1 помещен перевод из Р. М. Рильке, сделанный Гл. Струве, далее статья Гл. Струв: «Р. М. Рильке о И. А. Бунине».
- № 31 rien (фр.) — ничего. Au dessus de la mêlée (фр.) — над схваткой.
Schwamm (und Schlamm!) drüber (немец.) — оставим (грязь!) это.
M-me Jeanne Robert — сильно обрусевшая француженка, описанная в очерке «Твоя смерть». В другом месте Цветаева о ней написала: «Аля образцовая сестра, но — бедная девочка — из за смерти француженки не учится, как жаль. Француженка, по дружбе, брала 7 фр. за урок, дешевле 15 фр., не считая дороги, не найдешь.» Цветаевой рекомендовала француженку О. Е. Колбасина.
Nest — in Deiner Sprache, die so nah ist, alle zu sein (немец.) — Гнездо — в Твоем языке, который так близок стать всеобщим.
- № 32 Еленев Николай Артемьевич (1894—1967), историк и литератор, хорошо знакомый с М. Ц. После Второй мировой войны написал о ней воспоминания, напечатанные в журнале «Грани», Франкфурт на Майне, 1958, № 39.
- № 33 «После России», стихи 1922—1925, Париж, 1928, издательство не указано.
Лебедев Владимир Иванович (1884—1956), в молодости добровольцем ушел на войну с Японией. В 1907 г. попытался поднять севастопольский гарнизон против царского правительства, после чего был в эмиграции. В 1914 г. вступил во французскую армию. В 1917 г. занимал пост морского

министра во Временном правительстве. С 1919 г. снова жил за границей. В 20-х гг. редактировал в Праге журнал «Воля России». В 1936 г. организовал движение «оборонцев», полагавших своим нравственным долгом защищать всеми возможными средствами Роднну в надвигающейся войне. В 1938 г. уехал в Америку, где продолжал свою деятельность.

Его жена — Лебедева Маргарита Николаевна (1881—1958). Дочь выдающегося инженера, она рано примкнула к революционному движению, где ей давали очень опасные поручения. Активная участница восстаний в Свеаборге, Кронштадте и Севастополе. В 1908 г. уехала за границу и с тех пор в Россию не возвращалась. Окончив медицинский факультет в Женеве, она потом жила в Париже. Во время Второй мировой войны, с большими трудностями, она вместе с дочерью, уехала к мужу в Америку. — Будучи очень добрым человеком, она многим помогала, в том числе и Марине Цветаевой, с которой была связана многолетней дружбой.

«Россия» — подразумевается еженедельная газета «Россия и Славянство», издававшаяся при ближайшем участии Петра Струве, Париж, 1928—1934.

№ 34 *Dunkle Zypressen! Die Welt ist gar zu lustig! Es wird doch alles vergessen* (немец.) — Темные кипарисы! Свет совсем не весел! Все будет забыто. (Цитата из Р. М. Рильке).

«Октябрь в вагоне» был напечатан в кн. 12 «Воли России» за 1927 г.

«Твоя смерть» в переводе А. А. Тесковой была напечатана в журнале „Lumír“ № 6—7 за 1928 г.

№ 85 Автором теории, что все языки происходят от 4 элементов, был советский ученый Николай Яковлевич Марр (1864—1934). Речь идет, очевидно, о докладе Б. Н. Унбеггауна.

«Федра» была напечатана в «Современных Записках», кн. 37 за 1928 г.

№ 37 «Герой моей Поэмы Конца» — в своих воспоминаниях Н. А. Еленев (см. примечание к письму № 32), говорит — «Еще до своего переселения во Францию Марина написала «Поэму Горы». Имелся в виду путь восхождения. Произведение это отразило пережитый опыт (я умышленно говорю: опыт) с неким К. Б. Р. Мираж встречи с равным себе по плечу длился недолго. Доверившись лукавому и лживому по своей природе человеку, Марина горестно поплатилась. И как женщина и как избранница и носительница, по ее же мысли, «наития стихий». Лжечеловек, с которым она решила в минуты благи испытать свою судьбу и свободу, абсолютную свободу, опрокинул ее наземь. Гора чаемого счастья оказалась не лучше юдоли плача. Это было первое поражение Марины в земном кругу. Не в обыденном, повседневном или бытовом значении. Уверенность ее перед людьми не исчезла, как не исчезла вера в свою силу художника. С изъяном из испытания вышла гордость... Вера в свою сверхчеловечность путем унижения показала Марине собственную общечеловечность. Как ни бежала она от толпы и шеренги, ей пришлось побыть и в них...»

Мы приводим эту цитату лишь как информацию, не беря за нее ответственность.

Лета — мифическая «река забвения».

№ 30 Der Trompeter von Säckingen (немец.) — трубач из Сэкингена.

Behüt Dich Gott — es wär zu schön gewesen... es hat nicht sollen sein — Да хранит тебя бог — это было бы слишком хорошо... этому не суждено было быть. Es hat nicht wollen sein — судьба этого не хотела.

Упомянутый отзыв о «Верстах» № 3 был помещен в «Возрождении» № 976 от 3-го февраля 1928 г. за подписью Н. Дашкова.

Sesam, thue Dich auf (немец.) — Сесам, отворись — заклинание из «1001 ночи».

№ 41 Тэффи (литературный псевдоним Надежды Александровны Лохвицкой, 1876—1952), писательница юмористических и лирических повестей и рассказов.

«Доброволец», т. е. служивший в Добровольческой белой армии. Не удалось установить, о ком идет речь.

№ 42 Мой спутник — речь идет о Н. П. Гронском, см. ниже.

«Попытка комнаты» была напечатана в «Воле России», кн. 3 за 1928 г.

№ 44 Молодой друг — речь опять идет о Н. П. Гронском, см. ниже.

A celle qu'op jour... и т. д. — Той, которую я однажды видел на плоском, песчаном берегу — И чей взгляд нежнее чем у андалузки, — Дай сердце ребенка, ей — ради которой умирают, — Каждому следует дать подходящую игрушку...

Ростан Эдмон (1868—1918), французский лирический и драматический поэт. Я — die Liebende, nicht — die Geliebte (немец.) — Я любящая, отнюдь не любимая.

Julie de Lespinasse (1732—1776), близкий друг Даламбера, в салоне которой собирались энциклопедисты. Прославилась своими письмами. ich hab' es schon verschmerzt (немец.) — это уже переболело.

№ 47 Mit dem heimatlichem „prosim“ (немец. и чешск.) — с отечественным — пожалуйста.

Савицкий Петр Николаевич (1895—1968), профессор-географ, один из основателей движения евразийцев, постоянно проживавший в Праге.

Обращение Цветаевой к Маяковскому было напечатано в еженедельной газете «Евразия» № 1, от 24-го ноября 1928 г. Приводим его целиком:

...28-го апреля 1922 г., накануне моего отъезда из России, рано утром, на совершенно пустом Кузнецком, я встретила Маяковского.

— Ну-с, Маяковский, что же передать от вас Европе?

— Что правда — здесь.

7-го ноября 1928 г., поздним вечером, выходя из Café Voltaire, я на вопрос:

— Что же скажете о России после чтения Маяковского? не задумываясь ответила:

— Что сила — там.

- № 48 Einfall (немец.) — внезапная мысль, озарение.
- № 49 «большинство меня ожесточ...» М. Ц. фразу не закончила.
Aus Briefen Reiner Maria Rilkes an einen jungen Dichter (немец.) — Из писем Р. М. Рильке юному поэту. Было напечатано в Воле России, кн. 2 за 1929 г.
Warum denken Sie nicht, dass er der Kommende ist (немец.) — почему Вы не предполагаете, что он должен явиться.
- Ich will nicht sagen, Du hast Recht, Du bist im Recht, im Recht – sein, im Guten sein (немец.) — Не хочу сказать ты права, ты в праве, пребывать в праве — пребывать в добре.
- № 50 La maison roulante (фр.) — дом на колесах.
dichten (немец.) — слагать стихи.
Гончарова Наталия Сергеевна (1883—1963) — русская художница. Уехала в 1915 г., по приглашению Дягилева, в Париж, где взяла на себя художественную часть многих его постановок. Статьи о ней М. Ц. опубликовала в кн. 5—6, 7 и 8—9 Воли России за 1929 г. и в кн. 4 и 5—6 сербского журнала «Руски архив» за 1929 г., Белград.
- № 51 la petite phenomène (фр.) — маленький феномен.
Доклад М. Л. Слонима о молодой зарубежной литературе, повидимому, состоялся 14-го марта 1929 г. на вечере «Кочевья» в таверне Дюмениль, 73, бульв. Монпарнас.
Лебедев Вячеслав Михайлович (р. 1901), русский поэт, всю жизнь проживший в Праге.
Эйснер Алексей Владимирович, русский поэт, жил в Праге, позднее переехал в Париж, затем принял участие в испанской гражданской войне. Ныне в СССР.
Поплавский Борис Юлианович (1903—1935), русский парижский поэт, сторонник сюрреализма.
- № 52 Ремизов Алексей Михайлович (1877—1957), русский писатель. Как стилист был весьма ценним М. Ц.
- № 53 coûte que coûte (фр.) — любой ценой.
- № 54 Quel triste plaisir que de s'amuser (фр.) — какое грустное удовольствие — развлекаться.
- № 55 Crème Toucalon — название косметического крема того времени.
- № 56 Die Liebenden (немец.) — любимые.
Беттина — Elisabeth Brentano (1785—1859), немецкая писательница, известная по своей переписке с Гете.
Ich will keine Gegenliebe (немец.) — я не желаю встречной любви.
- № 58 Приблизительное время написания письма определяется по его содержанию.
- № 59 «Перекоп» — поэма М. Цветаевой. Впервые напечатана в альманахе „Воздушные пути“, Нью-Йорк, 1967 г.
- № 60 «Вечер романтики» состоялся 26-го апреля 1930 г. в зале Географического общества (184, бульв. Сен Жермен). Участвовали: Н. А. Геффи, М. И.

Цветаева, Г. В. Адамович, В. Л. Андреев, кн. С. М. Волконский, Г. В. Иванов, Н. А. Оцуп, Б.Ю. Поплавский.

Subis (фр.) — терплю.

- № 61 Дата письма устанавливается по приложенной Алиной записке — 20-го сентября 1930 г.

chalet (фр.) — хижина, домик в швейцарском вкусе.

Стихи «Маяковскому» были напечатаны в «Воле России», кн. 11—12 за 1930 г.

- № 62 «жаль, что меня не пристегнешь к Достоевскому» — в Праге, в следующем, 1931 г. предполагался семинар по изучению Достоевского.

Лагерлеф Сельма (1858—1940), шведская писательница, награждена премией Нобеля в 1909 г.

Ундсет Сигрид (1882—1949), норвежская писательница. Награждена премией Нобеля в 1928 г. Трилогия Christin Lavrandsdatter. Цветаева приводит название в немецком переводе: der Kranz, die Frau, das Kreuz — веночек, женщина, крест.

Евразия — подразумевается газета с этим названием.

chien-berger — quatre-yeux (фр.) — пастушеская собака, четырехглазая. Bodensee (немец.) — Боденское озеро, расположенное между Германией, Швейцарией и Австрией.

- № 67 «страж беспечности» (устарев. чешское) — охранитель безопасности, полицейский.

quotidien (фр.) — ежедневный, будничный.

Статья «О новой русской детской книге» была напечатана в Воле России, кн. 5—6 за 1931 г.

Hund begraben (немец.) — зарыта собака.

- № 68 кн. Святополк-Мирский Дмитрий Павлович (1890—1939?) — литературовед и историк литературы, преподававший около десяти лет русский язык в King's College лондонского университета. Выступал как публицист, был одним из теоретиков движения евразийцев. Сначала резкий противник М. Ц., потом горячий поклонник ее поэзии. Много ей помогал. Позднее вернулся в СССР, где погиб в период незаконных репрессий на переломе 30-х и 40-х гг.

- № 69 «Числа» — сборники под редакцией И. В. де Манциарли и Н. А. Оцупа, Париж, 1930—1934.

Нем Альфред Людвигович (1886—1945), русский историк литературы, доцент русского языка в пражском университете, специалист по творчеству Достоевского, бессменный руководитель пражского «Скита поэтов».

- № 71 Вечер М. Ц. состоялся 30-го мая 1931 г. в зале Эвритмия (6-бис, рю Кампань Премьер). Ц. читала как стихи, так и прозу.

«Вещь... которая... никому не нужна» — поэма о Царской семье, до сих пор не напечатанная.

- force refoulée, désir créateur — réfoulé (фр.) — подавленная сила, подавленное творческое желание.
- № 72 «История одного посвящения» не была напечатана при жизни М. Ц. Была опубликована по-русски в ежегоднике Oxford Slavonic Papers, за 1965 г. с небольшой сопроводительной статьей М. Л. Слонима по-английски. В несколько сокращенном виде была перепечатана затем в журнале «Литературная Армения» № 1, 1966, г., Ереван.
- № 74 Grands efforts (фр.) — большие усилия.
- № 75 Из статьи «Искусство при свете совести», насколько нам известно, была напечатана при жизни М. Цветаевой, всего лишь одна глава, а именно «Поэт и время» — в кн. 1—3 «Воли России» за 1932 г. Кроме того, она читала эту главу 21-го января 1932 г. в Доме Мютоялите (зал К, 6, рю Сен-Виктор). После доклада были прения. Через четыре месяца — 26-го мая, в том же зале, она прочла всю статью «Искусство при свете совести», при чем опять следовали прения. Небольшие отрывки из статьи были также опубликованы в сборнике «День поэзии», Ленинград, 1966 г.
- № 76 Rien ne m'est plus. Plus ne m'est rien (фр.) — ничего больше у меня не осталось. Больше у меня не осталось ничего.
Alain — фамилия в письме пропущена.
A la poursuite du soleil (фр.) — в погоне за солнцем.
das Hier-land (немец.) — здешняя страна.
Cognet — прозаическая вещь Р. М. Рильке — «Повесть о любви и смерти корнета Христофа Рильке», написанная в 1899 г. Была напечатана в № 207 от 16-го января 1927 г. журнала «Звено».
- № 79 К. Н. — Кист Катерина Николаевна, урожденная Рейтлингер, художница ныне в СССР.
Волошин Максимилиан Александрович (1877—1932), — русский поэт-символист, друг М. Ц. Чтение воспоминаний о нем состоялось 13-го октября, в Доме Мютоялите (24, бульв. Сен-Виктор). Статья «Живое о живом», была напечатана в «Совр. Записках», кн. 52 за 1933 г.
Grands boulevards(фр.) — Большие бульвары.
- № 80 saisir (фр.) — налагать арест на имущество.
Postface ou Face Posthume des choses (фр.) — Послесловие или посмертная сторона вещей. Неясно, о какой своей статье пишет М. Ц.
- № 82 «Дом у Старого Пимена» был напечатан в «Совр. Записках», кн. 54 за 1933 г. Отец Ц. был первым браком женат на Ваваре Дмитриевне Иловой-ской, дочери известного историка.
«Лесной Царь» был напечатан в журнале «Числа» № 10 за 1934 г., в новейшее время перепечатан в книге «Мастерство перевода», изд. Сов. писатель, М., 1964. Erlikönig (немец.) — лесной царь.
ins Blaue, ins Graue (немец.) — в голубизну, в серость.
Мережковский Дмитрий Сергеевич (1865—1941), русский писатель и критик, символист.

Гиппиус Зинаида Николаевна (1869—1945), жена предыдущего, поэтесса-символистка, писавшая критику под псевдонимом Антон Крайний. Относилась отрицательно к поэзии М. Ц.

Wurzelmännchen (немец.) — гном.

- № 83 «Дочь священника» — подразумевается книга шведской писательницы Hildur Dixelius „Prästdottern“.
- Olav Duun — норвежский писатель. Его произведение «Люди из Ювика» состоит из шести книг: — Juvikingar (Род), I blinda (Ослепленные), Storbryllorpe (Большая свадьба), I eventyre (В сказке), I ungdommen (Молодость) I stormen (В бурю).
- Der Lesende und Liebende (немец.) — читающий и любящий.
- без № Dopis z Clamart'u (2. ledna 1934) k žádosti M.I.C. — spálila A. Tesková (чешск.) — Письмо из Кламара от 2-го января 1934 г. по желанию М. И. Ц., я сожгла. А. Тескова.
- № 84 Письмо не было Ц. датировано, дата приписана карандашом, рукой А. Тесковой.
- № 86 Вечер памяти А. Белого состоялся 15-го марта 1934 г., в зале Географического общества (184, бульв. С.-Жермен). Статья о нем — «Пленный дух» — была напечатана в «Совр. Записках», кн. 55 за 1934 г. В новейшее время перепечатана в журнале „Москва“ №4, 1967 г.
- № 87 Рубинштейн Ида Львовна (1885—1960), балерина, ученица М. М. Фокина. В 1909 г. принимала участие в первых русских сезонах за границей. В 1928—35 гг. руководила в Париже собственной труппой. Для Иды Рубинштейн были написаны балеты Равеля (Болеро, 1928), Дебюсси (Страсти св. Себастиана, 1911) и Стравинского (Персефона, 1934).
- «Встречи» — ежемесячный журнал под ред. Г. В. Адамовича и М. Л. Кантора, Париж, 1934.
- «Хлыстовка» — была помещена в № 6 (последнем) «Встреч».
- № 89 Wenn die Noth am höchsten ist, so ist Gott am nächsten (немец.) — когда нужда достигает предела, Бог всего ближе.
- «Чорт» был напечатан в «Соврем. Записках», кн. 59 за 1935 г. «Китаец» был напечатан в «Последних Новостях» № 4962 от 24-го октября 1934 г.
- № 90 Патти Аделина (1843—1919), знаменитая итальянская певица (колоратурное сопрано). В 60 гг. XIX в. выступала в России.
- Und schlafen möcht ich, schlafen bis meine Zeit herum (немец.) и я хотела бы спать, спать во все отпущенное мне время.
- № 91 «Вот его вещь» — присланная М. Ц. поэма Н. П. Гронского «Белла Донна», напечатанная в «Последних Новостях» от 9-го декабря 1934 г. с предисловием Г. В. Адамовича.
- Viegbuch (немец.) — книга писем.
- Статья о поэзии Н. П. Гронского «Последний подарок», была напечатана в альманахе „Воздушные пути“, Нью-Йорк, 1967. В «Современных Записках», кн. 58 за 1935 г. были напечатаны стихи его памяти — «Иду на

несколько минут...», «Напрасноглазом, как гвоздем...», «За то, что некогда, юн и смел...» Далее М. Ц. прочла доклад о поэзии Н. П. Гронского, который состоялся 11-го апреля 1935 г. в зале Географического общества. Тезисы доклада были: — Может ли в эмиграции возникнуть поэт? — Чего ждать от еще одной поэмы? — Потомок Державина. — Что такое поэтическая «невнятица». — Смысл гибели Николая Гронского. — Письма с Альп. — Альпинизм спортсмена и альпинизм поэта. — Поэма Белла Донна: суть и форма. — Белла Донна и Мцыри. — Эмиграция так же бессильна поэта — дать, как поэта — взять. Законы поэтической наследственности. — Корни поэзии.

Далее в «Современных Записках» за 1936 г., т. 61 была помещена ее рецензия «О книге Н. П. Гронского — «Стихи и поэмы».

№ 93 «Меч» — еженедельная газета издававшаяся в Варшаве.

Чтение об А. Блоке устроила литературная группа «Перекресток», в субботу 2-го февраля 1935 г., в зале Общества ученых (Сосьете Савант, 5, рю Дантон).

А. Л. — Бем Альфред Людвигович.

«Сказка матери» была напечатана в «Посл. Новостях» № 5078 от 17-го февраля 1935 г. В сокращенном виде перепечатана в журнале „Детская литература“ № 6, М. 1968 г.

№ 94 Головина Алла Сергеевна, урожд. Штейгер, во втором замужестве — Gillès de Péligny (р. 1911), поэтесса. Долго жила в Праге, где входила в «Скит поэтов». Здесь выпустила сборник стихов «Лебединая карусель», в 1935 г. Позднее переехала в Париж и вошла в литературное объединение «Перекресток». Написала далее роман «Необыкновенная гимназия». См. такое письмо № 113.

reinlich — (немец.) — сосредоточенно, тщательно.

Maître (фр.) — метр, знающий себе цену мастер.

«говорили об издании стихов» — осуществилось издание лишь одного сборника (вероятно из-за преждевременной смерти отца), под названием — Н. П. Гронский «Стихи и поэмы», изд. Парабола, Париж, 1936 г. с короткой вступительной статьей без подписи, 214 стр. Книга была выпущена в весьма ограниченном количестве экземпляров, а потому еще перед войной стала библиографической редкостью.

Письма Н. П. Гронского в архиве А. А. Тесковой не сохранились.

lettres d'amour (фр.) — любовные письма.

№ 95 «Мать и музыка» было напечатано в «Современных Записках», кн. 47 за 1935 г. В сокращенном виде перепечатана в газете „Литературная Россия“ № 46 от 11-го ноября 1966 г., Москва.

№ 96 Hof (немец.) — двор, усадьба.

Деникин Антон Иванович (1872—1947), один из главарей белой армии в гражданскую войну.

Jüngling und Mädchen (немец.) — юноша и девочка.

- Фотография Н. П. Гронского в архиве А. А. Тесковой не сохранилась.
- № 97 aus dem Spiel... aus jedem (немец.) — я уже вне игры, вне каждой.
О встрече с Пастернаком см. примечание к письму № 103.
- № 98 Côte d'Azur — Лазурное побережье (на юге Франции).
Мария Вечера, правильнее Вечерова — чешская девушка, полюбившая наследника австрийского престола Рудольфа Габсбурга. В виду невозможности, по династическим соображениям, заключить брак, оба покончили с собой в охотничьем замке Мейерлинге 30-го января 1889 г.
- № 99 Märchen meines Lebens (немец.) — сказка моей жизни.
Patria (латин.) — отечество.
Русская швейцарка — Малер Елизавета Эдуардовна, профессор русского языка и литературы в Базельском университете. Уезжая в СССР, М. Ц. оставила у нее часть своего архива.
- № 101 Halbschwester (немец.) — единокровная сестра.
«Недавно, на моем вечере» — состоялся 20-го декабря 1935 г. в зале Сосьете Савант, 5, рю Дантон.
Bin weder Fräulein, weder schön — kann ungeleitet nach Hause gehn (немец.) — так как я не барышня и не хороша собой — могу идти домой без сопровождения.
Замятин Евгений Иванович (1884—1937), советский писатель.
- № 102 «Писательский съезд» — подразумевается Международный конгресс писателей в защиту культуры, происходивший в Париже в июне 1935 г. И. Г. Эренбург по этому поводу пишет: «Конгресс продолжался пять дней, и неизменно огромный зал Мютюалитэ был переполнен; громкоговорители передавали речи в вестибюль; люди на улице стояли и слушали... В коридоре во время дебатов Марина Цветаева читала стихи Пастернаку...»
Ася — Анастасия Ивановна Цветаева. В 1966 г. в журнале «Новый Мир» № 1 и 2, были напечатаны ее воспоминания о совместной молодости с Мариной.
Kraftsprobe (немец.) — проба сил.
un visage revenu de tout (фр.) — лицо нравящееся всегда.
«нынче читаю на вечере» — литературный вечер, устроенный «Объединением писателей и поэтов» 15-го февраля 1936 г., в помещении Общества ученых (8, рю Дантон). Со стихами выступило 33 поэта.
«на возвращенческом вечере», т. е. устроенном «Союзом возвращения на Родину», в котором С. Я. Эфрон и Аля принимали деятельное участие.
- № 104 Доклады А. Ф. Керенского, под общим названием «Трагедия царской семьи», были прочитаны в зале Мюзее Сосиаль (5, рю Лас Каз). Первый состоялся 26-го февраля 1936 г. на тему — «Революция, царь и монархисты». Второй был 7-го марта на тему — «Переговоры с Англией, отъезд в Тобольск, Екатеринбург». В третий раз — 17-го марта — был повторен второй доклад, при чем желающим была предоставлена возможность задавать докладчику вопросы.

Кузмин Михаил Алексеевич (1875—1936), писатель и поэт, утонченный символист. Очерк М. Ц. о нем — «Нездешний вечер», был напечатан в «Современных Записках», кн. 61 за 1936 г.

№ 105 stranger hear (англ.) — очевидно, ошибка и должно быть stranger here — чужой здесь.

à quoi bon? (фр.) — к чему?

№ 106 Время поездки в Бельгию нам установить не удалось.

Mon Père et son Musée (фр.) — отец и его музей.

«мраморный музей» — ныне Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве.

Бальмонт Константин Димитриевич (1867—1942) — русский поэт-символист.

Был дружен с М. Ц. и написал о ней очерк — «Где мой дом?»

Макс — Максимилиан Волошин.

№ 107 loin (фр.) — далеко.

tel qu'il fut envoyé... и т. д. — такой, каким его послал римскому сенату Публий Лентул, в то время губернатор Иудеи.

peint d'après... и т. д. — рисованный с натуры св. Лукой евангелистом, во время его пребывания в Иерусалиме.

В архиве А. А. Тесковой французские переводы Пушкина, сделанные М. Ц., не обнаружены. Однако, в виде образца, мы приводим здесь перевод «Бесов», напечатанный в однодневной газете «Пушкин», выпущенной ко дню столетия со дня смерти поэта, издание Комитета по устройству «Дня русской культуры», редактор проф. Н. Кульман.

LES DÉMONS

Les nuages fuient en foule.

Sous la lune qui s'enfuit.

Les nuages fument et roulent.

Trouble ciel et trouble nuit.

Mon traîneau bondit et plonge,

Les grelots résonnent clair.

Que de leurres, que de songes

Dans la plaine qui se perd!

— Va toujours, cocher! — Barine!

Choses vont de mal en pis.

La bourrasque m'enfarine

Mes deux yeux et mes esprits.

Ni lumière, ni demeure,

En aveugles nous errons!

C'est le Diable qui nous leurre

Et nous fait tourner en rond.

Le vois-tu danser sur place?
 Maintenant – me crache sus!
 Le vois-tu donner la chasse
 Au cheval qui n'eu peut plus?
 As-tu pu le méconnaître
 Sous la forme d'un poteau?
 S'allumer et disparaître
 – L'as-tu vu – sur le coteau?
 Les nuages fuient en foule.
 Sous la lune qui s'enfuit.
 Les nuages fument et roulent.
 Trouble ciel et trouble nuit.
 Et voilà que tout s'arrête
 Les grelots reposent morts.
 – Qu'est-ce, un troue ou une bête?
 – Lui toujours et lui encor!
 Geint et grince la rafale,
 Soufflent et ronflent les chevaux.
 Le démon, au loin, détale –
 C'est un loup aux yeux-flambeaux!
 Et la course recommence.
 Les grelots en disent long.
 Vois – dans les lointains immenses
 Cette ronde de démons!
 Des démons et des démons,
 Se joignant, se disjoignant,
 Papillonnet – tourbillonnent –
 Folles fouilles sous le vent!
 Quelle foule! Quel fuite!
 Et pourquoi ces tristes chants?
 Un ancêtre qui vous quitte?
 Une belle qu'on vous prend?
 Survolant la blanche plaine
 Geignent, hurlent les malins,
 De leurs plaintes surhumaines
 Déchirant mon coeur humain.

«Прокрасться» – стихотворение М. Ц., напечатанное в книге «После России». Чешский перевод был напечатан в газете „Národní listy“ № 177 от 28-го июня 1936 г. Перевел Jan Řiha.

№ 108 Штейгер Анатолий Сергеевич (1909–1943), поэт и писатель. При жизни выпустил три сборника стихов – «Эта жизнь», «Этот день» и «Неблаго-

дарность». В 1959 г. в журнале «Опыты», кн. 5, 7 и 8 была опубликована часть писем М. Ц. к нему.

auf die Höhe (немец.) — на высоту.

Oberland (немец.) — горы, гористое место.

le plus clair de mon été (фр.) — большую часть моего лета.

№ 109 Письмо написано по случаю смерти матери А. А. Тесковой, последовавшей 20-го сентября 1936 г.

№ 110 Duineser Elegien — Дуинезские элегии. Элегия, о которой идет речь, была напечатана в Собрании сочинений Р. М. Рильке, том II, Висбаден, 1956 г. Elegie für Marina: я написал Тебе сегодня целое стихотворение, сидя среди виноградников, на теплой, (к сожалению, еще не вполне прогретой) стене и останавливал ящериц своей декламацией.

Замок Мюзю в Сьерре, Швейцария,

8-го июня 1923, вечером.

Элегия для Марины.

О, эти потери во вселенной, Марина, эти падающие звезды!

Нам их не умножить, куда бы мы ни устремились, к какой бы то ни было звезде! В целом уже все было сосчитано.

Таким образом, павший не увеличивает святое число.

Каждое самопожертвование увлекает в небытие и эти излечивает.

Все лишь было игрой, сменой подобного, отсрочкой, всюду без имени и не приобретая родину.

Волны, Марина, мы — волны! Бездна, Марина, мы — небо!

Земля, Марина, мы — земля, с тысячью весен, мы — жаворонок, что рвущуюся песню бросает в бесконечность!

Мы начинаем с ликования: оно преисполняет все наше существо. Вдруг наше тело меняет песню в стенание.

Но также: в стенание? Разве же оно не олицетворяло юношеское торжество еще в небытии?

Подземные боги, Марина, тоже хотят, чтобы их хвалили.

Боги так невинны, они ожидают похвалу, как пикольники.

Хвалить, любовь моя, дай нам расточать похвалы.

Ничто нам не принадлежит. Мы кладем слегка нашу руку на шею еще не сломанных цветов. Я видел это на Ниле, в Ком-Омбо:

Так, Марина, сами отрехшись от даров, приносят жертвоприношение цари.

Они идут как ангелы и обозначают двери должествующих быть спасенными, Так и мы дотрагиваемся до того и до этого, кажущегося быть нежным.

Ах, как давно уже все исчезло из памяти, ах, как все разрушено, Марина, ах, при самом горячем желании. Подающий знак, не более.

Это тихая сделка, при которой каждый из нас

более не может терпеть и решается на схватку,

мстит и умерщвляет. Ибо, так как оно способно умерщвлять,

все мы наблюдаем его поведение и нежность,

а также особую силу, которая нас из здесь живущих переводит в живущих там. Небытие: знаешь ли ты как часто переносит нас слепая судьба через железную переднюю к новому рождению... переносит... нас? — Лишь тело из глаз, колеблющееся средь бесчисленных песен. Переносит в нас устремляющееся вниз сердце всего человеческого поколения. К цели перелетных птиц переносит оно всю группу, образ наших парящих изменений. Любящие, Марина, так многого они не смеют знать о гибели. Они должны быть как новые. Лишь когда их могила становится старой, лишь когда их могила вспоминает, она потемнеет под плакучим деревом. Она вспоминает по все времена. Лишь когда их могила обрушивается; они сами податливы как прутья, чем сильнее их жмут, тем более изгибаются они в кольцо. Как они рассеиваются в майском ветре! Из самой сердцевины вечности, там в ней ты вдыхаешь и боишься, они не допускают ни мига. (О, как я тебя понимаю, женский цветок на подобном непреходящем кусте. Как я растворяюсь вполне в ночном воздухе, который тебя вскоре окружит). Сначала изучают боги как помочь притворству. Мы, сжатые в кольцо, вполне преисполнены собой, как круг луны. Также во все уменьшающийся срок, также в течении недель, когда происходит тление, никто уже не возвратит нас к сознанию, разве лишь одинокий собственный путь через бессонную страну.

№ 111 Les Contes de ma Grand-Mère (фр.) — сказки моей бабушки.

L'histoire merveilleuse de Peter Schlehmil (фр.) — Необыкновенная история Петра Шлемиля.

Шамиссо Адальберт (1781—1838), немецкий писатель, по происхождению француз. Свое двойственное положение выразил словами: «Что мне делать? Среди немцев я — француз, среди французов — немец».

«Мой Пушкин» был напечатан в «Совр. Записках», кн. 64 за 1937 г. Прочитан был, вместе со стихами к Пушкину 2-го марта 1937 г., в зале Русского музыкального общества за границей (26, авеню де Токио). Очерк, вместе со стихами, помещен в сборнике „Мой Пушкин“, изд. Советский писатель, М. 1967

Dichterin (немец.) — поэтесса.

№ 112 Pilgerschaft, Wanderstab (немец.) — паломничество, страннический посох.

«Стихи к Пушкину» были напечатаны в «Современных Записках», кн. 63 и 64 за 1937 г.

Mazon André (1881—1968) — французский славист, профессор в Коллеж де Франс. Ранее лектор французского языка в Харькове, потом секретарь

Школы восточных языков в Париже и профессор в Страсбургском университете. Автор многочисленных работ по русской литературе.

Mais nous avons déjà... и т. д. (франц.) — но у нас уже есть очень хорошие переводы стихов Пушкина, один мой друг их перевел вместе со своей женой.

- № 113 *Marché aux Puces* (фр.) — «блошиный» рынок, толкучка.
«выставка» — подразумевается Всемирная выставка в Париже 1937 г.
- № 111 *Wertheim* (немец.) — сейф, несгораемый шкаф.
«Русские Записки» — общественно-политический и литературный журнал, при ближайшем участии Н. Д. Авксентьева, И. И. Бунакова, М. В. Вишняка и В. В. Руднева, Париж—Шанхай. Статья «Пушкин и Пугачев» была напечатана в № 2 за 1937 г.
- № 115 *maître-nageur* (фр.) — учитель плавания.
Durchschnittsmensch (немец.) — профиль, разрез человека.
«Сонечка» — София Евгеньевна Голлидэй, актриса. «Повесть о Сонечке» была напечатана в «Русских Записках» № 3 за 1938 г.
Elle était... .. и т. д. (франц.) —
Она была бледна — но и розова,
Маленькая — с длинными волосами... ..
- № 116 *Buck Pearl* (р. 1892) — американская писательница-романистка. Награждена премией Нобеля в 1938 г. Сюжеты своих книг черпала исключительно из китайской жизни.
La Terre Chinoise — китайская страна.
Les Fils de Wan-Lung — сыновья Ван-Лунга.
La Famille dispersée — разбросанная семья.
Mère — мать.
- № 120 Письмо написано в связи с частичной мобилизацией в Чехословакии, объявленной 21-го мая 1938 г., в виду германской угрозы.
- № 122 Письмо в связи с Мюнхенским сговором 29-го сентября 1938 г. и отторжением чехословацких пограничных областей.
Nous sommes un peuple... .. и т. д. (франц.):
Мы народ никогда не склоняющийся перед тираном,
И никогда не соглающийся иметь несправедливого предводителя,
Мы добыли славу концами своих пик.
Мы чтим своего соседа и живущий под нашей охраной не должен бояться ничего.
- От наших отцов мы унаследовали надежные мечи,
которые сами представляют завещание наших прагов.
Кто хочет им противустоять — пусть противустоит; кто хочет нас подчинить
пусть подчиняется сам.
- Мы различаем полноценную и фальшивую монету.
Эль Кораиз ибн Онаиф.

On nous blâme... и т. д.:

Нас порицают за нашу немногочисленность.
Я им отвечаю: невелико число героев!
Не малочисленны те, однако, которых представляю
Молодые люди берущие приступом славу —
Поэтому малочисленность нам ничуть не мешает.
У нас есть неприступная гора, дающая приют тем, кому мы покровительствуем
Заставляющая смежать очи от утомления.
Ее основание покоится глубоко в земле,
А ее вершина вздымается высоко к звездам.
Наш род чист, без примеси, происходящий
От благородных женщин и героев.
Мы как вода из облаков: полезны
Подобным нам: среди нас нет скупцов.
Мы опровергаем слова чужих,
Но никто не может опровергнуть наши.
Если один из нас падет, подымается другой
Красноречивый, употребляя слова высокых душ.
Наш огонь всегда горит для принятия путников
И никогда гость не сможет пожаловаться на недостаток гостеприимства
у нас.

Эль Самауаль.

Qui dispense ses biens... и т. д.:

Кто раздает свое имущество, чтобы сохранить свою славу
Тот ее сохранит, а кто не отвергает обиду — тот обижаем;
Кто верен своей клятве, того не будут осуждать.
Кто не чтит свою душу, не может быть чтимым!
Кто не защищает свое поле оружием, тот потерял.
Язык и сердце, муж создан из этих двух половин,
Остальное — тело и кровь, не более как воображение.

Если ты сражен несчастьем,
Облачись терпением — это наилучшая преграда.
В особенности избегай жаловаться себе подобным.
Таким образом ты сетуешь на божественное милосердие — людям немилосердным.

Если судьба тебя угнетает — будь терпелив,
Потому что судьба не обладает терпеливостью.

Будь храбрым. Вплоть до своего последнего вдоха
Прячь от врагов упадок духа.

Твоим врагам радостно видеть тебя понурым и истомленным,
Наоборот, им грустно видеть тебя терпеливым.

C'est un temps difficile... и т. д.:

Настало тяжкое время — но его будет наследовать изобилие.
Настаю несчастье — но его будет наследовать будущая радость.
Подумай: печаль долженствующая пройти
Стоит больше, чем радость не могущая длиться.

Если несчастье тебя снова сразит, признай
Ничтожными свои прошедшие страдания,
И если потом снова придут несчастья,
Которые могут тебе внушить страх перед жизнью —
Надейся!
Ибо твои несчастья уже приближаются к концу.

Вчера меня заставило плакать.
Сегодня я оплакиваю вчера.

Je Vous vois... и т. д. — Я вас вижу в старинном городе... Много воды... много воды... Вы на мосту — со статуями... так сказать... плавающими... И я вижу распятие, очень большое распятие... — Мне было хорошо в Праге, месть, но уже много воды протекло под Карловым мостом с тех пор, как я в последний раз на него облокотилась...

№ 123 Жюлио Фредерик (1900—1958), выдающийся ученый-физик, муж Ирэны Кюри, общественный деятель. Вместе с женой известен как неутомимый борец за мир. Награжден премией Нобеля в 1935 г.

Жюлио-Кюри Ирэна (1897—1956), выдающийся радиолог, дочь знаменитой польской ученой Марии Кюри-Склодовской, открывшей радий. М. Ц. приписывала этому открытию огромное значение, полагая его благодеянием для человечества. Она считала, что М. Кюри «осветила им мир». Кюри Эва — вторая дочь М. Кюри. Ее книга — „Madame Curie“, издание Gallimard, Париж, 1938.

№ 124 «Ваше семейное горе» — иносказание. Подразумевается отторжение пограничных областей.

«По золотой тропе» — Чехословацкие впечатления, — книга М. Л. Слонима, Париж, 1928 г.

«Рыцаря» — подразумевается статуя около Карлова моста, см. примечание к письму № 14.

№ 125 Croire mère à la victoire (франц.) — больше верить в победу.

Made in Tchécoslovaquie (англ. и франц.) — изготовлено в Чехословакии. Et pourtant il y avait quelque chose — là (франц.) — а всеж там кое-что было! Шенье Андрэ (1762—1794), французский поэт, казненный во время

Великой Французской революции. Ц. написала о нем стихотворение.

lâcheté (франц.) — трусость, малодушие, низость, подлость.

échantillon recommandé (франц.) — образец, заказное.

Чемберлен Невилль (1869—1940), английский министр, пытался все европейские проблемы решать путем уступок агрессорам. В силу этого дал свое согласие к разделу Чехословакии.

Hôtel de Ville (франц.) — городская дума, ратуша.

J'ai peine à me représenter... и т. д. (франц.) — я с трудом могу представить себе, что этот великий старец, занятый раздачей полных добродушия улыбок, мог держать в своих хрупких руках участь миллионов и миллионов существ... верхи французской аристократии, пришедшей почтить наших гостей... под ярким светом люстр... Чашка чаю — выпитая в интимном кругу... это цейлонский чай...

...Мадам, я хотел бы, чтобы весь Париж... он растроган до слез... улыбку...

Государственный деятель и человек большого сердца, который в сотрудничестве с Главой нашего государства и его премьер-министром сумели отвратить ужасы войны... Вы заняли в истории незабываемое место... Чтобы совершить подобное — блестяще продуманное и имевшее успех предприятие, нужно быть продолжателем дела Дизраэли и Гладстона... Господин премьер-министр происходит из той же страны, что и наш Дюгеклен...

Дизраэли Бенджамин (1804—1881), английский государственный деятель, консерватор. Один из главных создателей английской колониальной державы.

Гладстон Уильям (1809—1898), английский государственный деятель, проводил либеральные реформы.

Дю Геклен Бертран (1320—1380), французский государственный деятель, вел успешные войны с англичанами.

...Я убежден, господин министр, что выражаю чувства всех парижан, всех наших провинций и всей Франции... (говорил Председатель Городского Совета).

...Да будет мне позволено выразить мою глубокую благодарность за прием, который мне оказала Ваша прекрасная столица... я убежден, что эту точку зрения разделяют все народы мира... Моя задача благородна и заслуживает всех наших усилий...

...Я полагаю, как наши друзья из Фигаро...

vieux gentiers — престарелые рантье...

Черчилль Уинстон (1874—1965), английский государственный деятель. Будучи консерватором, он был однако против политики соглашательства и за войну с Германией.

Иден Антони (р. 1897), английский государственный деятель, единомышленник Черчилля.

troisième berceuse (франц.) — третья няня.

les humbles (франц.) — обездоленные, смиренные.

Карлов Тын, замок в Чехии, основанный в 1348 г. императором Карлом IV, где хранились королевские сокровища.

Un cas délicat... и т. д. — При этом щекотливый случай возлег на полицейские власти. Перед посольством находилась группа англичанок, которые не встречали министров розовато-лиловыми цикламенами, как это сделало несколько французских дам десять минут перед этим на перроне вокзала, но криками «Да здравствует Иден! Да здравствует Черчилль!»

Стихи к Чехии: в названии реки Влтавы, по правилам чешского языка, ударение падает на букву «л».

двухвостый лев — герб Чехословакии.

№ 128 Чапек Карел (1890—1938), чешский писатель. Умер от воспаления легких. après une courte maladie (франц.) — послекраткой болезни.

Alpes Maritimes (франц.) — Приморские Альпы.

le pic de... вершина (такая-то).

«несколько слов о...» — к письму приложена вырезка из франц. газеты со статьей о К. Чапеке, но нельзя установить ни имя газеты, ни дату напечатания.

la dernière classe — последний класс. Lettres de mon moulin — письма с моей мельницы.

Додэ Альфонс (1840—1897), французский писатель.

la justice des choses — справедливость хода вещей.

№ 129 Письмо ошибочно датировано 1938 г. Судя по штемпелю, да и по содержанию, относится к 3-му января 1939 г.

a to je málo — этого мало.

zelenina (чешск.) — овощи. Nic — ничего.

Histoires à dormir debout (франц.) — истории, предназначенные для спанья стоя.

№ 130 «Голем» — роман немецкого писателя Густава Мейринка (1868—1932) из пражской жизни. Ц. повидимому читала книгу в русском переводе Мих.

Кадиша, Берлин, изд. С. Вфрона, уничтоженную немецкими оккупантами.

Intempéries (франц.) — перемены погоды.

La roussière (франц.) — пыль.

№ 131 «вчера был исторический день» — дата февральской революции 1917 г.

№ 132 Письмо написано после немецкой оккупации 15-го марта 1939 г. остатков Чехословакии. Все письмо — иносказательное.

«Много пишу» — подразумевается стихотворный цикл «Март».

Нельзя установить, что скрывается под намеком — «одного человека на мосту».

№ 138 «В деревню» и дальше «деревенским» — иносказание, подразумевается СССР.

«Эдди» — в корреспонденции президента Эдварда Бенеша (1884—1948), стихи М. Ц. не сохранились.

«ручь и леса» — иносказание, подразумевается Чехословакия.

можежевельник по-немецки Wacholder, Holunder — бузина.
«деревенские пестрые» — т. е. чешские народные.

№ 135 Express de Vienne — скорый из Вены.

En voiture, Madame — в вагон, мадам...

№ 136 Перевод письма: Уважаемый господин доктор, Марина Ивановна мне написала, что как раз закончила работу для Прагер Прессе — воспоминания о Брюсове, прошу Вас — пусть ей это поскорее напечатают. Ефрон находится в санатории. Потерял в течении зимы 18 кг. — Мы, вместо Янских Лазней оказались в Хоуштке, из-за мамы, это близко. — Заранее радуюсь теме Вашего доклада в Едноте. Мне уже обещали несколько интересных докладов. Сердечный привет Вам и супруге. Почтительный поклон Вашей матушке. Юрочке много удачи. Ваша А. Тескова.

Указатель имен

Цифры в скобках обозначают косвенное указание

А

- м-рс Абель см. Бетси Балькомб
А-ва см. Андреева А.
Адамович Г., критик 38, 39, 119, 144
Alain, путешественник 97, 98
Александр I., рус. имп. 169
Алексеев, проф. 64, 71
Алексинский, проф. 125
Альтшуллер Г., врач 53
Андерсен Г. Х., датский сказочник 129
Андреев В., художник 113
Андреев С., танцор 113, 114
Андреева А., вдова писателя 31, 34,
40, 103, 113, 114, 116, 120, 122, 135,
137
Андреева В. 113
д'Арк Жанна 185
Ахматова А. 8, 69, 80, 137

Б

- Багрицкий Э., поэт 124
Бакунин М., революционер 18
Балькомб Б., также м-рс Абель 158
Бальмонт К., поэт 139, (185)
Белый А., поэт 110, 112, 113
Бем А., литературовед 22, 90, 119,
(120), 120, 125, 152
Бенеш Э., чехослов. президент (182)
Бернацкая М. Л., бабушка М. Ц. 110
Беттина Брентано, нем. пис-ца 80
Билибин И., художник 44
Бичер-Стоу Г., амер. пис-ца (166)
Bleichröder, нем. банкир (114), 115
Блок А. 8, 119
Брей А., актер 49, 53, 61
Брюсов В. 31, 32

- Булгаков В., секретарь Толстого 40,
41, 59
Бунин И. 49, 106, 107, 131, 132
Бунина В., урожд. Муромцова (107),
131
Buck Pearl, амер. пис-ца 157

В

- Ваня, рус. мальчик 49, 52
В. Д., невеста Гронского 122
Вересаев В., сов. писатель (122)
Вечера М. 127
Волконский С., кн. 74
Володя, брат подруги 62
Волошин М., поэт 101, 104, 109, 140
Врангель Л., баронесса 125

Г

- Гавличек—Боровский К., чешск. журн.
19
Галифакс, лорд 169
Гаррах, граф 168
Герцен А. 18, 20
Гете И. В. 102, 105, 112, 153, 168
Гиппиус Э., поэтесса 106
Гладстон У. 169
Гоголь Н. 19, 112
Головина А., поэтесса 21, 121, 142, 152
Голлидэй С., актриса 155, 156, 185
Гомер 35
Гончарова Н. Н., жена Пушкина 72
Гончарова Н. С., художница 70, 72,
73, 74, 75, 77, 82, 84, 85, 86, 87, 88,
104
Горький М. 106
Гронская, мать поэта 119, 145
Гронский Н. П., поэт (64), (65), 117,
119, 120, 121, 123, 124, 138, 164

Гронский П. П., отец поэта (118), 120,
121, 122

Гюго В. 155

Д

Даль В. 130

Даманская М., журналистка 103

Дантес Ж. 150

Демидов И., редактор 120, 123

Деникин А., генер. 124

Дизраели Б., англ. гос. деятель 169

Dixelius Н., шведская пис-ца 112

Доде А., франц. писатель 178

Добровский И., чешск. ученый 19

Добужинский М., художник 44

Достоевский Ф. 18, 84, 86

друг, покончивший с собой 110

Du Guesclin Betr., фр. гос. деятель 169

Е

Еленев Н., искусствовед 53

Елпатьевский С., писатель 125

Ж

Жолио-Кюри Ф. и И. 163, 165

З

Заблоцкий, служащий Земгора 34

Завадский С., проф. 41, 64

Завазал, служащий чехосл. М. Ин. Д.
59, 60

Замятин Е., сов. писатель 132

Зиновьева-Ганнибал, рус. пис-ца 53

Зновско-Боровский Е., шахматист 99

И

Иван Грозный 111

Иванов Владик 64

Иванов Вяч., поэт 53

Иден А., англ. полит. деятель 170

Извольская Е., переводчица 87, 96

Иловайский Д., историк 105, 107, 133
его дети 108

испанец, из Сантандера 156

К

Кант Э., философ 180

Карсавин, проф. 47, 64, 71, 102

Керенский А. 136, 137, 139

Кирилл Вл., вел. кн. 39

Кист К., ур. Рейтлингер 78, 101, (102),
104

Кобылинский, полк. 136

Кондаков Н., проф. 28

Кубка Ф., чешск. писатель 29, 31, 32,
38

Кузмин М., поэт 137, 139

Кузнецова Г. 132

Curie Ève 163

Curie Irène, физик 163

Curie-Sklodowska M. 163

Л

Лагерлеф С., швед. пис-ца 84, 108,
112, 138, 155

Лебедев Вл. И. 42, 54

Лебедев Вяч. М., поэт 73

Лебедева М., жена Вл. И. 76, 93, (94),
135, 137, 152

Ледоховская М., графиня 110

Леман Р., фр. пис-ца 180

Лесков Н. 84

де Леспинасс Ж. 66

Лжедмитрий 9

Лосский Н., проф. 64

Людвиг Э., нем. писатель 111

Людвик XI, фр. король 111

М

Мазон А., фр. славист 151

Маковицкий Д., врач Л. Толстого 20

М. Л. см. Слоним

Малер Э., проф. (85), (130)

Мальро А., фр. писатель 138

Мамонтов, ген. 9

Масарик Т. Г., чехосл. президент 20,

157

Маяковский В. 10, 60, 69, 73, 83, 84, 116
Мейн М. А., см. Цветаева М. А.
Мейн А. Д., дед Ц. 149
Мейринк Г., нем. писатель (180)
Мережковский Д. 18, 106, 135
Метерлинк М., бельг. поэт 64
Миллюков П., полит. деятель 47, 106, 128, 134
Мистраль Ф., фр. поэт 166
Мрштик В., чешс. писатель 20
Мухина В., скульптор (153)
Мягкие, семья 64

Н

Наполеон I 33, 77, 111, 151, 158, 170
Наполеон II, его третья няня 170
Напрстек В. 18
Неедлый Э., проф. 20, 21
Немцова Б., чешс. пис-ца 13, 18
Неруда Я., чешс. писатель 18
Нидерле Л., проф. 28
Николай Н., вел. кн. 39
Ницше Ф. 8
Нобель А., премия 106, 176

О

Оболенские кн., семья 127
Орлов В. Н. 5, 11
Осоргин М. 38, 39

П

Палацкий Ф., чешс. историк 18
Панкратов, комиссар 136
Пастернак Б. 14, 29, 52, 61, 62, 70, 75, 90, 91, 111, 126, 134, 145, 148, 154
Пастернак Л., художник 62
Патти А., певица 116
Паустовский К. 18
Погодин М., славянофил 19
Помпадур Ж. А., маркиза 46
Поплавский Б., поэт 73
Prevost de Launey 169

Пруст М., фр. писатель 120
Пушкин А. 142, 145, 148, 149, 150, 151, 153, 177

Р

Разин С. 9
Ремизов А., рус. писатель 74, 90
Рейтлингер К. см. Кист
Рейтлингер Ю., художница 104
Ригер Ф. Л., чешс. полит. деятель 18
Рильке Р. М., австр. поэт 14, 48, 49, 52, 56, 61, 69, 70, 71, 72, 74, 79, 80, 99, 116, 120, 144, 145, 146, 148, 153, 154, 158, 162, 183
m-elle Robert Jeanne (49)
Розанов В., философ 47
Ротшильд, банкир 115
de Rochejaquelin Н. 40
Рубинштейн И., балерина 113
Руднев В., редактор 45, 106, 137
русская, вышедшая замуж в бельг. дом 140
русский учитель плавания 154
Руссо Ж. Ж. 84

С

Савицкий П., проф. 69
Санд Ж., фр. пис-ца 34, 148
кн. Святополк-Мирский Д., критик 89, 93
Севера В., чешс. патриот 17, 18
Скотт В., англ. писатель 111
Слоним М., также М. Л. 32, 42, 47, 48, 49, 54, 59, 68, 70, 72, 73, 74, 75, 77, 79, 82, 88, 89, 90, 102, 103, 138, 146, (164), 167, 168
Сметана Б., композитор 129
Соловьев В., философ 18
Сосинская А. 77
Сосинский Б., рус. писатель (77)
Сталин И. 134, 135
Сталинский Е. 42
Сташек А., чешс. писатель 20

Степун Ф., рус. писатель 30
Стравинский И., композитор 77
Струве П., рус. полит. деятель 38, 39
Сувчинский П. 47, 64

Т

Теска А. 18
Толстой А., сов. писатель 89
Толстой Л. 18, 20, 72, 73, 106, 112
Толстая С., жена Л. Н. 73
Тургенев И. 141
Тэффи, рус. пис-ца 62

У

Унбегаун Б., проф. 130, 132
Ундсет С., норв. пис-ца 84, 98, 108,
114, 116, 135, 138, 155, (184)

Ф

Фаворские 132
Фейхтвангер Л., нем. писатель 167
Fortuny P., ясновидящий 162
Faucher, генер. 160
Хашек Я [Наѣк J.], чешск. писатель
76
Хельцицкий П., чешск. философ 20
Ходасевич В., поэт 119, 121
Хомяков А., славянофил 19

Ц

Царская семья 136, 137
Цветаев А., единокровный брат 110,
133, (148)
Цветаев И. В., проф., отец (111), (139)
Цветаева А. И., родная сестра 134,
(139), 152
Цветаева В. И., единокровная сестра
(107)
Цветаева М. А., урожд. Мейн, мать
109

Ч

Чапек К., чешск. писатель 165, 169,
175, 176, 178, 179
Чамберлен Н., англ. полит. деятель
168, 169
Чернова О. 77
Черчилль У., англ. полит. деятель 170
Чехов А. 129
Чингис-Хан 49
Чириков Е., рус. писатель 125
Чирикова Н., его дочь 40
Чириковы, семья 47

Ш

Шаляпин Ф. 77
Шамиссо А., нем. писатель 148
Шаховской Д., редактор 42
Шваб Г., нем. писатель 40
Шевырев С., славянофил 19
Шенье А., фр. поэт 166
Шопен Ф., польск. композитор 32, 34
178, 182
Шоу Б., англ. писатель 179
Штейгер А., рус. поэт 142
Штейнер Р., философ (48)

Щ

Щеголев П., пушкинист 150

Э

Эйснер А., рус. поэт 73, 99, 100
Эккерман И. П., см. Гете

Ю

Юрчинова Э., чешск. пис-ца 34, 35, 36,
38

Я

Яблоновский С. 38, 39, 99
Яковлев, комиссар 136

9° mai 1926.

Здравствуй Сергей Иванович,
Дика Дика спасибо! (Спасибо тебе
дети наши урнат насен)

Я уже два вечера нам в Вандер,
одна с дватем, С. Д. дети жакет
повсем функциям, "Азия"

St. Gilles-sur-Sie
Ker. Edouard
1926

Писатель, профессор, мало
считается "Поэт о критик"
во 2ой книге "Белоканье" (видео-тип Ванда), я пишу
мне урнат урнат: Адамович,
Василий А. Дегеневич, и
даже Петре Ситко, поэт, он,
второй еще не читал.

"Laisser dire" - вот что надо
Самое над всем одно урнат
мне урнат, урнат. По ф. урнат

Дети, Дика Дика спасибо, дети
урнат все над матерью (мать
и Вандер), урнат у урнат 2-фол
30 страниц. Как ее адрес?

Адрес: St. Gilles-sur-Sie (Vendée)
Avenue de la Plage
Ker. Edouard